Весь СТАУТ

КРАСНАЯ ШКАТУЛКА

ВЕСЬ СТАУТ

Фер-де-ланс (Острие копья)
Рекс Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Фер-де-ланс (Остриё копья). Перевод с англ. А. Шведкова
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Аннотация

Первая книга Рекса Стаута о *Ниро Вулфе* и *Арчи Гудвине* — роман «Остриё копья» (*Fer-de-Lance*, 1934).

Рекс Стаут. Фер-де-ланс (Остриё копья)

Перевод с англ. А. Шведкова

Глава 1

У меня были все основания ожидать, что за пивом буду послан я. Все дела по Фейрмонтскому национальному банку были закончены, я был без работы, а в таких случаях Вулф мог, не задумываясь, послать меня даже за банкой гуталина на Маррей-стрит, если бы она ему понадобилась. Но за пивом был послан Фриц. Сразу после ланча в кухне раздался звонок, и не успевший покончить с мытьём посуды Фриц был затребован наверх, к хозяину. После этого, получив надлежащие инструкции, он сел в открытую машину, всегда стоявшую наготове у нашего крыльца, и отбыл в одному ему известном направлении.

Он вернулся через час. На заднем сиденье громоздились коробки с пивом. Вулф был у себя в кабинете, который мы с ним именовали конторой, а Фриц — библиотекой. Я сидел в гостиной и безуспешно пытался вчитаться в некий трактат об огнестрельных ранах. Увидев в окно, что Фриц подкатил к подъезду, я обрадовался возможности размяться, а главное, прервать своё бесполезное занятие. Я помог ему разгрузить машину, а потом

мы перетаскали коробки в кухню и заполнили бутылками с пивом все нижние полки кладовки. Едва мы закончили, Фриц снова был вызван к хозяину, но теперь уже в кабинет. Я последовал за ним.

Вулф поднял голову. Я упоминаю об этом потому, что его голова столь массивна, что любое её движение не может не привлечь внимания. Она, должно быть, ещё больше, чем кажется, ибо любая другая на таком огромном теле могла бы вообще остаться незамеченной.

— Где пиво? — спросил он.

— В кухне, сэр, — отвечал Фриц. — На нижних полках кладовой, справа, сэр.

— Принеси. Оно холодное? Захвати штопор и два стакана.

— Пиво охлаждённое, сэр. Сейчас принесу.

Я улыбнулся. Усевшись на стул, я стал гадать, зачем Вулфу обрезки бумаги, разбросанные на столе, и вырезанные из них кружочки, разложенные в разных комбинациях на бюваре.

Фриц тем временем начал таскать бутылки с пивом. Приносил он их на подносе по шесть сразу. После третьего подноса я заметил, каким взглядом Вулф окинул ряды бутылок на своём столе, а затем посмотрел в спину удалявшегося Фрица.

Ещё два подноса — и Вулф уже не выдержал:

— Когда этому придёт конец? — недовольно буркнул он.

— Скоро, сэр. Осталось ещё девятнадцать бутылок. А всего их сорок девять.

— Глупости. Прости, Фриц, но это глупости.

— Согласен, сэр. Но вы сами велели доставить вам все сорта пива, какие есть в округе. Я объездил не менее десяти лавок.

— Ладно, неси все. Да, захвати солёных крекеров. Надо же угостить вас, как ты считаешь?

Как потом объяснил мне Вулф, после того как пригласил сесть поближе и занялся откупориванием бутылок, идея была такова: он решил объявить бойкот контрабандному пиву, которое покупал бочками и хранил в подвале. Если он найдёт, что местное пиво не хуже привозного, к которому он привык, то перейдёт на него. Вулф также решил, что шесть кварт пива в день, пожалуй, многовато, и предполагал отныне ограничиваться пятью. Я мысленно ухмыльнулся, ибо не верил, что из этой затеи что-либо выйдет. Я на минуту представил, во что превратится теперь его кабинет и как Фриц будет справляться с батареями пустых бутылок на полу. Поэтому я позволил себе повторить шефу то, что уже гово-

рил не однажды: пиво вредит живости ума.

Дегустируя бутылочное пиво, Вулф продолжал рассуждать об особенностях каждого из сортов, как вдруг в прихожей раздался звонок. Послышались шаги Фрица, отправившегося открывать дверь, затем голоса в прихожей. Через минуту на пороге кабинета выросла внушительная фигура Фреда Даркина. Я всегда удивлялся, как при своей полноте и неповоротливости он сумел стать отличным сыщиком, от которого, насколько я знаю, не ушёл ещё ни один преступник. Вулф нередко прибегал к его услугам, каждый раз расплачиваясь наличными.

— Здравствуй, Фред, — несколько удивлённо приветствовал он неожиданного гостя. — Зачем пожаловал? Я тебе что-то должен?

— Добрый день, мистер Вулф. — Фред переступил порог и вошёл в комнату. — Неплохо, если бы было так, сэр. Чертовски приятно собирать долги.

— Хочешь пива?

— Нет, благодарю, мистер Вулф. — Фред приблизился к столу. — Я к вам с просьбой, сэр.

— Вот как? — Вулф внимательно окинул его взглядом. — Если насчёт денег, дружище, то сам знаешь моё нынешнее положение. Но думаю, ты

пришёл не за этим?

Даркин всегда восхищался проницательностью Вулфа и его умением говорить обстоятельно.

— Видит Бог, никому не помешали бы деньжата, сэр. Но как вы догадались, что я не за этим?

— Неважно. Арчи тебе потом объяснит. Просто ты не мнёшься и не смущаешься, как обычно, когда говоришь о деньгах. И в подобном случае ты не пришёл бы ко мне с дамой. Не так ли?

Это было уже слишком.

— Он пришёл один, сэр, — наклонившись к Вулфу, произнёс я. — Я пока ещё не оглох.

Лёгкая вибрация, словно рябь на глади воды от набежавшего ветерка, всколыхнула огромное тело Вулфа. Я понял, что он смеётся.

— Конечно не оглох, Арчи. Слух у тебя отличный. Просто дама не произнесла ни слова. Зато Фриц приветствовал Даркина с галантностью, которую приберегает лишь для представительниц прекрасного пола. Услышь я, что он так разговаривает с мужчиной, я тут же отправил бы его к психиатру.

— Это подруга моей жены Фанни, мистер Вулф, — пояснил Фред. — Самая близкая подруга. Моя жена итальянка. Кажется, я вам не рассказывал об этом. Так вот, у её подруги неприятности, по

крайней мере Фанни так считает. А по-моему, это женские выдумки. Мария рассказала всё моей жене, а та мне, а потом обе насели на меня, потому что я как-то сболтнул, что нет таких тайн, которые вы не могли бы разгадать. Я знаю, сэр, мне не следовало распускать язык, но так уж получилось. Стоит только завестись…

— Приведи её сюда, — прервал его Вулф.

Даркин вышел в холл и через минуту вернулся, пропустив вперёд женщину средних лет, невысокую и отнюдь не сухощавую. Черноволосая и темноглазая, настоящая итальянка, одета она была опрятно — в розовое хлопчатобумажное платье и чёрный жакет из лёгкой синтетической ткани.

Я пододвинул ей кресло, и она села, не отрывая взгляда от Вулфа.

— Мария Матти, — представил её Даркин.

Она с благодарностью улыбнулась Фреду Даркину, показав мелкие белые зубы, а потом ещё раз представилась сама:

— Мария Маттеи. — Это прозвучало совсем иначе.

— Миссис Маттеи? — уточнил Вулф.

— Нет, сэр. Я не замужем.

— И тем не менее у вас неприятности?

— Да, сэр. Мистер Даркин сказал, будто вы столь добры, что можете…

— Расскажите всё по порядку.

— Хорошо, сэр. Речь идёт о моём брате Карло. Он исчез.

— Как исчез? Куда?

— Не знаю, сэр. Его нет уже два дня, и я тревожусь.

— Вот как, — промолвил Вулф и, повернувшись ко мне, сказал: — Займись, Арчи.

Едва он произнёс «вот как», я вынул блокнот и приготовился продолжать допрос. Я люблю опрашивать свидетелей и потерпевших в присутствии шефа, поскольку отлично умею делать это. Моя задача упрощалась тем, что эта женщина говорила только по существу. Быстро, чётко и ясно она изложила суть дела.

Мария Маттеи работала экономкой в одном из домов фешенебельного квартала Парк-авеню, там же и жила. Её брат Карло Маттеи, двумя годами старше её, снимал комнату на Салливан-стрит[1]. Он был первоклассным мастером по металлу и хорошо зарабатывал в ювелирной фирме «Рэтбан и Кросс». Но поскольку он любил выпить и из-за

---

[1] Примечания: 1

Салливан-стрит — итальянский квартал в Нью-Йорке. *(Здесь и далее прим. перев.)*

этого иногда не являлся на работу, он был уволен первым, как только началась депрессия и массовые увольнения. Какое-то время он перебивался случайными заработками, но когда кончились сбережения, полностью перешёл на иждивение сестры.

В середине апреля, потеряв надежду найти работу, Карло решил вернуться на родину, в Италию. Мария поддержала его и обещала помочь деньгами. Она дала ему сумму, необходимую для покупки билета на пароход. Но прошла неделя, и он вдруг сказал, что откладывает отъезд. Он не сообщил ей причину, но заявил, что больше не будет брать у неё деньги и вскорости вернёт всё, что ей задолжал. А спустя ещё какое-то время объявил, что раздумал уезжать.

Карло никогда не был откровенен с ней, а тут и вовсе замкнулся. Теперь вот вдруг исчез. В субботу он позвонил ей и пригласил поужинать в понедельник вечером в итальянском ресторанчике на Принс-стрит, где они обычно встречались. Он знал, что в понедельник вечером она всегда свободна. Голос у него был весёлый, он радовался, что у него с собой будет достаточно денег для того, чтобы не только вернуть ей долг, но и одолжить ей, если она того пожелает. В понедельник она

прождала его до десяти вечера и, не дождавшись, пошла на Салливан-стрит в меблированные комнаты, где он жил. Там ей сказали, что в семь вечера он ушёл и ещё не возвращался.

— Это было позавчера, — уточнил я и увидел, как Даркин заглянул в свой блокнот.

— Да, в понедельник, четвёртого июня, — подтвердил он.

Вулф покачал головой. Всё это время он сидел, неподвижный, как гора, уткнувшись подбородком в грудь, и, казалось, не проявлял никакого интереса к тому, что происходит вокруг него. Не меняя позы, он буркнул под нос:

— Даркин, сегодня среда, седьмое июня.

— Что? — всполошился Даркин. — А, понимаю, мистер Вулф.

Вулф погрозил пальцем Марии Маттеи.

— Вы уверены, что это было в понедельник?

— Конечно, сэр. В понедельник у меня свободный вечер.

— Итак, это было в понедельник вечером. Даркин, исправь дату в своём блокноте или, лучше всего, выбрось его в мусорную корзину. Ты убежал вперёд на целых двенадцать месяцев. В будущем году четвёртое июня действительно придётся на понедельник. — Повернувшись к

посетительнице, Вулф сказал: — Мисс Маттеи, я сожалею, что вынужден ограничиться лишь советом: обратитесь в полицию.

— Я обращалась, сэр. — В глазах посетительницы застыла обида. — Они сказали, что брат уехал в Италию вместе с моими деньгами.

— Может, так оно и есть.

— Нет, не так, мистер Вулф, и вы это хорошо знаете! Вы достаточно долго разглядывали меня и уже наверняка убедились, что я хорошо знаю своего брата.

— В полиции сказали, каким пароходом он отплыл из США?

— Они не могли мне такое сказать, потому что в понедельник не было рейсов в Италию. Они просто не пожелали разбираться и ломать себе голову. Поэтому и сказали, что он уехал.

— Понимаю. Сказали первое, что пришло в голову. Сожалею, но ничем не могу вам помочь. Я могу лишь строить догадки. Если это ограбление с убийством, тогда где труп? Но это уже дело полиции. Рано или поздно кто-нибудь найдёт его и сообщит в полицию, и тогда ваша загадка наверняка будет разгадана.

Мария Маттеи сокрушённо покачала головой.

— Я не верю, мистер Вулф. Не верю. А этот теле-

фонный звонок?..

— Какой звонок? Вы нам ничего не говорили о телефонном звонке! — не удержался я.

— Я не успела, — улыбнулась мне Мария. — Вечером около семи ему кто-то звонил. Телефон находится в вестибюле, и одна из горничных слышала, как он разговаривал. Он был взволнован и договорился встретиться с кем-то в половине восьмого. — Мария повернулась к Вулфу. — Я знаю, вы можете помочь мне, сэр. Помочь найти моего брата Карло. Я научилась сдерживать себя, быть спокойной и холодной, потому что давно уже живу в Америке. Но я итальянка, сэр, я должна найти своего брата и, если что-то с ним случилось, должна знать, кто в этом виноват.

Вулф снова отрицательно покачал головой, но она даже не заметила этого.

— Вы должны сделать это, сэр. Даркин говорил, что вы нуждаетесь в деньгах. У меня есть сбережения, я оплачу все расходы. Я хорошо заплачу вам, сэр, ведь вы друг мистера Даркина, а я подруга его жены Фанни…

— Ничей я не друг! — сердито огрызнулся Вулф. — Сколько у вас денег?

Она заколебалась, прежде чем ответить.

— У меня… больше тысячи долларов.

— И сколько же вы собираетесь мне заплатить?

— Я… я отдам вам все свои деньги. Если вы вернёте мне брата живым, все мои деньги будут вашими. Если найдёте мёртвым, если я увижу его тело и буду знать, кто его убийца, я отдам вам всё, что останется… после похорон брата…

Вулф медленно опустил веки и так же медленно поднял их снова. Этот знак означал одобрение. Как часто я ждал его, когда докладывал ему о делах, но, увы, редко удостаивался такой чести.

— Вы разумная женщина, Мария Маттеи, — произнёс он. — Более того, вполне возможно, вы — достойная женщина. Вы правы, я могу помочь вам, у меня есть всё, что для этого требуется, а именно — моя гениальность. Но мне нужен толчок, стимул, вдохновение. Кто знает, придёт ли оно, когда я возьмусь за поиски вашего брата. Но в любом случае формальности должны быть соблюдены. Это будет стоить вам сущий пустяк. — Он повернулся ко мне. — Арчи, отправляйся в меблированные комнаты, где жил Карло Маттеи. Его сестра поедет с тобой. Найди горничную, что слышала телефонный разговор, осмотри комнату Маттеи. Будут трудности — звони сюда, я пошлю Сола Пензера в любое время после пяти. Когда бу-

дешь возвращаться, прихвати с собой всё, что, на твой взгляд, не имеет отношения к этому делу.

Он мог бы и не поддевать меня таким образом в присутствии посторонних, но я давно уже понял, что лучше всего не обижаться на такие шутки.

Мария Маттеи поднялась и поблагодарила Вулфа.

Неожиданно заговорил Фред Даркин:

— Я по поводу нехватки… э-э-э… денег, мистер Вулф. Сами знаете, язык подвёл, стоит только завестись…

Я решил выручить беднягу.

— Пошли-ка, Фред, — перебил его я. — Я подвезу тебя на родстере. Нам по пути.

Глава 2

Когда наш большой, чёрный, сверкающий лаком открытый автомобиль остановился на Салливан-стрит, у дома, который указала мне Мария, я почему-то подумал, что если наш красавец и уцелеет после стоянки здесь, он всё равно не будет уже таким сверкающим. Утопавшая в грязи улица была до отказа заполнена шумной итальянской детворой — сворой смуглых, черноглазых, повсюду шныряющих и всюду лезущих бесенят. Впрочем, наша славная машина попадала и в худшие передряги. Например, как в тот вечер, когда я гнался за юным Грейвсом, удиравшим от меня на быстроходной «Пирс Эрроу», с портфелем, полным изумрудов. По холмам, вверх и вниз, мы пересекли тогда весь округ Пайк, начиная от Нью-Милфорда, увязая по самые спицы в грязи под проливным дождём. Категорический приказ Вулфа был — ни единой царапины на машине, а если таковая появится, устранить немедленно. Родстер всегда должен сверкать, как новенький. Я вполне разделял это мнение шефа.

Меблированные комнаты, где бы они ни были,

в районе фешенебельных Пятидесятых улиц, в старом особняке к востоку от Центрального парка, где так любят селиться девушки-художницы из хороших семей, или в итальянском квартале на Салливан-стрит, повсюду одинаковы. Эти отличались, пожалуй, только острым запахом чеснока. Мария Маттеи прежде всего познакомила меня с хозяйкой меблированных комнат, добродушной толстухой с влажными ладонями, носом пуговкой и перстнями на руках. Затем она повела меня наверх в комнату брата.

Пока Мария разыскивала девушку, слышавшую телефонный разговор, я осмотрел комнату. Она была довольно большая, в два окна, и располагалась на третьем этаже. Несмотря на потёртый ковер и расшатанную мебель, она производила впечатление опрятной, уютной и вполне пригодной для жилья. Правда, как только я открыл окно, с улицы ворвались отчаянные вопли детворы. Я выглянул, чтобы убедиться, что машина на месте.

В углу комнаты лежала пара больших чемоданов, один — старый, сильно потрёпанный, другой — поновее и покрепче. Они не были заперты. Потрёпанный чемодан был пуст, а тот, что поновее, был полон инструментов различной

формы и величины, на некоторых сохранились ломбардные бирки. Здесь же лежали обрезки металла и дерева, пружины разных размеров и прочий технический хлам. Открыв шкаф, я увидел поношенный костюм, пару рабочих комбинезонов, пальто, две пары ботинок и фетровую шляпу. В ящиках бюро, стоявшего в простенке между окнами, я нашёл бельё и другие предметы мужского туалета — сорочки, галстуки, носовые платки, носки — в довольно обширном ассортименте для человека, который около года жил на иждивении сестры. В других ящиках лежала всякая всячина — шнурки, карандаши, старые фотографии, пустые жестянки из-под табака. В верхнем ящике, среди прочего, я нашёл пачку из семнадцати писем с итальянскими почтовыми штемпелями, перетянутую резинкой, а также в беспорядке сваленные счета, квитанции, листы писчей бумаги, вырезки из газет и журналов и собачий ошейник. На крышке бюро помимо расчёски, щётки для волос и прочей отвлекающей внимание ерунды, как сказал бы Вулф, лежала стопка книг, все на итальянском языке, кроме одной, снабжённой большим количеством чертежей и рисунков, рядом — разрозненные журналы «Работа по металлу» за три года. В пра-

вом углу у окна стоял простой деревянный стол с изрядно поцарапанной и изрезанной крышкой, к нему были прикреплены небольшие тиски, шлифовальный станочек и полированный круг с длинным шнуром и вилкой для розетки. На столе лежали инструменты, похожие на те, которые я уже видел в чемодане.

Я занимался осмотром шлифовального станка, чтобы определить, как давно им пользовались, когда в комнату вошла Мария Маттеи, а с нею девушка.

— Это Анна Фиоре, — представила её Мария.

Я поздоровался за руку с этим невзрачным созданием с землистым цветом лица — на нём, казалось, с колыбели застыл испуг, от которого ей до сих пор не удалось избавиться. На вид ей было лет двадцать. Я назвал себя и тут же добавил, что знаю со слов Марии, что она слышала разговор её брата по телефону в понедельник перед тем, как он ушёл. Девушка кивком подтвердила это.

— Вам, очевидно, следует вернуться в город, мисс Маттеи, — сказал я, обращаясь к Марии. — Мы с Анной справимся и без вас.

— Я могу вернуться в город к ужину, — возразила Мария.

Это меня разозлило. Дело в том, что я разделял

мнение Даркина и не особенно верил в серьёзность опасений Марии, считая всю эту затею пустой тратой времени. Поэтому я, не стесняясь, сказал Марии Маттеи, что больше в ней не нуждаюсь и ей лучше вернуться к себе и поддерживать связь с Вулфом. Она бросила взгляд на Анну, вежливо улыбнулась мне, показав свои мелкие хищные зубки, и вышла.

Я поставил стулья так, чтобы мы сидели друг против друга, усадил Анну, сел сам и вынул блокнот.

— Тебе нечего бояться, Анна, — заверил я девушку. — Всё, что от тебя требуется, — это помочь мисс Маттеи и её брату, а за это, вполне возможно, мисс Маттеи тебе заплатит. Она тебе нравится?

Анна испугалась, словно не поверила, что кого-то может интересовать, кто ей нравится, а кто нет, но ответила сразу и охотно, словно ждала этого.

— Да, нравится. Она хорошая.

— А мистер Маттеи?

— Конечно. Он всем здесь нравится. Только, когда выпьет, девушке лучше держаться от него подальше.

— Как получилось, что ты слышала его телефонный разговор в понедельник вечером? Ты

знала, что будут звонить?

— Откуда я могла знать!

— Мало ли что. Ты сняла трубку?

— Нет, сэр, это сделала миссис Риччи, хозяйка. Она велела мне позвать мистера Маттеи к телефону. Я крикнула ему. Я как раз убирала посуду в столовой, дверь в вестибюль была открыта, и я слышала разговор.

— Слышала, что он говорил?

— Конечно. — Она с некоторым удивлением посмотрела на меня. — Из столовой всегда слышно, когда говорят по телефону. Миссис Риччи тоже слышала. Она слышала то же, что и я.

— Что же он говорил?

— Сначала сказал: «Алло», потом сказал, что Карло Маттеи слушает, и спросил у того, кто звонил, что ему нужно. Потом он сказал: «Это моё дело. Расскажу при встрече» и ещё спросил: «Почему не у меня в комнате?» — и добавил: «Мне нечего бояться, я не из пугливых». Правда, миссис Риччи считает, что он сказал: «Не мне следует бояться», но она просто не расслышала. Он ещё сказал, что, конечно, деньги ему нужны, и хорошо бы побольше, и добавил: «Ладно, в семь тридцать на углу». А потом вдруг рассердился: «Сам заткнись, — сказал он, — мне-то какое дело...»

И снова повторил: «В семь тридцать. Машину я узнаю». Вот и всё, что он сказал.

Анна умолкла.

— С кем он разговаривал?

Я был уверен, что она скажет: «Не знаю», поскольку этого не знала Мария Маттеи, но Анна ответила не задумываясь:

— С человеком, который уже звонил ему раньше.

— Раньше? Когда?

— Он звонил несколько раз. В мае. Однажды даже два раза подряд. Миссис Риччи подсчитала, что он звонил девять раз, не считая того понедельника.

— Ты когда-нибудь слышала его голос?

— Нет, сэр. К телефону всегда подходила миссис Риччи.

— А его имя?

— Нет, сэр. Миссис Риччи как-то из любопытства спросила пару раз, кто звонит, но он всегда отвечал: «Неважно, кто. Просто передайте, что его просят к телефону».

Я уже начал подумывать, что здесь есть какая-то зацепка. Конечно, я меньше всего думал о гонораре, это больше заботило моего шефа. Мне же надо было что-нибудь интересное, не

обязательно ограбление или тело, выловленное из Ист-Ривер.

Я решил вытянуть из девицы всё, что только можно. Я не раз слышал, как это проделывает Вулф, и хотя убеждался, что у него это — результат необыкновенного чутья, которого мне не хватает, но всё же верил, что терпенье и аналитический склад ума тоже играют свою роль. Поэтому я целых два часа расспрашивал девушку и выудил из неё немало фактов, но среди них не было ни одного, который мне был нужен.

Однажды мне уже показалось, что я могу за что-то ухватиться. Это было, когда Анна сказала, что у Маттеи имелись две подружки, с которыми он появлялся на людях. Одна из них даже была замужем. Но когда я понял, что это никак не вяжется с телефонным звонком, я отказался от разработки этой линии.

Маттеи часто упоминал Италию, но никогда особенно не распространялся на эту тему. Он умел держать язык за зубами. К нему никто не приходил, кроме сестры и приятеля по старой работе и прежним добрым временам, когда он хорошо зарабатывал. С ним он иногда обедал в ресторане.

После двухчасового расспроса я не продвинулся

и на дюйм. И всё же подробности телефонного разговора Карло Маттеи давали мне основание считать, что день не потерян напрасно.

Наконец я сказал Анне:

— Подожди минуту, я спущусь вниз к миссис Риччи.

Хозяйка подтвердила рассказанное Анной о телефонном разговоре и сказала, что понятия не имеет, кто звонил, хотя не раз пыталась узнать имя звонившего. Я задал ей ещё пару дополнительных вопросов и попросил отпустить со мной Анну. Сначала она сказала «нет», ей самой не справиться с приготовлением ужина и прочим, но когда я протянул ей доллар, она спросила, когда я привезу Анну обратно, и потребовала, чтобы это случилось не позднее девяти часов.

И это после того, как получила целый доллар!

— Не могу вам обещать, миссис Риччи, — сказал я. — Когда мой шеф начинает задавать вопросы, никто не знает, когда он остановится. Но ручаюсь, я доставлю вам Анну в целости и сохранности при первой же возможности.

Я поднялся наверх, позвал Анну и заодно прихватил с собой кое-что из содержимого ящиков бюро. Спустившись вниз, я с облегчением удостоверился, что наш родстер в порядке и никому не

взбрело в голову оторвать бампер или украсть запасное колесо.

Я ехал домой не спеша, чтобы попасть как раз к тому времени, когда Вулф, ежедневно проводивший два часа с четырех до шести пополудни в оранжерее, покинет её и спустится в кабинет. Беспокоить его, когда он в оранжерее, можно лишь в самых крайних случаях.

Анна, подавленная великолепием нашей машины, сидела, поджав ноги и крепко сцепив руки на коленях. Это забавляло меня, и я даже почувствовал симпатию к этой девчушке. Поэтому я обещал ей доллар, если она расскажет моему шефу всё, что только вспомнит. Было одна или две минуты седьмого, когда я остановил машину у крыльца старого особняка в квартале от реки Гудзон. Вулф жил здесь последние двадцать лет, и треть этого времени я делил с ним кров.

Анна не вернулась домой в девять часов вечера. После одиннадцати Вулф отправил меня в редакцию газеты «Таймс». Было уже далеко за полночь, когда мы наконец нашли тот номер газеты, который Анна узнала. За это время трижды звонила миссис Риччи. Когда около часу ночи я высадил Анну на Салливан-стрит, хозяйка уже ждала её на тротуаре, вполне готовая, как мне показалось, за-

резать меня ножом, который прятала в чулке. Но она не произнесла ни слова, лишь окинула меня разгневанным взглядом. Я дал Анне обещанный доллар, ибо кое-что сдвинулось с места.

Когда мы с Анной несколько часов назад прибыли на Тридцать пятую улицу, я, оставив Анну в кабинете, поднялся в оранжерею. Вулф сидел в кресле, безучастный и неподвижный, не замечая даже гигантской оранжево-красной орхидеи, щекочущей его затылок. Его действительно ничего не интересовало, ибо он едва взглянул на те бумаги, что я прихватил с собой из комнаты Маттеи. Он согласился, что телефонный разговор мог бы дать нам кое-какой шанс, но не видит в нём ничего интересного. Я пытался убедить его в том, что ему следует поговорить с девушкой, раз я уже привёз её, и, не удержавшись, с ехидцей заметил:

— Тем более что я обещал ей доллар. Да и на её хозяйку я потратился.

— Это твои расходы, Арчи.

— Ну нет, сэр! — возразил я. — Это служебные расходы, и я запишу этот доллар в расходную книгу.

Я последовал за ним к лифту. Если бы шефу пришлось ходить пешком вверх и вниз, он давно

плюнул бы на свои орхидеи, подумал я.

Он сразу же начал задавать вопросы Анне. И делал это мастерски. Пять лет назад я не смог бы оценить этого, настолько всё было гениально просто. Но если в этой девушке хоть что-то было, если она что-то знала или забыла — какую-то деталь, слово, или реакцию, или любой намёк, способный помочь нам, — Вулф не дал бы этому ускользнуть от его внимания. Он беседовал с ней без малого пять часов. Его интересовало всё о Карло Маттеи — его голос, привычки, одежда, еда, характер, манеры за столом, отношения с сестрой, с миссис Риччи и с ней, Анной, со всеми, с кем Анна когда-либо его видела. Он расспрашивал о миссис Риччи, о её жильцах за последние два года, о соседях и даже торговцах, доставлявших ей продукты на дом. И всё это он делал не спеша, спокойно и обстоятельно, стараясь не утомлять Анну. Он говорил с ней совсем не так, как с юным Лоном Грэйвсом, которого почти довёл до истерики в первые же два часа.

Мне показалось, что и добился он от неё всего ничего — признания, что во вторник утром она кое-что унесла из комнаты Маттеи. Сущий пустяк, всего лишь пару наклеек на чемоданы, которые выдаются в кассах каждому, кто

приобретает билет на пароход, два небольших кусочка яркой цветной бумаги, лежавшие в ящике бюро в комнате мистера Маттеи, — наклейки с названиями пароходов: «Лючия» и «Флоренция». Порывшись в газетах, я узнал, что «Лючия» отплыла из Нью-Йорка восемнадцатого мая, а «Флоренция» — третьего июня. Значит, Маттеи дважды намеревался уехать в Италию и каждый раз почему-то откладывал. Анна взяла наклейки потому, что они понравились ей своей пестротой и она решила украсить ими картонку, где хранила своё бельё.

Во время ужина, который происходил на кухне, Вулф оставил Анну в покое и разговаривал только со мной и главным образом о вкусовых качествах пива. Но когда Фриц подал кофе, он предложил вернуться в кабинет и снова перешёл к делу. Он то возвращался назад, то вдруг уходил в сторону, то отступал, то бросался вперёд или внезапно прибегал к обходному манёвру. А то вдруг отвлекался на какие-то пустяки, не имеющие никакого отношения к главной теме разговора. Любой, кто не знал, что в последнюю минуту он, как фокусник, способен извлечь кролика из пустого цилиндра, нашёл бы его поведение странным и счёл бы его просто свихнувшимся. К одинна-

дцати часам я уже выдохся, мучительно зевал, готовый признать себя побеждённым, и с отчаянием смотрел на шефа, не выказывавшего ни разочарования, ни нетерпения.

И тут он попал в десятку.

— Значит, мистер Маттеи никогда не делал вам подарков?

— Нет, сэр. Кроме коробки цветных мелков, я уже вам говорила. Он ещё давал мне прочитанные газеты, если вы это считаете подарком.

— Да, вы сказали, что он всегда отдавал вам утренний выпуск «Таймс».

— Да, сэр. Он мне как-то сказал, что покупает эту газету из-за объявлений. Знаете, объявления о работе.

— Значит, в понедельник утром он отдал вам газету?

— Он всегда отдает мне газеты в полдень. И в этот понедельник он отдал мне газету в полдень.

— В это утро всё было как всегда?

— Да, сэр.

Мне показалось, что Вулфу что-то не понравилось во взгляде девушки. Я, правда, ничего такого не заметил. Но его, очевидно, не удовлетворил ответ, и он повторил вопрос:

— Ничего такого, что могло привлечь внима-

ние?

— Нет, сэр. Хотя вот вырезка…

— Какая вырезка?

— Большая вырезка. Целый кусок.

— Он часто делал вырезки?

— Да, сэр. Всё больше объявления. А может, одни только объявления. Я собираю мусор в газеты, когда делаю уборку. Поэтому всегда проверяю, чтобы газета была целой.

— А в этой оказалась большая дыра?

— Да, сэр.

— Значит, это было не объявление? Прошу прощения, мисс Фиоре, что вынужден уточнять. Итак, то, что он вырезал из газеты в понедельник, не было объявлением?

— Нет, сэр. Вырезано было на первой странице.

— Вот как! А раньше вам попадались газеты, из которых он делал вырезки на первой странице?

— Нет, сэр. Кажется, нет.

— Значит, он вырезал в основном из рубрики объявлений?

— Я не уверена, сэр. Может, только объявления. Да, мне кажется, объявления.

Вулф какое-то время сидел в раздумье, уткнувшись подбородком в грудь. Затем посмотрел на меня.

— Арчи, слетай-ка быстренько на Сорок вторую улицу и привези мне экземпляров двадцать утреннего выпуска газеты «Таймс» за прошлый понедельник.

Я был несказанно рад поручению, ибо уже устал бороться со сном. Не то чтобы его поручение чем-то заинтриговало меня, но я понял, что Вулф нашёл щёлочку, в которой блеснул лучик света. Ничего особенного я от этого не ждал, да, думаю, и он тоже.

Была чудесная июньская ночь, прохладная и тихая. Я с удовольствием вдыхал полной грудью свежий ветерок, упруго бивший в лицо, когда я мчался по улицам в сторону Бродвея, а затем свернул на север. На Таймс-сквер мне повезло, дежурил знакомый мне полицейский Марви Дойль, нёсший когда-то постовую службу на Четырнадцатой улице. Он позволил мне, в нарушение правил, припарковаться прямо у тротуара напротив редакции «Таймс». Тротуары и мостовая были запружены людьми, только что высыпавшими из театров и кино. Многие не спешили домой, а искали, куда бы заглянуть, чтобы выпить кружку пива — за пару пенсов в баре Неддика или за пару долларов в баре подороже.

Вернувшись, я увидел, что Вулф решил дать

девчонке передохнуть. Он велел Фрицу принести пиво, и Анна, держа стакан так, словно в нём горячий чай, пила пиво маленькими глотками. На верхней губе у неё тонким ободком застыла пена. Сам Вулф приканчивал уже третью бутылку, хотя я отсутствовал не более двадцати минут. Когда я вошёл, он тут же буркнул:

— Забыл тебя предупредить, что мне нужен городской выпуск газеты со всеми приложениями.

— Я сообразил сам, сэр, — парировал я.

— Отлично. — Он повернулся к девушке. — Если не возражаете, мисс Фиоре, я попросил бы вас не смотреть, чем мы тут будем заниматься. Всего лишь небольшие приготовления. Арчи, поверника её кресло спинкой к нам и придвинь поближе к мисс Фиоре вон тот столик, чтобы ей было удобно поставить свой стакан. А теперь давай газеты. Нет, не срывай обёртку, оставь как есть. Я думаю, она видела газету именно в таком виде. Теперь вынь-ка из неё вторую часть. Прямо находка для мисс Фиоре. Только представь, сколько мусора можно в неё завернуть. Вот так.

Я разложил перед ним на столе первую секцию газеты, он придвинулся вместе с креслом поближе к столу и, склонившись над газетой, стал похож на гиппопотама в зоопарке, потянувше-

гося к кормушке. Я вынул из всех экземпляров приложения, сложил их отдельной кучкой на стуле и, развернув газету, тоже занялся изучением первой страницы. С первого же взгляда я понял, что это ничего не сулит: забастовка шахтеров в Пенсильвании; успешное проведение правительственных программ по спасению экономики — целых три заметки под разными заголовками; двое американских парней пересекли Атлантику на тридцатифутовой посудине; смерть ректора университета от сердечного приступа во время игры в гольф; в Бруклине полиции удалось поймать опасного преступника, выкурив его из квартиры слезоточивым газом; линчевали негра в Алабаме; в Европе обнаружена малоизвестная работа великого художника прошлых веков. Я взглянул на Вулфа — он был поглощён чтением. Из всех сообщений самым обещающим мне показалось то, где сообщалось, что в Швейцарии обнаружена украденная, как полагают, в Италии, картина старого мастера. Но когда Вулф вынул из ящика стола ножницы и сделал вырезку, ею оказалось сообщение о поимке гангстера в Бруклине. Отложив просмотренный экземпляр газеты, Вулф протянул руку за следующим. Подав ему газету, я заметил, что на сей раз его внимание привлекла

заметка о краже картины. Я улыбнулся — значит, хоть и со второго раза, но я всё же угадал. Передав ему третий экземпляр, я был искренне удивлён, что он вырезал сообщение о смерти ректора университета. Вулф, должно быть, заметил это и, не поднимая головы, буркнул:

— А теперь молись, Арчи, чтобы на сей раз я попал в точку. Если да, то к Рождеству я пополню свою коллекцию ещё одним сортом ангрекум скескипедале.

Я догадался, о чём идёт речь, ибо вёл учёт всех расходов по оранжерее, и хотя я писал в счетах все эти заковыристые названия орхидей по-латыни, мне так же трудно было произнести их вслух, как понять, какое отношение имеет исчезновение Карло Маттеи к смерти ректора университета.

— Покажи ей какой-нибудь экземпляр, — вдруг сказал Вулф.

Последний экземпляр просмотренной им газеты лежал сверху, но я взял тот, что был под ним. Заметка о пропаже картины была справа в углу страницы. Когда я развернул страницу перед Анной, Вулф сказал:

— Посмотрите, мисс Фиоре. Здесь была сделана вырезка в той газете за понедельник?

Бросив беглый взгляд на страницу, Анна тут

же сказала:

— Нет, сэр. Это была большая заметка вверху, я покажу вам…

Я быстро взял у неё газету и дал ей другой экземпляр. На этот раз взгляд Анны задержался на странице дольше.

— Да, здесь.

— Вы уверены?

— Да, она была сделана в этом месте, сэр.

Какое-то время Вулф молчал, затем вздохнул и сказал:

— Поверни-ка её кресло, Арчи.

Я повернул кресло вместе с Анной так, чтобы она сидела прямо против Вулфа. Тот, подняв на неё глаза, спросил:

— Вы уверены, мисс Фиоре, что дыра от вырезки была именно здесь?

— Да, сэр, уверена.

— Вы видели эту вырезку где-нибудь в комнате, в корзинке для бумаг или у него в руках?

— Нет, не видела, сэр. В корзинке её быть не могло, потому что у мистера Маттеи в комнате нет корзинки для бумаг.

— Хорошо, если бы всё объяснялось так просто. Вы можете ехать домой, мисс Фиоре. Вы хорошо держались, были терпеливы и мужественны, не

как многие из тех, из-за которых я предпочитаю не выходить из дому, чтобы только избежать встречи с ними. Вы вот знаете, для чего человеку дан язык и как им пользоваться? Я хочу, чтобы вы ответили мне ещё на один вопрос. Окажите мне такую любезность.

Хотя девушка была полумёртвой от усталости, у неё нашлись ещё силы, чтобы удивиться. Я увидел это по её глазам. Она с изумлением смотрела на Вулфа.

— Только один вопрос, мисс Фиоре. Вы когда-нибудь видели в комнате Карло Маттеи клюшку для гольфа?

Если он ждал эффекта от этого вопроса, он с лихвой его получил. Впервые за все эти долгие часы девушка не ответила на его вопрос — она потеряла дар речи. Это было совершенно очевидно. На мгновение этот вопрос вызвал еле заметную краску на её щеках, но потом она побледнела ещё больше, рот её приоткрылся, и лицо, лишившись осмысленного выражения, стало напоминать лицо дебила. Она начала дрожать.

Но Вулф не отступал:

— Когда вы видели её? — тихо спросил он.

Она неожиданно плотно сжала губы, и её руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

— Нет, сэр, — пробормотала она. — Нет, сэр, я ничего не видела…

Вулф какое-то мгновение смотрел на неё, потом сказал:

— Ладно. Всё хорошо, мисс Фиоре. Отвези её домой, Арчи.

Она даже не попыталась встать, пока я не коснулся её плеча. Тогда она оперлась о подлокотники кресла и поднялась. Вулф явно потряс её до глубины души, но она не казалась испуганной, скорее поникла.

Я снял со спинки кресла её жакет и помог ей одеться. Когда она направилась к двери, я обернулся и не поверил своим глазам — Вулф встал со своего кресла. Однажды, помню, он не соизволил даже сделать вид, что привстает, когда эту комнату покидала дама, стоившая двадцать миллионов долларов, жена английского герцога.

— Я обещал ей доллар, сэр, — сказал я ему наконец то, что собирался сказать.

— Тогда тебе придётся выполнить своё обещание, — произнёс он и, чуть повысив голос так, чтобы его было слышно у двери, пожелал мисс Фиоре доброй ночи.

Она не ответила. Мы вышли, и я посадил её в машину. На Салливан-стрит миссис Риччи ждала

нас на тротуаре перед домом. Одного её взгляда в мою сторону было достаточно, чтобы я, не вдаваясь в объяснения, поспешно уехал.

Глава 3

Когда, поставив машину в гараж, я пешком добрался до Тридцать пятой улицы, в кабинете Вулфа уже было темно. Поднявшись на второй этаж, я увидел полоску света под дверью его спальни. Я часто гадал, как он справляется со своим вечерним туалетом, ибо доподлинно знал, что Фриц ему в этом не помогает. Комната Фрица была этажом выше, через холл от оранжереи, моя же соседствовала со спальней шефа. Я любил свою комнату, она была достаточно просторной, в два окна, с отдельной ванной. Здесь я провёл последние семь лет и считал её своим домом. Я рад был бы прожить в ней ещё столько же и даже втрое больше.

Единственная девушка, которую я любил, сделала лучший выбор. В те тяжёлые для меня дни я и познакомился с Ниро Вулфом… но об этом я расскажу в другой раз, когда придёт время. Есть тут моменты, которые ещё не до конца мне ясны. Итак, эта комната стала моим домом. В ней большая удобная кровать, письменный стол со множеством ящиков и ящичков, три мягких

удобных кресла, хороший ковёр во всю комнату, а не половичок, скользящий под ногами, словно кусок масла на раскалённой сковороде. На стенах картины, нарисованные мной, и, как мне кажется, неплохо: гора Вернон на родине президента Джорджа Вашингтона, голова льва с роскошной рыжей гривой и премиленький пейзажик — деревья, лужайка, цветы. Тут же висит большая фотография моих родителей, умерших, когда я был совсем ребёнком. У меня есть ещё одна картина — обнажённая женщина, наготу которой скрывают длинные роскошные волосы, но она висит в ванной. В общем, это самая обыкновенная комната, если не считать сигнального устройства у меня под кроватью. Оно включается, когда Вулф входит в свою спальню и поднимает рубильник, а делает он это каждый вечер, и тогда, если кто-то подходит к дверям его спальни ближе, чем на пять футов, или пытается влезть в окно, воет сирена. Разумеется, все входы и выходы в оранжерее тоже на сигнализации. Вулф однажды сказал мне, что ему незнакомо чувство страха за свою жизнь, просто он не терпит, когда к нему кто-либо неожиданно прикасается или вынуждает делать резкие ненужные движения. Я понимаю его — при огромном росте и необъят-

ной толщине это действительно проблема. Что касается меня, то труса я не выношу и никогда не сел бы с ним за один стол.

Прихватив в кабинете газету, переодевшись в пижаму и шлепанцы, я уселся поудобней в кресле и, убедившись, что сигареты и пепельница под рукой, стал внимательно изучать сообщение о смерти ректора. Длинный заголовок с подзаголовками сообщал:

> «Смерть Питера Оливера Барстоу от сердечного приступа. Ректор Холландского университета внезапно умер во время игры в гольф. Его друзья бросились к нему, но он уже был мёртв».

Это была довольно обширная заметка, занимавшая целую колонку на первой полосе и полколонки на второй. А далее шёл некролог и соболезнования всяких именитых людей. Всё мало чем отличалось от сообщений такого рода — просто ушёл из жизни ещё один человек. Я просматривал газеты каждый день, этому сообщению было всего два дня, но я не помню, чтобы обращал на него внимание. Барстоу, пятидесяти восьми лет от роду, ректор Холландского университета, играл в воскресенье в полдень в

гольф в клубе «Зелёные луга» близ Плезантвиля, в тридцати милях к северу от Нью-Йорка. Игроков на поле было четверо — Барстоу, его сын Лоуренс и двое друзей, Е. Д. Кимболл и его сын Мануэль. Послав мяч к четвёртой лунке, Барстоу внезапно упал лицом в траву и после нескольких конвульсивных движений затих. Мальчик, нёсший за ним сумку с клюшками, тут же бросился к нему. Когда подошли остальные, Барстоу уже был мёртв.

Среди посетителей клуба оказался врач, старый приятель покойного. Они вместе с сыном Барстоу доставили тело в машине домой, в поместье в шести милях от гольф-клуба. Доктор констатировал смерть от коронарного тромбоза. Далее подробно рассказывалось о карьере Барстоу, его успехах и прочем. Тут же была помещена его фотография. Когда его внесли в дом, жена потеряла сознание. Сын и дочь держались мужественно.

Прочитав всё это ещё раз, я зевнул и отложил газету. Для меня единственным, что могло связывать смерть Барстоу с Карло Маттеи, был неожиданный вопрос, который Вулф задал Анне: видела ли она в комнате Маттеи клюшку для гольфа. Я встал с кресла и сказал себе: «Мистер Гудвин, похоже, у вас нет ничего, что можно было

бы положить в папку с этим делом». Выпив воды, я лёг спать.

Утром, в десять, я уже был внизу. Я всегда стремлюсь получить свои восемь часов сна, когда обстоятельства позволяют. Всё равно не увижу Вулфа до одиннадцати. Он встаёт в восемь, независимо от того, когда ложится, завтракает в своей комнате, затем просматривает утренние газеты и два часа, с девяти до одиннадцати, проводит в оранжерее со своими орхидеями. Иногда, принимая душ в ванной комнате, я слышу, как на него покрикивает садовник Хорстман. Но он не обращает на это внимания. Не то чтобы старый садовник недолюбливает шефа, просто он всегда опасается, что массивная фигура Вулфа, его немалый вес и неловкость представляют опасность для драгоценных оранжерейных растений. Хорстман берёг орхидеи, как я свой правый глаз. Он спит за перегородкой в углу холла на чердачном этаже, где размещается оранжерея, и я ничуть не был бы удивлён, если бы мне сказали, что он наведывается к своим питомцам даже по ночам.

Позавтракав на кухне почками соте и двумя стаканами молока, я отправился на прогулку к портовым причалам. Вернувшись, я смахнул пыль в кабинете, открыл сейф и наполнил чер-

нилами самопишущую ручку шефа. Почту я не стал вскрывать, как обычно, а оставил на его столе. Адресованных мне писем я не заметил. Заполнив пару банковских чеков, я проверил записи в приходно-расходной книге. Их было не так много — наша деятельность в последнее время не отличалась активностью. Затем я перешёл к счетам оранжереи и занялся проверкой последних записей, сделанных Хорстманом. За этим занятием меня и застал звонок в дверь. Я слышал, как Фриц пошёл открывать, а через минуту он доложил мне, что некто О'Грэйди желает видеть мистера Вулфа.

Взглянув на визитную карточку, я убедился, что не знаю визитёра. Мне были знакомы почти все из Отдела по расследованию убийств, но имя О'Грэйди я слышал впервые. Однако я велел Фрицу провести его в кабинет.

Вошедший был молод, атлетически сложён и, судя по походке и движениям, хорошо тренирован. Его взгляд мне не понравился, и я подумал: служака, груб и жесток. Он смотрел на меня так, будто я причастен к похищению ребёнка Линдберга.[2]

---

[2] Примечания: 2

Нашумевшее в 30-х годах дело о похищении и убийстве малолетнего сына Карла Линдберга, известного американского лётчика-аса.

— Мистер Ниро Вулф? — спросил он, глядя на меня в упор.

— Прошу садиться, — сказал я, указывая на кресло для посетителей, и взглянул на часы. — Мистер Вулф спустится вниз ровно через девятнадцать минут.

О'Грэйди недовольно нахмурился.

— Я по очень важному делу. Вы не можете позвать его? Моя визитная карточка у вас. Я из Отдела по расследованию убийств.

— Знаю. Будьте любезны, садитесь. Если я выполню вашу просьбу и позову его, боюсь, он запустит в меня чем-нибудь тяжёлым.

Наконец он сел, а я снова занялся своей бухгалтерией. Правда, у меня мелькнула мысль, что неплохо было бы расспросить его о том о сём — так, шутки ради, — но, взглянув на выражение его лица, отказался от этой затеи. Он был слишком молод и принял бы это всерьёз. Все девятнадцать минут он просидел неподвижно и прямо, как в церкви, не проронив ни слова.

Когда Вулф вошёл в кабинет, О'Грэйди стремительно встал. Пересекая комнату, Вулф на ходу поздоровался и попросил меня открыть второе окно. Лишь после этого он бросил взгляд на посетителя. Усевшись за стол, шеф сразу заметил

визитную карточку, которую я положил сверху, но занялся просмотром почты. С ловкостью банковского кассира быстро перебрав пальцами конверты, он отодвинул их в сторону, после чего наконец поднял голову и посмотрел на сыщика.

— Мистер О'Грэйди, не так ли?

— Мистер Ниро Вулф? — спросил тот и сделал шаг вперёд.

Шеф кивнул.

— Мистер Вулф, я хотел бы получить от вас те документы и вещи, которые вы изъяли вчера из комнаты Карло Маттеи.

— О! — удивлённо воскликнул Вулф и с интересом посмотрел на посетителя. — Вы серьёзно?.. Весьма интересно, мистер О'Грэйди. Садитесь, прошу вас. Подвинь кресло гостю, Арчи.

— Нет, благодарю, — заявил полицейский. — Я тороплюсь. Мне от вас нужны лишь бумаги и… вещи.

— Какие вещи?

— Те, что вы изъяли.

— Назовите, что именно.

Сыщик обиженно вытянул подбородок.

— Не советую шутить, мистер Вулф. У меня мало времени.

Вулф укоризненно погрозил ему пальцем.

— Не торопитесь, мистер О'Грэйди, — отчётливо и твёрдо, не повышая голоса, произнёс Вулф. Таким тоном он разговаривал чрезвычайно редко. Лишь однажды он говорил так со мной. Это было в первые дни нашего знакомства, но я помню это по сей день. Тогда мне казалось, что, не шевельнув и пальцем, он может оставить от меня мокрое место. — Не надо торопиться, — повторил он. — Прошу вас сесть. Я вполне серьёзно говорю вам — сядьте!

Я пододвинул кресло гостю так близко, что почти подшиб его под коленки, и он вынужден был опуститься в кресло.

— Та короткая лекция, которую я намерен вам сейчас прочесть, будет бесплатной, хотя дорогого стоит, — начал Вулф. — Вы молоды, и она вам пригодится. С той минуты, как я вошёл, вы только и делали, что совершали ошибку за ошибкой. Вы вели себя невежливо, и это оскорбительно. Вы сделали заявление, противоречащее истине, и это глупо. Вы подменили аргументы догадками, а это свидетельствует о неискренности намерений. Вы готовы выслушать мои замечания? Я предлагаю это из самых дружеских побуждений.

О'Грэйди оторопело хлопал глазами.

— Я не собирался… — начал он.

— Отлично. Действительно, откуда вам было знать, что ваше заявление, будто я побывал на квартире Карло Маттеи, — полный абсурд? Не зная меня, моих причуд и привычек, вы не могли предполагать, что я не способен на такое даже ради редкого экземпляра каттлеи довиана ауреи в качестве награды, не то что ради каких-то бумажек и, как вы изволили выразиться, вещей. Вот Арчи Гудвин, — он указал пальцем в мою сторону, — ничего не имеет против этого. Он там и побывал. Итак, как вам следовало бы вести себя сегодня. Во-первых, когда я вошёл и поздоровался, вам следовало бы мне ответить. Во-вторых, изложить цель вашего визита — вежливо, исчерпывающе и в соответствии с достоверными фактами. В-третьих, хотя это теперь уже не имеет значения, из чувства профессиональной корректности вы могли бы сообщить мне, что тело убитого Карло Маттеи найдено и опознано, а бумаги и вещи вам нужны для плодотворных поисков убийцы. Вы согласны со мной, мистер О'Грэйди, что так было бы куда лучше, а?

Сыщик в полном изумлении глядел на Вулфа.

— Какого чёрта… — начал было он, но тут же запнулся. — Выходит, всё уже есть в газетах? Я их

ещё не видел. Но как им стало известно имя убитого, когда я сам узнал его всего два часа назад?! Ну и мастер вы на выдумки, мистер Вулф!

— Благодарю за комплимент. Но я тоже не видел газет. Поскольку полиция посчитала заявление мисс Маттеи об исчезновении брата достойным лишь нелепых предположений, я понял, что только что-то серьёзное вроде убийства могло заставить ваш департамент развить такую бешеную деятельность и узнать, что мистер Гудвин побывал на квартире Маттеи и даже что-то изъял оттуда. Надеюсь, вы скажете нам, где найдено тело?

О'Грэйди стремительно встал.

— Об этом вы узнаете из вечерних газет. Ну и мастак вы на догадки, мистер Вулф! А теперь вернёмся к бумагам.

— Согласен. — Вулф не шелохнулся в своём кресле. — Но прежде я хочу кое-что предложить. Вы могли бы сейчас, в течение трёх минут, дать интересующую меня информацию, которая через несколько часов будет уже достоянием всех? Кто знает, может, сегодня, или завтра, или через год я смогу оказать вам такую же услугу, если не по этому, так по другому делу. Какой-нибудь малозначительный, но любопытный факт или два,

которые хорошо помогают получить, скажем, повышение по службе, а то и славу, и хорошую прибавку к жалованью. Тело нашли в графстве Вестчестер? Или я ошибаюсь?

— Чёрт возьми! — не удержался О'Грэйди. — Если бы я сейчас не видел вас здесь и не убедился лично, что понадобится целый вагон, чтобы переместить вас с одного места на другое, я бы решил, что это вы нашли тело. Так и быть, расскажу. Да, его нашли в округе Вестчестер, в кустах, в ста футах от просёлочной дороги, в трёх милях от Скарсдейла, в восемь часов вечера. Нашли его двое ребятишек, ставивших силки на птиц.

— Застрелен?

— Убит ножом. Врач считает, что нож вынули не сразу, он оставался в ране час или более. Когда мы нашли тело, ножа в ране не было. В карманах убитого ничего не обнаружено. Фирменные этикетки на одежде привели нас в магазин на Грэнд-стрит, а метки на белье — в прачечную. В девять утра мы уже знали имя убитого. Я тут же отправился в меблированные комнаты и произвёл обыск в его комнате. Поговорил с хозяйкой и служанкой.

— Отличная оперативность! — воскликнул Вулф. — Просто отличная.

Сыщик нахмурился.

— Эта служанка или что-то скрывает, или у неё так плохо с головой, что она не может даже вспомнить, что ела за завтраком. Вы её вызывали, она была у вас. Как вы объясните, что она не помнит никакого телефонного разговора, хотя хозяйка утверждает, что она слышала каждое слово?

Я бросил быстрый взгляд на Вулфа, но тот был невозмутим и только заметил:

— Мисс Фиоре немного странновата, это верно, мистер О'Грэйди. Значит, и вы заметили, что у неё плохо с памятью?

— Плохо? Да она даже забыла имя Маттеи!

— Да? Весьма прискорбно, весьма.

Вулф вдруг заёрзал в кресле и положил руки на край стола. Я понял, что он намерен встать.

— А теперь о бумагах, которые вы упомянули. Кроме них была ещё пустая жестянка из-под табака и четыре любительских снимка. Я попрошу вас об одолжении. Вы позволите мистеру Гудвину проводить вас в холл? Всего на минуту. Знаете, у каждого свои причуды. Я лично не могу открыть свой сейф в присутствии посторонних. Прошу прощения, но это так. Я не сделал бы этого даже в присутствии своего банкира.

Я хорошо знал Вулфа и почти всегда угадывал,

что у него на уме. Я хотел было открыть рот и напомнить ему, что бумаги лежат в ящике его стола, куда я положил их вчера в его присутствии, но его взгляд остановил меня.

Сыщик пребывал в нерешительности и не спешил покидать комнату, но Вулф произнёс:

— Прошу вас, мистер О'Грэйди. Вернее, пожалуйста. Не следует подозревать меня в том, что я попытаюсь спрятать что-то, а даже если бы я и вздумал это сделать, вы всё равно не смогли бы мне помешать. Подобная подозрительность между профессионалами не идёт на пользу делу.

Пропустив О'Грэйди вперёд, я вышел вслед за ним и плотно притворил за собой дверь. Я полагал, что Вулф начнет сейчас громыхать дверцей сейфа, но ничего подобного не последовало. Поэтому, чтобы чем-то занять уши разочарованного сыщика, я завёл с ним разговор. Однако Вулф очень быстро снова пригласил нас в кабинет. Он стоял у стола, держа в руках жестянку из-под табака и конверт, в который я вложил газетные вырезки и фотографии. Всё это Вулф протянул сыщику.

— Желаю успеха, мистер О'Грэйди. И прошу поверить в искренность моих заверений, что если нам станет известно что-либо, способное

вам помочь, мы сообщим вам незамедлительно.

— Премного обязан. Хотелось бы верить, что так и будет, — ответил О'Грэйди.

— Безусловно, мистер О'Грэйди. Именно так и будет.

Сыщик ушёл. Когда за ним захлопнулась входная дверь, я прошёл в гостиную и смотрел в окно на его удаляющуюся фигуру, пока она не скрылась из виду.

— Экий вы хитрец, мистер Вулф! — воскликнул я, вернувшись. Лицо моё расплылось в довольной улыбке.

Складки рта шефа чуть разгладились. Это означало, что он улыбнулся.

— Надеюсь, вы что-нибудь оставили? — всё же не удержался я.

Вулф молча полез в карман жилета, вынул небольшой клочок бумаги и протянул его мне. Это была одна из вырезок, которую я нашёл в верхнем ящике бюро в комнате Маттеи. Я и не подозревал, что Вулф обратил на неё внимание, ибо вчера он едва взглянул на то, что я ему принёс. А сегодня он затеял из-за неё целую комедию.

Я ещё раз прочитал её:

«Уезжающему на постоянное житель-

ство в Европу мастеру по металлу на выгодных условиях предлагается работа. Требования: умение проектировать и конструировать двигательные механизмы. Обращаться в газету „Таймс“, Л-467».

Я прочёл вырезку дважды, но она по-прежнему ничего мне не говорила.

— Что ж, — сказал я, — если вы хотите окончательно связать это с намерением Маттеи уехать в Италию, я могу ещё раз съездить на Салливан-стрит и упросить Анну вернуть нам чемоданные наклейки. Допустим, что эта вырезка что-то вам говорит, но как вы узнали, что она в этих бумагах, когда вчера вы даже не взглянули на них? Вы что, читаете, не глядя? Клянусь, вчера… — Внезапно я замолчал. — Понятно. Вы просмотрели всё ещё вчера, когда я отвозил Анну домой.

Шеф ответил не сразу. Лишь обойдя стол и усевшись снова в кресло, он издевательски воскликнул:

— Браво, Арчи! Браво!

— Ладно, — ответил я и сел напротив. — Могу я задать вам несколько вопросов? Есть три вещи, которые мне хотелось бы знать. Или вы предпочитаете, чтобы я ушёл в гостиную и занялся

там вязанием? — Самолюбие моё было задето, как всегда в тех случаях, когда меня ловко обводят вокруг пальца, а я и не замечаю, как это происходит.

— Никакого вязанья, Арчи, — ответил он. — Садись в машину и отправляйся в Уайт-Плейнс. Впрочем, если подсчёт петель не отнимет много времени…

— Не отнимет, но я могу подождать с ним, раз есть задание. Поскольку речь идёт об Уайт-Плейнс, следовательно, я должен проверить, насколько сильно продырявлен Маттеи, а также прочие детали и обстоятельства, которые, с моей точки зрения, не представляют никакого интереса.

— Нет, чёрт побери! Прекрати высказывать свои догадки в моём присутствии. Возможно, ты когда-нибудь и сумеешь стать похожим на О'Грэйди, но не будем торопиться.

— Он совсем неплохо поработал сегодня утром, — возразил я. — Прошло всего лишь два часа между тем, как по меткам на одежде он установил личность убитого и узнал о телефонном разговоре.

Вулф покачал головой.

— Нет, туговато соображает. Итак, твоё вяза-

нье?

— Подождёт. Если это не Маттеи, то что нам нужно в Уайт-Плейнс?

Вулф снова одарил меня подобием улыбки, но на этот раз она задержалась на его лице подольше. Наконец он сказал:

— Есть возможность заработать деньги. Тебе что-нибудь говорит такое имя — Флетчер М. Андерсон, или придётся лезть в твою картотеку?

— Думаю, говорит, — хмыкнул я. — Только на этот раз прошу без всяких «браво». 1928 год, помощник окружного прокурора по делу Голдсмита. Год спустя переведён в провинцию и стал прокурором округа Вестчестер. Может признаться, что чем-то обязан вам, лишь при закрытых дверях, и то шёпотом. Женился на деньгах.

Вулф одобрительно кивнул.

— Всё верно. Ты заслужил своё «браво», Арчи, но я обойдусь без ответного «спасибо». В Уайт-Плейнс ты найдёшь Андерсона и сделаешь ему одно весьма интригующее и заманчивое предложение. Во всяком случае, я так думаю. А сейчас я жду посетителя, который должен появиться с минуты на минуту.

Сложным обходным манёвром он, изловчившись, сунул руку в карман жилета и извлёк

оттуда платиновые часы. Сверившись с ними, он сказал:

— Я вижу, что торговцы спортивными товарами так же непунктуальны, как и все остальные. Я звонил им в девять утра, и меня заверили, что в одиннадцать посыльный будет здесь. Сейчас одиннадцать сорок. Можно было бы за это время устранить любые причины, мешающие своевременной доставке заказа. Лучше бы я послал тебя… А, вот и звонок…

В дверь действительно звонили. По коридору прошёл Фриц, было слышно, как он открывает дверь. Раздался чей-то голос и ответ Фрица, затем тяжёлый топот по коридору, заглушивший мягкие шаги Фрица. В дверях появился молодой парень, похожий на футболиста. За плечами у него было что-то громоздкое и, видимо, тяжёлое, вроде шефа.

— От Корлисса Холмса, сэр, — произнёс посыльный, отдуваясь.

Вулф кивком велел мне помочь ему снять груз со спины. Мы поставили тюк на пол, и парень стал развязывать верёвку. Делал он это так долго, что я от нетерпения вытащил из кармана свой перочинный нож. Но Вулф остановил меня.

— Нет, Арчи, — тихо сказал он, — узлы заслу-

живают быть развязанными, к тому же их не так много.

Я спрятал нож в карман.

Наконец верёвка была развязана, и парень вытянул её из-под тюка. Я принялся помогать ему снимать бумагу и мешковину. А потом стоял и безмолвно переводил взгляд с Вулфа на то, что лежало на полу, и обратно. Это были клюшки для гольфа, много, не менее сотни, вполне достаточно, чтобы перебить всех змей в округе, ибо, по мне, они ни на что другое не были годны.

— Что ж, разминка, сэр, вам не помешает, — заметил я, и это было всё, что я мог сказать.

Не поднимаясь с кресла, Вулф велел нам переложить клюшки на стол, что мы с парнем и начали делать. Они были самые разные — длинные и короткие, тяжёлые и лёгкие, металлические и деревянные, стальные, хромированные, какие только душе угодно. Вулф смотрел, как мы трудимся, оценивая внимательным взглядом каждую из них. Когда на столе уже лежало около дюжины клюшек, он вдруг сказал:

— Вот эти с металлическими концами мне не нужны. Можете убрать их. — А потом, кинув на парня вопросительный взгляд, уточнил: — По-вашему, я выразился неточно. То, что я назвал

концами, видимо, называется у вас как-то иначе?

— Это головки, сэр, — снисходительно улыбнулся юноша.

— Примите мои извинения, молодой человек. Как вас зовут?

— Меня? Таунсенд.

— Прошу извинить меня, мистер Таунсенд. Я лишь один раз в жизни видел клюшки для гольфа, да и то на витрине. Моя машина случайно остановилась перед ней — спустило колесо. Я успел заметить, что у клюшек на витрине головки не были подбиты металлом. Это, должно быть, разные варианты клюшек?

— Да, они бывают самые разные.

— Действительно, очень разные. Деревянные головки или чем-то подбитые, обыкновенной костью или даже слоновой… Раз это головка, то эта сторона, должно быть, лицевая?

— Да, сэр.

— Понимаю. А зачем их подбивают? Каждое явление в этой жизни должно иметь свою причину. Это не касается только орхидей.

— Причину?

— Да, именно причину.

— Это… — Молодой человек замешкался, преж-

де чем ответить. — Видите ли, сэр, это делается для точности удара. Этим местом бьют по мячу.

— Понимаю, окантовка гарантирует точность удара. Ладно. А вот ручка клюшки. Это, я вижу, дерево, благородный и послушный материал, а это — сталь. Как я понимаю, стальные ручки полые внутри?

— Да, сэр, хотя это дело вкуса. Это — драйвер, большая клюшка, или клюшка номер один. Вот у этой клюшки головка подбита латунью. Видите, в нижней части. Поэтому эта клюшка называется латунной.

— Безупречная логика, — пробормотал Вулф. — Что ж, можно считать, что урок окончен. Знаете, мистер Таунсенд, к нашему счастью, различия в происхождении и воспитании дают каждому из нас право на некоторый снобизм. Моё невежество в этой специальной области тешит ваше чувство превосходства надо мной, а ваша полная неосведомленность в законах логического мышления льстит моему самолюбию. Что касается цели вашего визита сюда, то я у вас ничего не куплю. Ваш товар, увы, мне никогда не пригодится. Можете всё собрать и унести обратно, или лучше договоримся так: я беру эти три клюшки и накидываю на каждую по доллару сверх цены.

Это вас устраивает?

Даже если этот парень не знал, что такое чувство собственного достоинства, он хорошо понимал, что такое престиж фирмы «Корлисс Холмс», ибо тут же ответил:

— Вас никто не принуждает покупать наш товар, сэр.

— Разумеется, но я ещё не всё сказал. Я хочу попросить вас об одолжении. Возьмите одну из этих клюшек, вот, например, эту, станьте за этим креслом и повертите или помахайте ею, как это у вас положено при игре.

— Помахать?..

— Да, сделайте то, что положено — удар, бросок, поддавок, как это у вас там называется. Ну, словом, покажите, как вы бьёте по мячу.

Кроме отмеченного Вулфом снобизма, парню была присуща насмешливая снисходительность профессионала. Взяв у Вулфа клюшку, он отошёл подальше от стола, отодвинул кресло, осмотрелся, взглянул даже на потолок, и, подняв клюшку и описав ею полудугу над головой, с оглушительным свистом опустил её вниз, как бы завершив мах ударом. Вулф поёжился.

— Какая силища! — пробормотал он. — А теперь, прошу, помедленнее.

Парень выполнил просьбу.

— Если можно, ещё медленнее, мистер Таунсенд, — снова попросил Вулф.

На этот раз тот, не скрывая иронии, сделал мах подчёркнуто медленно. Вулф внимательно следил за каждым его движением. Он был очень серьёзен.

— Отлично. Премного благодарен, мистер Таунсенд, — наконец сказал он. — Арчи, поскольку у нас нет кредита в фирме «Корлисс Холмс», рассчитайся с мистером Таунсендом наличными и не забудь добавить три доллара. Да поторапливайся, твоя поездка очень важна и не терпит отлагательства.

Моё сердце радостно ёкнуло, ибо многонедельное ничегонеделание меня угнетало. Я помог парню собрать клюшки и проводил его до входной двери. Когда же вернулся, то застал Вулфа в прежней позе в кресле, только губы его были сложены так, будто он тихонько насвистывал. Однако никакого свиста не было слышно, хотя грудь Вулфа ритмично вздымалась и опускалась. Когда мой хозяин вот так складывал губы, я не раз пытался, встав поближе, уловить хотя бы слабый звук, но напрасно.

Увидев, что я подошёл к столу, он сказал:

— Это займёт одну минуту, Арчи. Садись. Блокнот тебе не понадобится.

Глава 4

За рулём я обычно не вижу ничего, кроме полотна дороги. Я таков — если что делаю, то не отвлекаюсь, пока не доведу до конца. В тот день мне удалось удачно сократить путь. До Вудленда я ехал довольно медленно по перегруженной транспортом главной магистрали, но потом свернул и уже через двадцать минут был в Уайт-Плейнс. Хотя я спешил и вынужден был сосредоточить всё своё внимание на шоссе, я всё же изредка бросал взгляды и на окрестности — на цветущий кустарник вдоль обочин, молодую листву на деревьях, колышущуюся словно в медленном танце в такт дуновениям ветерка, на яркую зелень полей. Любой ковёр, вдруг подумал я, пусть за много тысяч долларов, не ласкает так ногу человека, как упругая густая трава лужайки.

Но я спешил напрасно. Едва я вошёл в здание прокуратуры, как неудачи стали преследовать меня по пятам. Прежде всего, Андерсон был в отъезде. Как мне сказали, он вернётся не ранее понедельника, то есть через четыре дня. Он от-

правился в Адирондакские горы, но адреса не оставил. Мне же совсем не улыбалось ехать за ним куда-то в Лейк-Плесид. Замещал Андерсона адвокат Дервин, о котором я ничего не слышал. Он ещё не возвратился с обеденного перерыва и будет не ранее, чем через полчаса. Я понял, что здесь никто не горит желанием мне помочь.

Я вышел на улицу и поискал телефонную будку, чтобы позвонить Вулфу. Тот велел дожидаться Дервина и посмотреть, что из этого выйдет. Чтобы скоротать время, я зашёл в кафе, съел бутерброды и выпил пару стаканов молока. Когда я вернулся в прокуратуру, Дервин был уже на месте, но заставил меня ждать ещё минут двадцать, которые, как я понял, понадобились ему, чтобы поковырять зубочисткой в зубах. Судя по гробовой тишине в здании, здесь работой себя не утруждали.

Вспомнив, сколько я перевидал адвокатов на своём веку, я задумался, чем они все так похожи друг на друга. Не тем ли, что на их лицах застыло одинаковое выражение — эдакая непонятная смесь страха и самоуверенности? Будто каждый из них переходит запруженную машинами улицу и ждёт, что его сейчас собьёт одна из них, и в то же время пребывает в мстительной уверенно-

сти, что обидчика ждёт неминуемая кара, ибо в кармане пострадавшего лежит заранее заготовленное по всей форме обвинение.

Дервин не показался мне исключением. А так на вид он был вполне респектабельным, в меру упитанным, хорошо одетым господином с гладко зализанными назад тёмными волосами и благообразным самодовольным лицом.

Положив шляпу на край стола, я пододвинул стул и уселся прямо напротив адвоката.

— Жаль, что мне не удалось увидеться с мистером Андерсоном, — начал я без приглашения. — Не знаю, заинтересует ли вас то, что я хотел ему сообщить. Вашего шефа это, бесспорно, заинтересовало бы.

Адвокат с улыбкой искушённого политика откинулся на спинку кресла.

— Если это входит в мою компетенцию, возможно, это заинтересует и меня тоже.

— Несомненно, входит. Однако мешает одно обстоятельство — вы не знакомы с Ниро Вулфом. А мистер Андерсон его хорошо знает.

— Ниро Вулф? — Дервин сосредоточенно нахмурил лоб. — Я что-то слышал о нем. Частный сыщик, не так ли? Уайт-Плейнс хотя и не столица, но мы далеко не провинциалы.

— Понимаю, сэр. Но на вашем месте я не называл бы Ниро Вулфа сыщиком. Для него профессия сыщика — слишком активный образ жизни. Это мой хозяин, я у него работаю.

— У вас от него поручение?

— Да, но к мистеру Андерсону. Однако я звонил мистеру Вулфу, и он сказал, что его можно передать и вам тоже. Хотя, возможно, ничего из этого не получится. Как я слышал, мистер Андерсон — состоятельный человек, а о вас мне ничего не известно. Может, вы, как я, живёте на одно жалованье от субботы до субботы.

Дервин деланно рассмеялся, но тут же придал своему лицу строгое выражение.

— Может быть. Но сейчас я не очень занят и готов выслушать вас.

— Хорошо, сэр. Дело в том, что в прошлое воскресенье, то есть четыре дня назад, во время игры в гольф неожиданно умер Питер Оливер Барстоу, ректор Холландского университета. Это случилось в загородном гольф-клубе близ Плезантвиля. Вы, разумеется, об этом слышали?

— Конечно. Такая потеря для всех нас, да и для страны тоже.

Я понимающе кивнул.

— Похороны состоялись во вторник на Ага-

вокском кладбище. Так вот, мистер Ниро Вулф предлагает вам пари. Вернее, он хотел заключить его с мистером Андерсоном, но и с вами согласен тоже. Он уверен, что если вы эксгумируете тело и сделаете вскрытие, то найдёте доказательства того, что покойный был отравлен. Мистер Вулф готов поспорить на десять тысяч долларов и предлагает чек на эту сумму любому ответственному лицу.

Я улыбнулся, когда увидел, каким взглядом Дервин уставился на меня. Он глядел довольно долго, после чего заключил:

— Мистер Ниро Вулф сошёл с ума.

— О нет, только не он, — ответил я. — Кто-кто, только не он. Вот уж на что не советую вам ставить. Я ещё не всё вам сказал. Он считает, что в теле мистера Барстоу, возможно, в нижней части живота, засела короткая, острая и тонкая игла, возможно, стальная, а скорее всего, из очень твёрдых пород дерева. Остриё направлено вверх под углом в сорок пять градусов, если не попало в кость.

Дервин продолжал обалдело глядеть на меня. Когда я умолк, он попробовал снова фальшиво хохотнуть, но на сей раз у него не получилось.

— Большей ерунды я не слышал, — наконец

изрёк он, — хотя, если вы это утверждаете, у вас, должно быть, есть на то основания.

— Ещё какие! — воскликнул я и полез в карман за чеком. — В мире найдётся немного чудаков, которые рискнули бы такой суммой ради, как вы выразились, ерунды. Вулф к ним не относится, поверьте мне. Мистер Питер Оливер Барстоу был убит именно этой иглой. Она находится в его теле. Это утверждает мистер Ниро Вулф, это утверждаю я. А подтверждением служит этот чек на десять тысяч долларов. Разве это не убедительно, мистер Дервин?

Он уже не казался таким самодовольным, каким был, когда я только вошёл в кабинет. Он встал, затем снова сел. Я терпеливо ждал.

— Это абсурд, — наконец промолвил он. — Абсолютнейшая чушь.

— Вулф не ставит на чушь или абсурд. Он ставит на правду, — осклабился я.

— Этого не может быть. Это абсурдно… и чудовищно. Если вы решили подшутить надо мной, то не на того напали. Я знаком с семьей Барстоу и знаю подробности смерти, но я не намерен обсуждать их с вами. Всё, что вы сказали, — нелепость. Да знаете ли вы, кто засвидетельствовал причину смерти? Не считаете ли вы…

— Знаю, — перебил его я. — Доктор Натаниэль Брэдфорд. Смерть от сердечного тромба. Но даже если несколько знаменитостей такого же ранга, как доктор Брэдфорд, будут утверждать это, мистер Ниро Вулф не откажется от своего предложения. Оно остается в силе, как и этот чек.

По лицу Дервина я заметил, что он почти оправился от шока и что-то начинает соображать.

— Послушайте, — произнёс он наконец. — Что за игру вы затеяли?

— Никакой игры. Хотя вам даётся шанс выиграть десять тысяч долларов.

— Покажите чек.

Он повертел чек в руках, внимательно разглядывая со всех сторон, а затем придвинул к себе телефон.

— Мисс Риттер, соедините меня с отделением Центрального банка на Тридцать пятой улице в Нью-Йорке.

В ожидании соединения он продолжал разглядывать чек, а я, сложив руки и набравшись терпения, приготовился ждать. Когда раздался звонок, Дервин снял трубку и долго и нудно задавал кому-то вопросы. Он хотел удостовериться, что его не разыгрывают. Когда он наконец положил трубку, я вежливо поинтересовался:

— Ну теперь, когда вы удостоверились, что речь идёт о десяти тысячах настоящих долларов, мы, может быть, сдвинемся с места?

Но он словно не слышал меня и продолжал морщить лоб и изучать чек.

— Вы действительно уполномочены вручить чек? — вдруг ехидно спросил он.

— Да, сэр. Чек выписан на моё имя и заверен банком к платежу. Я вправе поставить передаточную подпись на любое лицо. Если хотите, позвоните Вулфу, номер его телефона: Брайант, 9-28-28. Во избежание недоразумений я бы советовал продиктовать вашему секретарю расписку, которую мы оба скрепим подписями. Должен предупредить, Вулф не намерен давать какие-либо пояснения или информацию на эту тему. Это пари, и этим всё сказано.

— Пари! С кем? С округом Вестчестер?

Я ухмыльнулся.

— Мы надеялись заключить его лично с мистером Андерсоном, но, поскольку его нет, нам всё равно, кто будет вместо него. Главное, чтобы у того, кто заключит пари, было десять тысяч долларов. Вулфу безразлично, будет ли это шеф местной полиции, редактор городской газеты или известный в ваших краях демократ, обладающий

несомненным чувством гражданского долга.

— В самом деле?

— Да, сэр. У меня инструкция обеспечить денежное покрытие чека до захода солнца.

Дервин встал и в сердцах пнул стул.

— Гм, пари! Это блеф.

— Вы так считаете? Можете сами, если хотите, получить эти деньги в банке.

Но он, видимо, что-то уже решил, ибо направился к двери. Дойдя до неё, он вдруг обернулся и сказал:

— Вы подождёте меня минут десять? Впрочем, у вас выбора нет. Ваш чек у меня в кармане.

Он вышел, прежде чем я успел ответить. Мне ничего не оставалось, как снова набраться терпения и ждать. Что он надумал? Не перестарался ли я? Лучше было не пугать его. Кажется, мои слова вызвали у него протест, если только он вообще способен на такое чувство. Как заставить его побыстрее принять решение? Да и может ли этот третьестепенный адвокатишка на такое решиться, хватит ли у него смелости? Вулфу нужны были немедленные действия. Я прекрасно понимал, что не в пари дело. Вулф надеялся на успех своей затеи не более, чем я на подарок в десять тысяч долларов ко дню рождения. Ему нужны были

эксгумация и вскрытие плюс эта злополучная игла. Теперь я понимал, как у него могла родиться такая догадка, но ещё не знал, как увязать это с Карло Маттеи.

Но я заставил себя вернуться к насущным делам. Если Дервин обманул меня и удрал, к кому ещё можно обратиться? Эти два часа между четырьмя и шестью вечера я должен действовать самостоятельно. В это время я не имею права тревожить Вулфа, потому что он занят в оранжерее. Сейчас без десяти три. Прошло десять минут, как ушёл Дервин. Я чувствовал себя круглым дураком. Что, если он продержит меня здесь весь день? Чек-то у него. Если я позволю мелкому жулику провести себя, как я буду глядеть в глаза Вулфу? Пока чек у Дервина, я не имел права терять его из виду.

Я вскочил со стула и быстрым шагом пересёк комнату. У дверей я немного поостыл. Надо действовать разумно. Я повернул ручку, приоткрыл дверь и высунул голову в коридор. Мрачный судебный коридор вёл в приёмную. Было слышно, как девушка-секретарь разговаривает по телефону.

— Нет, только лично. Нужен именно мистер Андерсон.

Я подождал, пока она положила трубку, и вошел.

— Не знаете, куда подевался мистер Дервин? — спросил я, подойдя к столу.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Он в кабинете мистера Андерсона, пытается связаться с ним по телефону.

— Надеюсь, это правда и вы не солгали мне, так, для практики, а?

— В практике не нуждаюсь, спасибо, — отрезала она.

— Прекрасно. Тогда разрешите присесть на один из этих стульев. Надоело сидеть в одиночестве.

Едва я уселся поближе к входной двери, как в приёмную вошёл рослый, крепко сбитый мужчина в синем костюме и чёрных штиблетах. На голове у него была соломенная шляпа. Я обратил внимание на его озабоченный вид. Решительным шагом он направился к столу секретаря. Глядя ему в спину, я отметил характерное вздутие пиджака на правом бедре. Вошедший имел при себе оружие.

— Как поживаете, мистер Кук? — приветствовала его девушка. — Мистер Дервин в кабинете шефа.

Как только он скрылся за дверью, я спросил у девушки:

— Если не ошибаюсь, это — Бен Кук?

Она кивнула, не поднимая головы. Ухмыльнувшись, я приготовился ждать, что будет дальше.

Прошло минут пятнадцать или более, когда дверь кабинета Андерсона отворилась и выглянул Дервин.

— Заходите, мистер Гудвин, — сказал он, глядя на меня.

Я вошёл и сразу же понял, что меня ждёт. Бен Кук сидел за столом, придвинув своё кресло вплотную к тому, которое только что покинул Дервин. Перед столом был поставлен стул, видимо, для меня. Свет из окна должен был падать мне прямо в лицо.

— Удивлены, не так ли? — вместо приветствия сказал Бен Кук.

Дервин заговорил лишь тогда, когда снова сел в кресло Андерсона.

— Знакомьтесь, это начальник местного полицейского участка, — сказал он.

Я сделал вид, что яркий свет из окна ослепил меня.

— Неужели? Не думаете ли вы, что Бена Кука знают лишь в пределах Бронкса?

Дервин так свирепо уставился на меня, что мне стало смешно. Он даже погрозил мне пальцем.

— Послушайте, Гудвин! Эти последние полчаса я потратил не зря и теперь могу сообщить вам, что вас ждёт дальше. Пока мы будем ждать приезда мистера Вулфа, вы расскажете нам всё, что знаете, если вы, конечно, что-либо знаете. Почему вы…

Мне было жаль прерывать этот спектакль, но я не смог удержаться.

— Ждёте Вулфа? — воскликнул я. — Ждёте, что он приедет сюда?

— Конечно, если он не враг себе. Я недвусмысленно дал ему это понять, когда разговаривал с ним по телефону.

Но тут мне было уже не до смеха.

— Послушайте, мистер Дервин, сегодня, кажется, не лучший день в вашей жизни. Вы упустили шанс заключить самое выгодное пари из всех, какие вам когда-либо предлагали. А надежда увидеть Вулфа здесь так же эфемерна, как то, что я собираюсь назвать вам имя убийцы Барстоу.

— Вот как! — не выдержал Бей Кук. — Ты как миленький всё нам расскажешь, будь уверен.

— Возможно, расскажу всё, что знаю. А вот насчёт того, кто убил Барстоу, не расскажу, потому

что не знаю этого. Теперь же, если хотите, охотно поведаю вам, что я думаю о состоянии ваших дорог…

— Хватит! — сердито оборвал меня Дервин, который, как я заметил, становился всё жёстче. — Вы, Гудвин, выдвинули самое невероятное из обвинений и преподнесли это как сенсацию. Не скажу, что у меня к вам много вопросов, ибо я слишком плохо осведомлён. Но один вопрос я всё же задам и жду немедленного и исчерпывающего ответа. С какой целью ваш хозяин послал вас сюда сегодня?

Я сокрушённо вздохнул.

— Я уже сказал вам, мистер Дервин. Заключить пари.

— Бросьте, не надо говорить чепуху. Это не пройдёт, и вы прекрасно знаете. Рассказывайте, мы вас слушаем.

— И не вздумай умничать, — добавил Бен Кук. — Умников мы здесь не очень жалуем.

Я мог бы пикироваться с ними до самой ночи, если бы захотел, но время подпирало, и мне порядком всё это надоело. Поэтому я произнёс целую речь.

— Послушайте, джентльмены. Вы раздражены, и это плохо. Я-то здесь при чём? Может, мне сле-

дует послать вас ко всем чертям, встать и уйти? Я знаю, мистер Кук, до полицейского участка тут рукой подать, но мне надо в другую сторону. Ей-богу, вы ведёте себя, как пара не очень расторопных легавых. Удивляюсь вам, мистер Дервин. Ниро Вулф даёт вам отличную наводку. А вы что делаете? Тут же сообщаете об этом Бену Куку, а меня вынуждаете забрать предложение обратно и оставить вас обоих ни с чем. Задержать меня вам не удастся. Ниро Вулф с удовольствием возбудит дело о незаконном задержании. В полицейские участки я захаживаю, лишь когда хочу, например, навестить старых друзей, а в противном случае извольте официально предъявить повестку. Подумайте, что будет, если я расскажу газетчикам, да ещё когда это подтвердится, что Барстоу был действительно убит. Откровенно говоря, я уже жалею, что связался с вами, и, как только получу от вас чек, намерен откланяться. Больше я вам ничего не скажу. Вы меня поняли? Верните чек, или перейдём к делу.

Дервин сидел, сложив руки на столе, и сурово молчал.

— Значит, ты приехал в нашу глубинку, чтобы поучать тут нас всех? — не выдержал шеф полиции. — У меня достаточно власти, чтобы

отправить тебя в участок, обвинив всего лишь в умысле. Большего мне и не нужно.

— Что ж, я понимаю вас, — ответил я. — Дервин дал вам в руки фитиль от фейерверка, который мог бы зажечь сам, да испугался. Вот вы и нервничаете. — Я повернулся к Дервину. — Вы звонили начальству в Нью-Йорк?

— Нет, я звонил Андерсону.

— Дозвонились?

Дервин разжал руки, поёрзал в кресле и растерянно взглянул на меня.

— Я говорил с Морли.

— А, с Диком Морли. Ну и что он сказал?

— Он сказал, что, если Вулф предлагает пари на десять тысяч долларов, другой стороне вряд ли стоит ставить против них даже тысячу.

Я был так расстроен неудачей, что даже не улыбнулся остроумию Дика.

— И после этого вы торчите здесь, вместо того чтобы схватить лопату и бежать на кладбище? Повторяю, от меня, а тем более от Вулфа, вы ничего не добьётесь. Решайтесь или верните чек.

Дервин печально вздохнул и откашлялся.

— Гудвин, — сказал он. — Я буду с вами откровенен. Я в полном отчаянии. Это не для огласки, Бен, но это так. Я не знаю, что делать. Разве вы не

понимаете, что означает эксгумация и вскрытие тела Питера Оливера Барстоу?

— Ерунда. Можно выдвинуть десяток разных причин, почему это необходимо, — заверил я.

— Возможно, я просто не способен это сделать. Я знаю эту семью и не могу так поступить. Дозвониться Андерсону в Лейк-Плесид не удалось, я буду звонить ещё вечером, в шесть, во всяком случае, до семи. Если он выедет ночным экспрессом, завтра утром он будет здесь. Пусть сам решает.

— Значит, сегодня не получится, — сказал я.

— Да, сегодня это невозможно. Я не уполномочен решать такие вопросы.

— Ладно. — Я поднялся. — Позвоню Вулфу, спрошу, будет ли он ждать так долго. Если он согласен, я покидаю вашу глубинку. В таком случае позвольте забрать чек.

Дервин вынул из кармана чек и отдал его мне.

— Могу подвезти вас к участку, шеф, — предложил я Бену с улыбкой.

— Поезжай, парень, поезжай.

Глава 5

Вулф в тот вечер был воплощением такта и внимания. Я успел к ужину, но за столом он не позволил мне ни слова сказать о поездке в Уайт-Плейнс. Впрочем, о серьёзной беседе не могло быть и речи, ибо в это время Вулф обычно включает радиоприёмник. Он любит говорить, что нынешний век — это век домоседа. В прежние времена, удовлетворив страсть к познанию истории трудами Гиббона, Ренке, Тацита или Грина,[3] человек, чтобы узнать о своих современниках, отправлялся путешествовать. Ныне, когда надоедает читать мемуары римских императоров Гальбы или Вителлия, можно, едва привстав в кресле, повернуть ручку радиоприёмника.

Передача, которую Вулф старается не пропустить, называется «Весёлые парни». Почему она ему нравится, убейте, не понимаю. Он слушает её, сложив на животе руки с переплетёнными пальцами, закрыв глаза и как-то странно сжав губы, будто что-то держит во рту и собирается выплюнуть. В такие часы я стараюсь исчезнуть

---

[3] Примечания: 3
Историки разных времён.

из дома — отправляюсь на короткую прогулку или что-нибудь в этом роде. Я предпочитаю другие программы, а эта кажется мне слишком вульгарной.

После обеда, когда мы перешли в кабинет Вулфа, я коротко рассказал ему о своей неудаче. Чертовски неприятно было извиняться, потому что в таких случаях он всегда убивает меня своим великодушием: он уверен, что я сделал всё возможное, но неблагоприятное стечение обстоятельств оказалось сильнее нас, и всё такое прочее. У меня создалось впечатление, что его мало заинтересовали как мой рассказ, так и мои извинения. Я попробовал для затравки заставить его придумать, как побудить окружного прокурора всё же пойти на пари, но Вулф остался равнодушен к моим идеям. Я предложил ещё раз попробовать Дервина, но он ответил, что, пожалуй, этого не следует делать.

— Лягушки не умеют летать, — глубокомысленно заметил он, внимательно разглядывая увядший стебель симбидиум александерри, который принёс ему садовник Хорстман. — Ему не хватает воображения, даже самой малости. Судя по твоим рассказам, он вообще лишён воображения. Флетчер М. Андерсон, тот, разумеется, не

упустил бы такой случай. Он богат, тщеславен и далеко не дурак. Он бы сразу сообразил, что вскрытие можно произвести без лишнего шума и огласки, и, если оказалось бы, что я не прав, он получил бы свои десять тысяч, а если бы проиграл мне эту сумму, всё равно оказался бы в выигрыше. Как прокурор он получил бы громкое, можно сказать, сенсационное дело, а в моём лице — источник дальнейшей информации. И всё за свои десять тысяч долларов. Твоя поездка в Уайт-Плейнс — это обычная коммерческая сделка, ты мне, я тебе. Окажись Андерсон на месте, он так бы и отнёсся к этому. Возможно, сделка ещё состоится. Она заслуживает некоторых размышлений. Кажется, сейчас пойдёт дождь.

— Вы меняете тему, — не сдавался я, упорно не покидая своего стула, хотя чувствовал, что начинаю действовать ему на нервы. — А что касается дождя, то он собирается уже давно, когда я ехал назад, я тоже это заметил. Ждёте, чтобы он смыл все следы?

Склонившись с лупой над больным цветком, он продолжал сохранять спокойствие.

— В один прекрасный день, Арчи, когда моё терпение лопнет, тебе придётся жениться. Выбирай женщину с ограниченным умом, ибо только

такая способна будет оценить твои потуги на сарказм. Когда я сказал о дожде, я заботился о твоём комфорте и здоровье. Сегодня мне в голову пришла мысль, что, пожалуй, следует съездить на Салливан-стрит. Впрочем, это можно сделать и завтра.

Надо было хорошо знать Вулфа, — а я хорошо его знал, — чтобы понять, как искренне он это сказал. Для него всякое перемещение за пределы особняка было делом крайне неприятным и нежелательным, а если ещё в дождь, то и вовсе безрассудным.

— Я, по-вашему, сахарный? Конечно, я поеду на Салливан-стрит. Это один из вопросов, который я собирался вам задать. Как вы думаете, почему Анна Фиоре упорно не отвечала на вопросы сыщика О'Грэйди? Не потому ли, что у того нет ни наших с вами манер, ни нужной обходительности?

— Вполне возможно, Арчи. Неплохой вывод. Тем более что и Солу Пензеру, которого я послал туда, удалось добиться от неё всего лишь согласия на встречу, в остальном она продолжала играть в молчанку. Так что твоё обаяние и вежливость здесь очень бы пригодились. Если она сможет, пригласи её к нам завтра к одиннадцати утра. Это не повредит. Крепость заслуживает того,

чтобы осада велась по всем правилам военного искусства.

— Я привезу её сегодня.

— Не стоит, лучше завтра. Я предпочёл бы, чтобы сегодня ты был свободен и бездельничал, пока я буду мудрить над этим загубленным цветком. Он безнадёжен, это ясно. Как я уже говорил, твоё присутствие иногда мне просто необходимо. Оно напоминает мне о том, как хорошо, что вместо тебя тут нет кого-нибудь другого, например, жены, от которой так просто не отделаешься.

— Ещё бы, сэр, — осклабился я. — Валяйте, что дальше? Я весь внимание.

— Не сейчас, Арчи, не в такой дождь. Ненавижу дождливую погоду.

— Ладно, тогда я задам вам свои вопросы. Как вы догадались, что Карло Маттеи убит? Как узнали, что Барстоу отравлен и в его теле застряла игла? Теперь я понимаю, как можно было её туда загнать, после того, как это продемонстрировал нам парень из фирмы спортивных товаров. И всё же, как вас осенило?

Вулф опустил лупу и вздохнул. Я понимал, что уже начинаю раздражать его, но кроме простого любопытства, мною двигал также и профессиональный интерес. Он не догадывался, что,

несмотря на мою веру в безошибочность всех его решений, я сам тоже мог бы действовать куда более целеустремленно, если бы знал, что происходит у него в голове. Если я не стану расспрашивать, он сам никогда не поделится ни самым великим, ни ничтожно малым из своих планов.

Вулф вздохнул ещё раз.

— Арчи, Арчи, разве я не говорил тебе, что ответил бы великий Веласкес, если бы ты вздумал приставать к нему с вопросом, почему рука его Эзопа не опущена свободно вдоль тела, а спрятана в складках одежды? Должен ли я снова напоминать, что можно пройтись по следам открытий учёного и он с готовностью объяснит тебе каждый свой шаг, но бесполезно просить об этом художника. Последний, как жаворонок в поднебесье или орёл в полёте, не оставляет следов. Сколько раз я твердил тебе, что я — художник!

— Не надо сейчас об этом, сэр. Просто скажите, как вы узнали, что Барстоу был отравлен.

Вулф снова взял лупу. Я сел, раскурил ещё одну сигарету и приготовился ждать. Наконец, когда терпение моё иссякло и я решил встать и, захватив какую-нибудь книгу или журнал, уйти в гостиную, он заговорил:

— Карло Маттеи мёртв. Избит, возможно, ограблен. Случай достаточно банальный, если бы не телефонный разговор и объявление в газете. Телефонный разговор представляет некоторый интерес, но главное в нём — угроза и ответ: «Я не из пугливых». Объявление кое-что уточняет. До него Маттеи был в одном качестве, после него, помимо прочего, стал ещё и мастером, способным соорудить нечто очень сложное и хитроумное, что должно «сработать». Слово «механизмы» делает объявление любопытным, дающим пищу для размышлений человеку с умом изобретательным и пытливым. А потому в силу такой же случайности, какой является, скажем, зарождение жизни на Земле, Маттеи становится человеком, который вырезает из газеты сообщение о смерти Барстоу, — и делает это утром в день своего исчезновения. Поэтому прочитай сообщение о смерти Барстоу ещё раз, чтобы найти в нём то, что имеет прямое отношение к Карло Маттеи. Простой рабочий, итальянец, эмигрант, — и известный профессор, богач, ректор университета. Какая, казалось бы, может быть между ними связь? Тем не менее она должна быть. Несочетаемость всех этих событий может сделать эту связь ещё более очевидной. Вот тебе

газетное сообщение, ищи эту связь, если она есть, останавливайся и думай над каждым словом и переходи к следующему только тогда, когда будешь совершенно уверен, что за этим словом ничего не стоит. Но больших усилий не потребуется — связь очевидна и не может не броситься в глаза. В момент своей смерти или незадолго до неё Барстоу держал в руках и пользовался не одной, а целым набором вещей, которые, не будучи сложными механизмами, вполне могли бы подойти для зловещей цели. Создается вполне чёткая и ясная картина. Она требует не аргументов, а созерцания, как произведение искусства. А чтобы её увидеть, надо закрепить изображение. Вот я и спросил Анну Фиоре, видела ли она когда-нибудь в комнате Маттеи клюшку для гольфа. Результат был обнадёживающий.

— Хорошо, а если бы она сказала, что не видела?

— Я предупреждал тебя, Арчи, что даже ради твоих прекрасных глаз не стану отвечать на гипотетические вопросы.

— Что ж, это проще всего.

Вулф сокрушённо покачал головой.

— Отвечать на них означало бы признать твоё право на такой способ объяснений. Что же, я

уже привык и большего от тебя не жду. Как, чёрт возьми, я могу знать, что бы я сделал, если бы да кабы!.. Может, просто пожелал бы ей доброй ночи. Может, искал бы другой закрепитель. А может, ничего бы не делал. Может, да, а может, нет. А что бы ты делал, если бы твоя голова была повёрнута задом наперёд и подошло время обеда?

Я улыбнулся.

— Ну, с голоду я бы не умер. Да и вы тоже. Это могу сказать с уверенностью. Но как вы узнали, что Маттеи убит?

— Я этого не знал, пока не пришёл О'Грэйди. Ты же слышал, что я ему говорил. Если полиция пришла с обыском к Маттеи, значит, уголовное преступление или убийство. Первое, в свете всех других фактов, было маловероятным.

— Хорошо. Я припас свой главный вопрос под конец. Кто убил Барстоу?

— Угу, — тихо буркнул Вулф. — Тут уже надо создавать другую картину, Арчи, а она будет стоить денег. Она дорого обойдётся тому, кто захочет её купить, и принесёт солидный куш художнику. Один из её персонажей стоит таких затрат. И, чтобы продолжить избитую метафору, добавлю: мы не установим свой мольберт до тех пор, пока не будем уверены в комиссионных. Однако, если

говорить откровенно, это не совсем так. Грунтовку фона, я думаю, мы начнём уже завтра, когда тебе удастся привезти сюда мисс Фиоре.

— Я готов привезти её хоть сейчас, если позволите. Сейчас всего лишь начало десятого.

— Нет. Слышишь, какой дождь за окном? Сделаем это завтра.

Я понял, что спорить бесполезно, поэтому, полистав без интереса пару журналов и почувствовав, что тупею от безделья и скуки, я накинул плащ и отправился в кино.

Только самому себе я мог признаться, что на душе неспокойно. Такое случалось со мной не раз, но я не собирался к этому привыкать. Я был абсолютно уверен, что Вулф не позволит нам потерпеть неудачу. У него наверняка есть что-то в запасе. И всё же время от времени сомнения одолевали меня. Я, пожалуй, никогда не забуду тот случай, когда Вулф уличил в мошенничестве президента одного из банков, вернее, это сделал я на основании единственной улики — ручки без чернил на его столе. Помню, как мучили меня сомнения, и успокоился я лишь тогда, когда стало известно, что спустя час банкир пустил себе пулю в лоб. Помню, как до этого уговаривал Вулфа умерить свой натиск на него. Больше я уже никогда

не пытался делать такого.

Когда я говорил хозяину, что никто не застрахован от ошибок, он отвечал: «Ты видишь факт, Арчи, и ты ему веришь, но у тебя нет чутья на всё явление в целом». После этого я даже посмотрел это слово в словаре, чтобы понять, чего я не разумею, но, увы, умнее не стал. Просто я перестал спорить с Вулфом, ибо понял, что это бесполезно.

Чувство, подобное тому, что я испытывал и раньше, сейчас снова охватило меня. Мне необходимо было всё обдумать, поэтому я накинул плащ и пошёл в кино, где, сидя в темноте и уставившись на экран, позволил своему мозгу думать, что ему хочется. Так я довольно быстро понял, как Вулф пришёл к своему выводу. Кто-то решил убить Барстоу. Назовём его Икс. Он помещает в газете объявление, что требуется специалист, способный выполнить заказ. Он оговаривает, что ему нужен человек, который собирается покинуть страну. Если, паче чаяния, его потом разберёт любопытство, это уже не будет представлять опасности. Карло Маттеи откликнулся на объявление и получил заказ на конструирование некоего пускового устройства, которое можно легко вмонтировать в клюшку для гольфа. При ударе головкой клюшки по мячу устройство

срабатывает по принципу спускового крючка и из полой ручки клюшки на немалой скорости выбрасывает иглу. Заказчик мог представить это как изобретение для демонстрации какой-нибудь комиссии по гольфу в Европе или что-нибудь в этом роде. Он так щедро оплатил заказ, что Маттеи решил отложить отъезд в Италию. Видимо, это не устраивало заказчика, они повздорили, и Маттеи обещал отплыть следующим пароходом. Мистер Икс тем временем решил использовать клюшку в задуманных целях, не дожидаясь отъезда Маттеи. Он положил её в сумку Барстоу (разумеется, она не должна была отличаться от обычных клюшек для гольфа). А потом случилось так, что в понедельник утром Маттеи прочёл в газете извещение о смерти Барстоу, и, благополучно сложив два и два, всё понял. Сделать это было нетрудно, учитывая, что он знал, что именно изготовил, и сколько ему за это ему заплатили. Мистер Икс позвонил ему, они встретились. Маттеи поделился с ним своими догадками и попытался его шантажировать. Мистеру Иксу на сей раз не понадобились хитроумные устройства. Не откладывая, он пустил в ход самый обыкновенный нож, который предусмотрительно не стал вынимать из раны из-за опасений, что

кровь испачкает сиденье машины. После этого он какое-то время кружил по Вестчестерским холмам, пока не нашёл укромное местечко, где и спрятал в кустарнике тело Маттеи. Лишь тогда он вынул нож из раны и по дороге бросил его в какой-нибудь водоём. Вернувшись домой не слишком поздно, он, видимо, выпил пару рюмок виски и завалился спать. А утром, облачившись в визитку вместо обычного делового костюма, отправился на похороны своего друга Барстоу.

Конечно, именно такую картину нарисовал себе Вулф, и она была безукоризненна. Но посидев в тиши кинозала, я пришёл к заключению, что, хотя она построена на одних фактах и никаких передёргиваний не заметно, по идее она столь же оригинальна, как те, что рождались в головах наших предков ещё до Коперника. Они тоже добросовестно использовали все известные им факты, чтобы доказать, что Солнце вертится вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца. Но как быть с фактами, что остались неизвестными? А ведь они есть. Требуя эксгумации, Вулф рискует не только десятью тысячами долларов, но и своей репутацией. Однажды один из его клиентов сказал, что он счастливчик и ему всегда везёт, поэтому-то он так чертовски беспечен. Мне тогда

эта характеристика шефа понравилась, да и ему тоже. И тем не менее я не мог не думать о том, что будет, если вскрытие покажет, что Барстоу умер от тромба, а в его теле никаких инородных предметов не обнаружится. То-то повеселятся все — от окружного прокурора до последнего постового на пляжах Нью-Йорка. В течение недели это заменит им все другие виды развлечений и сэкономит обычные расходы на дневные сеансы мультфильмов с Микки-Маусом. Я не так уж был глуп, чтобы не понимать, что от ошибок никто не застрахован, но тот, кто создал себе нимб абсолютной непогрешимости, как, например, Ниро Вулф, не имеет права на ошибку.

И всё же я был глуп. Доводя себя до крайней степени раздражения своими сомнениями, я потом каждый раз убеждался, что Вулф прав. С этим сознанием я и вернулся домой, но Вулф уже лёг спать.

На следующее утро я проснулся, когда ещё не было семи, но не встал, а решил понежиться в постели. Всё равно заняться было нечем, а за Анной Фиоре ехать ещё рано, поскольку Вулф освободится лишь к одиннадцати. Позёвывая, я лежал, разглядывая весёлый пейзаж на стене и фотографию родителей, а затем закрыл глаза.

Нет, не для того, чтобы снова погрузиться в сон, ибо я уже вполне выспался, а для того, чтобы прислушаться к многообразию звуков за окном. Но вскоре мне помешал стук в дверь. Это был Фриц.

— Доброе утро, — приветствовал его я. — На завтрак мне, пожалуйста, сок грейпфрута и маленькую чашечку шоколада.

Фриц улыбнулся.

— Доброе утро. Там внизу — джентльмен, он хочет видеть мистера Ниро Вулфа.

Я быстро сел на постели.

— Кто он?

— Назвался Андерсоном. Визитной карточки при себе не имеет.

— Вот как! — Я спустил ноги на пол. Ну и ну. — Он не джентльмен, Фриц, а всего лишь новоиспечённый богач, «нувориш», как говорят французы. Мистер Ниро Вулф надеется в скором времени облегчить его карманы. Скажи ему… нет, ничего не говори. Я сейчас спущусь.

Я быстро ополоснул лицо холодной водой, наспех оделся, кое-как прошёлся щёткой по волосам и спустился вниз.

Андерсон и не подумал встать со стула, когда я вошёл. Он так загорел, что, встреться он мне на улице, я бы его не узнал. Он выглядел невыспав-

шимся и раздражённым и причёсан был так же наспех, как и я.

— Я — Арчи Гудвин, — представился я. — Вы, очевидно, не помните меня.

Он не шелохнулся на стуле.

— Возможно. Прошу извинить, но мне нужен Вулф.

— Понимаю, сэр. Но вам придётся подождать. Мистер Вулф ещё не встал.

— Надеюсь, ждать не долго?

— Трудно сказать. Я сейчас узнаю. Прошу меня извинить.

И я удалился в холл, где постоял у подножья лестницы, ведущей на второй этаж, раздумывая, такой ли это случай, чтобы заставить Вулфа изменить своим привычкам. Было без четверти восемь. Наконец я решил подняться и, приблизившись к запретной десятифутовой черте перед дверью Вулфа, нажал кнопку на стене.

Тут же раздался приглушённый голос шефа:

— Кто там?

— Откройте, мне надо поговорить с вами.

Щёлкнул засов.

— Входи, — буркнул Вулф.

Думаю, если описать, что представляет собой Вулф в постели, мало кто поверит — это

надо видеть собственными глазами. Мне доводилось видеть его в постели не раз, и я всё больше укреплялся в мнении, что это зрелище, достойное восхищения. Я увидел его под чёрным мягким одеялом из лёгкого шёлка, которым он пользовался и зимой, и летом. Оно ниспадало к полу с огромного, как гора, тела. Чтобы увидеть лицо шефа, следовало подойти к изголовью и заглянуть под нечто вроде балдахина, тоже из чёрного шёлка. Под ним на белоснежной подушке лежала массивная голова, словно изваяние божества в храме.

Когда я приблизился, из-под балдахина высунулась рука и дёрнула за шнур. Балдахин над изголовьем, собравшись складками, поднялся. Вулф сощурился от света, ударившего в глаза.

Я доложил ему о визите окружного прокурора Флетчера М. Андерсона. Вулф выругался, чего я совершенно не выносил — его ругань портит мне настроение. Он как-то объяснил мне, что если у кого-то ругань — это словоизвержение, то у него это выражение определённых эмоций. Это случалось с ним редко, но в это утро он дал себе волю.

— Оставь меня, уходи, убирайся вон!..

— Но… Андерсон… — запинаясь, произнёс я.

— Если я так ему нужен, пусть приходит в один-

надцать. Или не приходит вообще. За что только я плачу тебе жалованье?

— Хорошо, сэр. Вы, разумеется, правы. Я нарушил ваш распорядок и заслуживаю того, чтобы меня отругали. Но теперь, когда вы облегчили душу, позвольте мне заметить, что совсем неплохо было бы принять его…

— Не позволю!

— А десять тысяч долларов?

— Сказал тебе, нет.

— Ради всего святого, сэр, почему?!

— Чёрт бы тебя побрал, Арчи, что ты пристал ко мне? — Голова Вулфа повернулась в мою сторону. Он выпростал руку из-под одеяла и погрозил мне пальцем. — Да, пристал. Иногда я позволяю тебе делать это, поэтому сейчас не буду тебя ругать. Лучше отвечу на твой вопрос: почему я не хочу сейчас видеть Андерсона. Причины три: во-первых, я ещё в постели, я не одет и у меня отвратительное настроение. Во-вторых, ты способен справиться с ним сам. В-третьих, я прекрасно знаю, что такое эксцентричность: её законы беспощадны. Если человек вроде меня, потративший столько усилий, чтобы прослыть оригиналом, при первом же случае теряет выдержку и поступает как всякий встречный, грош

цена такому оригиналу. Уходи.

Когда я вышел, спустился вниз и сказал Андерсону, что он, если хочет, может подождать — Вулф примет его в одиннадцать, — он не поверил своим ушам. Поняв, что Вулф не шутит, он чуть не взорвался от негодования. Больше всего его оскорбило, что он, как дурак, примчался сюда прямо с вокзала. Я тоже не мог понять, зачем он это сделал. Я постарался его успокоить, объясняя всё эксцентричностью моего хозяина, мол, тут уж ничего не поделаешь, а также рассказал ему, как и зачем ездил накануне в Уайт-Плейнс и что ситуация мне примерно известна. Это его немного отрезвило, и он даже начал расспрашивать меня подробнее, но я отделывался скупыми дозами информации. Мне доставило искреннее удовольствие видеть, как он переменился в лице, когда узнал, что Дервин тут же посвятил во всё Бена Кука. Удовлетворив своё любопытство, Андерсон какое-то время сидел в раздумье, потирая нос и глядя куда-то поверх моей головы, а потом сказал:

— Вулф пришёл к довольно странному заключению, не так ли?

— Да, сэр.

— Значит, он располагает какой-то сенсацион-

ной информацией?

Я улыбнулся.

— Мне приятно беседовать с вами, мистер Андерсон, но стоит ли тратить время впустую? Что касается сенсационной информации, то, мы с Вулфом будем немы, как египетские мумии в музее, пока не будет произведено вскрытие. Не надейтесь.

— Что ж, очень жаль. Я мог бы обеспечить Вулфу вознаграждение как главному расследователю в этом деле… проведение дознаний и прочее…

— Вознаграждение? Какое же?

— Ну, скажем, пять тысяч долларов.

Я покачал головой:

— Боюсь, он слишком занят, да и я тоже. Сегодня утром мне, пожалуй, снова придётся съездить в Уайт-Плейнс.

— Угу. — Андерсон прикусил губу и посмотрел на меня. — Вы меня знаете, Гудвин. Я редко отхожу от правил и занимаю агрессивную позицию, но не кажется ли вам, что в этом деле не всё в порядке? Я хочу сказать — с нравственной стороны.

Тут уж я не на шутку рассердился.

— Послушайте, мистер Андерсон! — воскликнул я, гневно уставившись на него. — Вы сделали

вид, что не помните меня, а вот я вас хорошо запомнил. Думаю, дело Голдсмита вы ещё не забыли, это было пять лет назад? Ведь это Вулф помог вам в нём, а как вы его отблагодарили? От вашей славы не убыло бы, если бы вы признали тогда и его заслуги! Ладно, это дело прошлое. Будем считать, что вам было выгодно умолчать об этом. Да мы и не настаивали. Но о какой нравственности может идти речь, если вместо заслуженной награды человек получает фонарь под глазом? Может, это ваше понятие об этике?

— Не понимаю, о чём вы?

— Ладно. Если я буду сегодня в Уайт-Плейнс, кое-кто там сразу меня поймёт. На сей раз вам придётся заплатить за всё.

Андерсон встал.

— Не утруждайте себя, Гудвин. В Уайт-Плейнс как-нибудь обойдутся сегодня и без вас. Я принял решение об эксгумации, для этого мне хватит того, что я уже знаю. В течение дня вы или Вулф будете дома? Мне надо будет позднее связаться с ним.

— Вы знаете, что Вулф всегда дома, однако с девяти утра до одиннадцати и с четырёх до шести пополудни ни увидеть, ни связаться с ним по телефону невозможно.

— Понимаю. Его причуды.

— Да, сэр. Ваша шляпа в прихожей.

Я наблюдал в окно, как отъезжает его такси. Затем я вернулся в кабинет, решив позвонить по телефону. Правда, я несколько заколебался, но потом подумал, что немного гласности нам совсем не помешает, и набрал номер редакции «Газетт» и попросил к телефону Гарри Фостера. Мне повезло, он оказался в редакции.

— Привет, Гарри, это Арчи Гудвин. У меня для тебя кое-что есть, только молчок, никому ни слова. Сегодня в первой половине дня в Уайт-Плейнс окружной прокурор получит от суда разрешение на эксгумацию и вскрытие тела покойного Питера Оливера Барстоу. Возможно, он захочет сделать это без всякой огласки. Вот я и подумал: кто, как не ты, может ему в этом помочь? А теперь слушай: в своё время я с удовольствием расскажу тебе, что заставило прокурора проявить такое любопытство и заняться этим. Благодарности не надо. Пока.

Я поднялся к себе, побрился и переоделся. Позавтракав в кухне и немного поболтав с Фрицем о достоинствах рыбных блюд, я скоротал таким образом время до половины десятого. В гараже я заправился бензином, сменил масло и отправил-

ся на Салливан-стрит.

Поскольку в эти часы детишки были в школе, улица показалась мне тихой и не такой грязной, как в первый раз, и вообще здесь что-то изменилось. Я не знаю, чего я ожидал — венков, цветов. На входной двери висела большая траурная розетка с длинными чёрными лентами, над дверью — венок из листьев и цветов. Поблизости стояло всего несколько зевак, а на противоположном тротуаре их было чуть больше. Поодаль скучал полицейский, но стоило мне остановить машину в нескольких шагах от двери, как он встрепенулся и окинул меня изучающим взглядом. Я вышел из машины, подошёл к нему и представился.

— Арчи Гудвин из конторы Ниро Вулфа, — сказал я, протягивая свою карточку. — По просьбе сестры покойного мы начали его поиск за день до того, как тело было найдено полицией. Я хотел бы переговорить с хозяйкой меблированных комнат.

— Вот как? — сказал он и сунул мою карточку в карман. — Я тут ничего не знаю, Арчи Гудвин. Моё дело стоять. Был рад познакомиться.

Мы обменялись рукопожатиями, и, уходя, я попросил его присмотреть за машиной.

Миссис Риччи не выказала особой радости от

встречи со мной, и я понимал её. Видимо, ей порядком досталось от О'Грэйди за то, что позволила мне рыться в вещах Карло Маттеи и даже кое-что унести. Разумеется, он не имел никакого права делать ей подобные замечания, но надо знать таких, как О'Грэйди. Я не мог удержаться от улыбки, когда увидел, как она плотно сжала губы, решив, что я сейчас же начну задавать вопросы. Да, чего уж хорошего, если у тебя в доме покойник. Я посочувствовал ей должным образом, а затем, как бы невзначай, спросил, где Анна и могу ли я её видеть.

— Она занята, — отрезала миссис Риччи.

— Я понимаю, но это очень важно. Мой хозяин хотел бы поговорить с ней. Всего на часок, не более, вот вам два доллара…

— Нет! Силы небесные, неужели вы не можете оставить нас в покое даже в нашем собственном доме? Почему вы не дадите бедной женщине похоронить брата без ваших идиотских нашёптываний ей на ухо? Да кто вы такие…

Конечно, она просто излила на меня всё своё раздражение, досаду и тревогу. Я понял, что бесполезно ожидать от неё разумного согласия, она просто не слушала меня, поэтому ретировался. Я снова оказался в холле. Дверь в столовую была

открыта, и, увидев, что там никого нет, я шмыгнул туда и спрятался за дверью. Заслышав чьи-то шаги, я глянул в щёлку между дверью и косяком и увидел, что миссис Риччи поднимается по лестнице на верхний этаж. Я долго прислушивался к её удалявшимся шагам, а потом стал ждать, может, мне повезёт. Прошло минут десять, и наконец в холл кто-то вошёл. Через щёлку я увидел, что это Анна. Я тихонько окликнул её. Она остановилась и оглянулась. Я ещё раз окликнул её:

— Я здесь, в столовой!

Она остановилась на пороге, а я вышел из-за двери.

— Здравствуйте, Анна. Миссис Риччи сказала мне подождать тебя здесь.

— А, это вы, мистер Арчи.

— Да, я. Пришёл пригласить тебя на прогулку. Миссис Риччи рассердилась на меня за это. Ты помнишь, в прошлый раз я дал ей доллар? Сегодня я дал ей целых два доллара, и она разрешила пригласить тебя. Поторапливайся, я обещал, что привезу тебя не позднее полудня.

Я взял Анну за руку, но она высвободила её.

— В той машине, что в первый раз?

— Конечно, идём.

— Я должна взять жакет, и потом — я в таком

платье…

— Обойдёшься без жакета, сегодня тепло. Поторапливайся, а то миссис Риччи передумает. Платье купим по дороге. Идём.

Взяв её под локоть, я быстро повёл её через небольшой холл прямо к входной двери, стараясь при этом сохранять невозмутимый вид. Кто знает, как поведёт себя полицейский на улице, ещё вздумает показать свою власть, если приметит что-то неладное. Поэтому я распахнул входную дверь и громко сказал Анне:

— Садись в машину, а я пойду попрощаюсь с миссис Риччи.

Подождав несколько секунд, я вышел вслед за ней. Она уже открывала дверцу, я обошёл машину с другой стороны и сел за руль. Нажав на стартер, я дружески махнул полицейскому и дал полный газ. Машина с рёвом рванула по Салливан-стрит, и я был рад, что Анна не слышала воплей хозяйки, несущихся из окна.

Девушка действительно выглядела ужасно в этом платье. Но мне не было стыдно сидеть рядом с замарашкой. Мы направились в центр, объехали Вашингтон-сквер и покатили по Пятой авеню. Я чувствовал себя отлично. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого.

— Куда мы едем, мистер Арчи? — спросила наконец Анна.

— Видишь, сиденье глубокое, и никто не разглядит, какое на тебе платье. А с лицом у тебя всё в порядке. Что скажешь, если мы прокатимся по Центральному парку? Утро сегодня чудесное.

— О, да, сэр.

Я молчал, молчала и Анна. Мы проехали кварталов десять, прежде чем она снова повторила своё:

— О, да.

Она действительно наслаждалась поездкой. Я поехал вверх по Пятой авеню к парку на Шестнадцатой улице, а потом повернул на запад к Сотой и Десятой улицам через Риверсайд-драйв, до обелиска генералу Гранту, объехав который, мы повернули назад. Я не думаю, чтобы Анна хоть раз взглянула на деревья или траву парка или блеснувшую гладь воды. Её внимание привлекали лишь встречные машины и те, кто в них сидел. Без пяти одиннадцать мы подкатили к крыльцу особняка Ниро Вулфа.

Миссис Риччи, оказывается, уже дважды звонила. Когда Фриц докладывал мне это, у него был какой-то странный вид. Я мигом всё уладил, позвонив хозяйке Анны и напомнив ей, что гро-

зит тем, кто чинит препятствия отправлению правосудия. Не знаю, слышала ли она меня, ибо сама не переставая что-то кричала в трубку, но, кажется, мой звонок возымел действие, ибо она оставила нас в покое.

Вулф вошёл в кабинет в тот момент, когда я как раз увещевал по телефону миссис Риччи. Я видел, как, направляясь к столу, он замедлил шаг и раскланялся с Анной. Он всегда церемонно вежлив с дамами, хотя что он на самом деле думает о них, остаётся для всех тайной. Он галантен даже тогда, когда беспощадно вытягивает из них слово за словом показания, как было с Нюрой Прон по делу о Дипломатическом клубе. Бедняжка была выжата, как лимон.

С Анной, однако, он повёл себя иначе. Прежде чем начать беседу, он проглядел почту на столе и лишь потом повернулся к девушке и с минуту молча смотрел на неё.

— Теперь нам с вами, мисс Фиоре, не надо гадать, куда девался ваш приятель Карло Маттеи, — наконец сказал он. — Примите мои соболезнования. Вы видели его?

— Да, сэр.

— Жаль беднягу, очень жаль. Он не был злодеем. Он встал на этот путь случайно. Странно,

как тонка нить судьбы человека. Вот, например, судьба того, кто убил вашего друга, мисс Фиоре, зависит от того, видели ли вы клюшку для гольфа в комнате Маттеи, когда и при каких обстоятельствах.

— Да, сэр.

— Теперь вам легче будет об этом рассказать. Возможно, мой вопрос, заданный в первый раз, помог вам вспомнить?

— Да, сэр.

— Значит, помог!

Она открыла рот, но ничего не сказала. Я следил за ней, и её поведение показалось мне немного странным. Вулф повторил:

— Значит, помог?

Анна молчала. Я не думал, что она нервничает или напугана, она просто молчала.

— Когда я задал вам этот вопрос в прошлый раз, мне показалось, что это вас напугало. Я сожалею об этом. Вы не можете сказать мне, почему это вас так расстроило?

— Да, сэр.

— Вы о чём-то вспомнили, возможно, о неприятном, что произошло с вами в тот день, когда вы увидели клюшку?

Снова молчание. Я понял, что произошла какая-

то ошибка. Вулф задал свой последний вопрос так, будто он для него уже не представлял интереса. Я это понял по его тону. Что-то вдруг отвлекло его, и он пошёл по другому следу.

— Когда вы решили отвечать на все мои вопросы этим коротким «да, сэр»? — вдруг спросил он девушку, совершенно изменив тон.

Никакого ответа. Но Вулф больше не собирался ждать.

— Мисс Фиоре, я хочу, чтобы вы поняли следующее. Мой последний вопрос не имеет никакого отношения к клюшке или к Карло Маттеи. Разве вы этого не понимаете? Если вы решили отвечать на все мои вопросы о Карло Маттеи таким образом, это одно. Это ваше право. Но если я вас спрашиваю совсем о других вещах, вы не должны отвечать мне «да, сэр», потому что такого решения вы не принимали, не так ли? О всех других вещах мы можем говорить, как обычно. Значит, вы решили отвечать мне «да, сэр» из-за Карло Маттеи, потому что он что-то сделал?

Анна уставилась на него каким-то странным взглядом. Мне было ясно, что дело не в том, что она испытывает к Вулфу недоверие или боится его. Просто она хочет понять его. Так они сидели, глядя друг на друга, пока Анна наконец не

сказала:

— Нет, сэр.

— О, отлично. Значит, не потому, что он что-то сделал. Итак, это не имеет никакого отношения к нему, и вы можете свободно отвечать на все мои вопросы. Если вы решили ничего не говорить о Карло Маттеи, я не стану вас о нём расспрашивать. Поговорим о другом. Вы решили так же отвечать мистеру О'Грэйди, тому человеку, который расспрашивал вас вчера утром?

— Да, сэр.

— Почему?

Анна нахмурилась, но всё же ответила:

— Потому что что-то случилось.

— Хорошо. Что же случилось?

Она замотала головой.

— Послушайте, мисс Фиоре, — тихо увещевал её Вулф. — У вас нет никаких причин не верить мне.

Она повернулась и посмотрела на меня, а затем снова перевела взгляд на Вулфа. Помолчав, она наконец сказала:

— Я расскажу мистеру Арчи.

— Хорошо. Расскажите мистеру Арчи.

Повернувшись ко мне, Анна сказала:

— Я получила письмо.

Вулф посмотрел на меня, и я принял эстафету:

— Вы получили его вчера?

Она кивнула.

— Вчера утром.

— От кого?

— Не знаю. Оно не было подписано, его напечатали на машинке, на конверте моё имя и адрес, только имя, без фамилии. Письма из ящика вынимает хозяйка. Она принесла его мне, но я не хотела при ней вскрывать конверт, а то она тут же отобрала бы его у меня и я никогда бы его не прочла. Я поднялась к себе наверх, туда, где я сплю, и тогда вскрыла письмо.

— Что же в нём было?

Она смотрела на меня молча, ничего не говоря, но потом улыбнулась загадочной улыбкой, от которой мне стало не по себе. Но я продолжал спокойно смотреть на неё.

— Я сейчас вам покажу, мистер Арчи, что было в этом письме, — наконец сказала она, подняла подол платья выше колена, сунула руку в чулок и тут же вытащила её — в руке что-то было. Я смотрел, как она разворачивает пять двадцатидолларовых купюр и, разгладив их, кладёт так, чтобы я видел.

— Ты хочешь сказать, что это всё, что находи-

лось в конверте?

Она кивнула.

— Сто долларов.

— Понятно. Но там было ещё что-то напечатанное на машинке?

— Да. Там было напечатано, что, если я ничего не расскажу о мистере Маттеи или о том, что он делал, я могу оставить эти деньги себе. А если я расскажу о мистере Маттеи, деньги я должна сжечь. Я сожгла письмо, но я не собираюсь сжигать деньги. Я оставила их себе.

— Ты сожгла письмо?

— Да.

— А конверт?

— Тоже сожгла.

— И ты думаешь, что теперь не скажешь никому ни слова о мистере Маттеи или о клюшке для гольфа?

— Никогда.

Я посмотрел на неё. Вулф, хотя и упёрся подбородком в грудь, тоже не сводил с неё взгляда.

Я встал.

— Из всех идиотских басен, которые мне… — начал было я, но Вулф оборвал меня:

— Арчи, изволь извиниться.

— Какого чёрта!..

— Извинись!

Я повернулся к девушке.

— Прошу извинить меня, но, когда я подумал, сколько бензина я сегодня потратил, кружа вокруг парка… — Не закончив, я опустился на стул.

— Мисс Фиоре, вы случайно не заметили почтового штемпеля на конверте? — проговорил Вулф.

— Нет, сэр.

— Конечно, понимаю. Кстати, эти деньги не принадлежат тому, кто их вам послал. Они вынуты из кармана Карло Маттеи.

— Я всё равно оставлю их себе, сэр.

— Конечно, оставьте. Возможно, вы не знаете, но, если это станет известно полиции, они могут отнять их у вас самым грубым образом. Но не бойтесь, мистер Арчи не обманет вашего доверия. — Вулф повернулся ко мне. — Вежливость и обаяние всегда считались прекрасными качествами и иногда даже бывают полезными. Отвези мисс Фиоре домой, Арчи.

Я запротестовал:

— Пусть она…

— Нет. Ты хочешь заставить её сжечь эти деньги, а взамен дать ей сотню из нашего кармана? Не выйдет. Она всё равно не сожжёт свои сто долларов, а даже если захочет сделать это, мне

не хотелось бы видеть, как сжигают деньги, даже ради спасения того, кто сам себе роет могилу. Из всех жертвоприношений сжигание денег самое противоестественное. Возможно, ты не понимаешь, Арчи, что для мисс Фиоре эта сотня долларов. Это нежданная награда за акт отчаяния и героизма. А теперь, когда она снова надёжно их спрятала, можешь отвезти её домой.

И тут я увидел, что он начал подниматься с кресла.

— До свидания, мисс Фиоре. Я сделал вам редкий в моих устах комплимент. Я поверил, что вы сказали то, что думали.

Я был уже у двери и поторапливал девушку.

Пока мы ехали, я не сказал ни слова, предоставив её самой себе. Я не мог избавиться от чувства досады. Стоило ли похищать её, устраивать ей шикарную прогулку по городу, чтобы потом оказаться в дураках? Да бог с ней, она не стоит того, чтобы терять самообладание!

На Салливан-стрит я бесцеремонно высадил её из машины, решив, что Вулф был достаточно вежлив за нас обоих.

Выйдя, она осталась стоять на тротуаре. Я переключил рычаг скоростей и уже готов был нажать на стартер, как Анна вдруг сказала:

— Благодарю вас, мистер Арчи.

Она тоже хотела быть вежливой, видимо, заразилась от Вулфа.

— Что ж, «пожалуйста» я тебе не скажу, но, так и быть, попрощаюсь. Я не держу зла, — буркнул я и уехал.

Глава 6

За те полчаса, что я отсутствовал, доставляя Анну домой, это и случилось. На этот раз приступ хандры оказался затяжным — длился он целых три дня. Я нашёл Вулфа на кухне, где он, сидя за маленьким столиком, за которым я обычно завтракаю, пил пиво. На столе стояли три пустые бутылки. Сам Вулф доказывал Фрицу, сколь кощунственно подавать анчоусы под томатным соусом. Я постоял немного, прислушиваясь к спору, а затем, не промолвив ни слова, ушёл в свою комнату и, достав бутылку хлебной водки, налил себе рюмку.

Я никогда не мог угадать время и причину непонятного безразличия и апатии, которые время от времени охватывают шефа. Иногда это могла быть просто неприятность, как в тот раз, когда на Пайн-стрит нас задело такси. Но чаще причина остаётся неизвестной. Кажется, всё идёт хорошо, мы вот-вот завершим работу, ещё немного, и мы передадим дело в криминальную полицию, — как вдруг Вулф теряет ко всему интерес и тут же выходит из игры. И с этим уже ничего нельзя

поделать, как бы я ни старался. Такое состояние может длиться у него от нескольких часов до одной-двух недель. Временами я опасаюсь, что он уже не вернётся к любимому делу, но так же внезапно и необъяснимо происходит перелом к лучшему, и Вулф возвращается к привычным делам. Во времена таких кризисов он лежит в постели, не поднимаясь даже к столу, ограничиваясь хлебом и луковым супом, отказываясь кого-либо видеть, кроме меня, а мне запрещает разговаривать с ним о чём-либо. Или же он часами торчит в кухне, поучая Фрица, как готовить то или иное блюдо, и тут же на месте дегустирует приготовленное. В таких случаях он может в два присеста покончить с бараньим боком или даже с целым барашком, как однажды, когда он велел все части бараньей туши приготовить по-разному.

В такие дни больше всего достается мне. Высунув язык я бегал по городу от Баттери до Бронкса в поисках каких-то особых специй, трав или корней. Однажды я даже заявил протест и пригрозил уйти. Это было, когда он послал меня к Бруклинским причалам, где швартуются китайские мелкие суда. Я должен был попытаться достать у одного из капитанов какой-то диковин-

ный корень. Судя по всему, капитан не брезговал контрабандой опиума, а посему встретил меня крайне настороженно и даже принял меры — несколько портовых оборванцев устроили мне тёмную. Утром из больницы я позвонил Вулфу и официально заявил, что больше у него не работаю. Он сам приехал в больницу и увёз меня домой. Я был настолько потрясён этим, что больше не напоминал об уходе. На том всё закончилось, в том числе и хандра моего хозяина.

На сей раз, увидев его в кухне, я всё понял. Видеть его в таком состоянии было невыносимо, и я, выпив пару стаканчиков виски, ушёл из дома. Пройдя несколько кварталов, я почувствовал голод — видимо, сказалось выпитое спиртное. Я зашёл в один из ресторанчиков. Избалованный за эти семь лет изысканной кухней Фрица, я, конечно, рисковал, заходя в первое попавшееся заведение, но твёрдо решил не возвращаться к ужину. Во-первых, мне было тяжело смотреть на моего хозяина, а во-вторых, я не был уверен, каким будет меню. В таких случаях это мог быть пир Эпикура, а мог быть готовый обед за восемьдесят пять центов из соседней забегаловки. Иногда это бывало вкусно, ничего не скажешь, а иногда — в рот взять невозможно.

Подкрепившись в ресторане, я почувствовал себя лучше и решил вернуться на Тридцать пятую улицу. Я считал, что, несмотря на настроение Вулфа, должен рассказать ему об утреннем визите Андерсона. Что я и сделал и, как бы между прочим, добавил от себя, что, по-видимому, затевается нечто, что должно произойти сегодня же до полуночи.

Пока я всё это ему излагал, Вулф, сидевший за маленьким столом, пристально следил за тем, как Фриц что-то помешивает в кастрюльке на плите. Он поднял на меня глаза, будто силился вспомнить, где меня видел, а потом сказал:

— Не произноси при мне имя этой тёмной личности.

— Сегодня утром я позвонил Гарри Фостеру в «Газетт» и сообщил о том, что готовится. Как я понимаю, вы не против шумихи в печати, — сказал я, стремясь разозлить его.

Он сделал вид, что не слышал.

— Фриц, держи под рукой кипяток на тот случай, если начнет сворачиваться, — сказал он Фрицу.

Тогда я с решительным видом встал и пошёл наверх к Хорстману. Надо было предупредить старика, что ему одному предстоит заниматься

орхидеями не только сегодня, но и, возможно, все ближайшие дни. Старый садовник всегда делал вид, что Вулф мешает ему своим присутствием в оранжерее, но как только что-либо отвлекало шефа и он забывал об орхидеях и не являлся в привычные часы, Хорстман начинал нервничать и беспокоиться, будто за это время его питомцев могла поразить мучная тля. Увы, я нёс ему нерадостную весть.

Началось это в пятницу пополудни, и лишь в понедельник утром, то есть без малого через трое суток, я начал замечать в глазах Вулфа признаки интереса к окружающему.

Но за это время кое-что произошло. Около четырёх пополудни мне позвонил Гарри Фостер. Я ждал этого звонка. Он сообщил, что вскрытие было произведено, но подробностей он пока не знает. Он заметил, что теперь не он один знает эту тайну. Репортёры газет держат в осаде офис окружного прокурора.

В шесть вечера был ещё один звонок. На сей раз звонил прокурор Андерсон.

Я не мог сдержать торжествующей улыбки, когда услышал его голос. Представляю, чего ему стоило дотерпеть до шести часов. Он попросил Вулфа к телефону.

— Сожалею, мистер Андерсон, он занят. С вами говорит Арчи Гудвин.

Прокурор желал, чтобы Вулф прибыл в Уайт-Плейнс. Тут уж я не мог не рассмеяться, и он в сердцах бросил трубку. Это мне не понравилось. Я знал, что от этого человека можно ожидать всякого. Поразмыслив, я позвонил Генри Г. Барберу и подробно проконсультировался с ним по статьям о сокрытии свидетельских показаний. Затем я спустился в кухню и доложил обо всём Вулфу.

В ответ он только погрозил мне ложкой.

— Этот тип опасен, Арчи, он — как зараза. Протри спиртом трубку телефона. Я же просил тебя не упоминать его имени.

— Простите, сэр, — смиренно сказал я. — Мне, конечно, следовало бы самому это знать. Но дурак, сэр, всегда остаётся дураком. Позвольте мне поговорить с Фрицем.

Но Вулф опять не слушал меня. Я сказал Фрицу, что на ужин ограничусь бутербродами, и попросил его принести их в кабинет. Затем я отдал распоряжение не открывать входную дверь, кто бы ни пришёл, до моего особого распоряжения: дверь буду открывать я сам. И снова повторил, что это очень серьёзно.

Возможно, я перестраховался, но рисковать не

стоило — я не хотел, чтобы кто-нибудь увидел Ниро Вулфа таким. Я был рад, что он не посылает меня в город с поручениями. Впрочем, если бы послал, я всё равно ослушался бы его. Если мы и потерпели неудачу, это не значит, что нас можно выставлять на посмешище. Вечер прошёл относительно спокойно.

Утром я старался не попадаться Вулфу на глаза и сидел в гостиной. За это время я открыл дверь на звонок газовщика, затем имел честь созерцать посыльного и ещё какого-то ловкача, собирающего деньги «на продолжение образования в колледже». Около одиннадцати снова раздался звонок. На этот раз на крыльце стоял коренастый мужчина, который тут же профессиональным движением просунул ногу в дверь, чтобы я не захлопнул её у него перед носом. Я отпихнул его плечом, вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

— Привет, вас кто-то пригласил? — осведомился я.

— Во всяком случае, не вы, — грубо ответил непрошеный гость. — Мне нужен Ниро Вулф.

— Он не принимает, ему нездоровится. Что вам угодно?

Он изобразил подобие улыбки и протянул мне

визитную карточку.

— Понимаю, — сказал я. — Вы от Андерсона, не так ли? Его правая рука небось. Что вам угодно?

— Не догадываетесь? — осклабился он. — Пойдёмте в дом, я объясню.

Тут уж я решил не церемониться. Я не знал, когда Вулф придёт в норму, настроение у меня было препоганое, поэтому я заявил: о том, что ему нужно, Вулф осведомлен не более прокурора Андерсона, а то, что мы знаем сверх того, не представляет для прокурора интереса. Если они намерены нанять Вулфа как профессионала, пусть назовут сумму гонорара, а мы обсудим. Если они намерены пугать нас ордером на арест, то их ждёт куча весьма неприятных сюрпризов. Затем я добавил, что не войду в дом, пока он торчит на крыльце. В связи с этим я был бы весьма обязан ему, если бы он убрался подобру-поздорову, потому что он оторвал меня от чтения чертовски интересной книги. Он пару раз безуспешно пытался что-то вставить и наконец когда я закончил, сообщил:

— Передайте Вулфу, что это так ему не пройдёт.

— Передам. Хотите ещё что-то добавить?

— Пошёл к черту! — рявкнул он.

Я изобразил улыбку и стоял на крыльце до тех пор, пока он не скрылся из виду. Ушёл он по направлению к Западным кварталам города. Я не знал его, но я вообще плохо знаю сыщиков Вестчестерского округа. На карточке, которую он мне вручил, значилось «Г. Р. Корбетт». Я вернулся в гостиную и закурил сигарету.

Около четырёх пополудни я услышал, как за окном, надрываясь, кричат мальчишки, продавцы газет: «Экстренный выпуск, экстренный выпуск!» Я вышел на крыльцо и окликнул одного из них.

Почти во всю полосу газеты тянулся заголовок: *«Барстоу отравлен. В теле найден стальной дротик».* Прочтя сообщение до конца, я испытал досаду. Разумеется, о нас с Вулфом — ни единого слова. Но я на это и не рассчитывал. Дело, похоже, проплыло мимо нашего носа, горевал я и проклинал себя за то, что не так повёл себя с Дервином, а потом и с самим Андерсоном, ибо был уверен, что дело уже у нас в кармане. Злился я и на Вулфа. Выбрал время хандрить.

Я снова вернулся к газете. Это был не дротик, а настоящая, хоть и короткая, стальная игла — всё, как предполагал шеф, — и нашли её в нижней части живота, ниже желудка. Как ни был я зол на Вулфа, я решил показать ему газету, тем более

что там была его фотография.

Я вошёл в кухню, положил газету на стол прямо перед ним и тут же снова вышел.

— Арчи, приготовь машину, и вот тебе список!.. — крикнул мне вдогонку Вулф.

Я сделал вид, что не слышал. За покупками был послан Фриц.

На следующий день, в воскресенье, все газеты сообщили сенсацию о Барстоу. Репортёры ринулись в Вестчестерский округ, но больше ничего нового не нашли. Я внимательно прочитывал все сообщения и немало узнал о гольф-клубе «Зелёные холмы», о семействе Барстоу, о Кимболле-отце и Кимболле-сыне, игравших в четвёрке с Барстоу, о докторе, давшем ошибочное заключение о причине смерти, и о многом другом. Но всё это уже было известно Вулфу после того, как он задал свой вопрос Анне Фиоре. Впрочем, газеты знали не так уж много, ибо пока не было ещё гипотезы, как могла игла попасть в тело Барстоу, а догадки врачей о ядах и их особенностях были пока неопределённы.

Вечером в воскресенье я решил отправиться в кино, строго наказав Фрицу никому не открывать дверь. Не то чтобы я кого-то ждал. Было похоже, что Андерсон решил обойтись без посторонней

помощи. Возможно, он уже знал мотивы или раздобыл что-то, что нам неизвестно, и вполне удовлетворился этим. В этот вечер я, возможно, напился бы, если бы не воскресенье.

Вернувшись, я застал в кухне только Фрица, мывшего посуду. Вулф уже ушёл к себе. Я поджарил себе ломтик ветчины на бутерброд и налил стакан молока, поскольку обедал весьма скромно и уже успел проголодаться. Я заметил, что оставленная мною газета лежит на прежнем месте. Следовательно, Вулф даже не соизволил взглянуть на неё. Было уже за полночь.

Перед сном я ещё читал какое-то время, а потом долго не мог уснуть. Но уснув, проспал до девяти утра. Спустив ноги с кровати, я неторопливо зевнул и приготовился встать, как вдруг шум над головой остановил меня. Наверху в оранжерее ходили, и я узнал эти шаги. Мне не померещилось, это был не сон! Я выбежал в коридор и прислушался, а затем спустился вниз, в кухню. Фриц был один и пил свой кофе.

— Скажи, наверху — это Вулф и Хорстман? — волнуясь, спросил я.

— А кто же ещё, — спокойно ответил Фриц и улыбнулся.

Он был рад видеть меня повеселевшим и почти

счастливым.

Когда, одевшись, я снова пришёл в кухню, меня уже ждали тушёный инжир и воздушный омлет. К чашке с дымящимся кофе была прислонена утренняя газета. Уплетая инжир и омлет, я просматривал заголовки, как вдруг так и застыл с набитым ртом. С трудом сглотнув, я стал читать уже медленнее. Текст был краток и в пояснениях не нуждался, тем не менее я бегло просмотрел остальные страницы. Это было объявление на восьмой полосе, заключённое в рамку. Оно гласило:

> «Готова выплатить пятьдесят тысяч долларов тому, кто даст любую информацию, которая сможет помочь поимке и справедливому наказанию убийцы моего мужа Питера Оливера Барстоу.
>
> ***Эллен Барстоу».***

Я прочёл текст трижды, затем отложил газету. Когда я доел инжир и омлет и запил их тремя чашками кофе с гренками, я был уже совершенно спокоен. Пятьдесят тысяч! И это при том, что у нас с Вулфом почти ничего не осталось в банке. Весьма заманчиво. Хотя дело не в деньгах. Само участие в таком громком процессе чего-нибудь

да стоит.

Я все ещё был спокоен и держал себя в руках, однако на часах было всего двадцать минут одиннадцатого. Я вошёл в кабинет, отпер сейф, смахнул, как обычно, пыль со стола и приготовился ждать.

Когда ровно в одиннадцать вошёл Вулф, вид у него был посвежевший и отдохнувший, а вот настроение, кажется, не улучшилось. Он молча кивнул мне, будто ему было всё равно, здесь я или нет, уселся в своё кресло и стал просматривать почту. Я ждал, решив отплатить ему таким же холодным безразличием. Но как только он перешёл к проверке ежемесячных счетов из продовольственной лавки, я не выдержал.

— Как самочувствие, сэр? Надеюсь, вы хорошо провели конец недели?

Он даже не поднял головы, но я заметил, как пришли в движение складки у его рта.

— Спасибо, Арчи. Это было великолепно. Но, проснувшись сегодня утром, я почувствовал себя таким разбитым, что, будь я один, не встал бы с постели до конца дней своих. Тут я вспомнил об ответственности: Арчи Гудвин, Фриц Бренер, Теодор Хорстман. Что будет со всеми ними? И я встал, чтобы нести свой груз и дальше.

— Простите, сэр, вы ловко выкручиваетесь. Скажите просто, что вы заглянули в утреннюю газету и…

Он сделал какую-то пометку на счёте.

— Тебе не удастся разозлить меня, Арчи, и именно сегодня. Какая газета? Я заглянул не в газету, а в саму суть жизни, что бурлит вокруг. Для этого мне газета не нужна.

— И вы, конечно, не знаете, что миссис Барстоу посулила пятьдесят тысяч долларов тому, кто найдёт убийцу её мужа?

Карандаш, делавший пометки на счетах, замер. Вулф не поднял глаз, но и не продолжил своё занятие. В молчании прошло несколько секунд, затем он отложил счёт и придавил его пресс-папье, рядом положил карандаш и лишь после этого поднял голову и посмотрел на меня.

— Покажи газету.

Я показал ему сначала объявление миссис Барстоу, затем газетную заметку на первой полосе. Объявление он прочитал очень внимательно, заметку лишь пробежал глазами.

— Интересно, — сказал он. — Весьма интересно. Значит, мистеру Андерсону деньги не нужны, даже если есть возможность запросто получить их. Гм, всего минуту назад я говорил об ответствен-

ности. Знаешь, Арчи, о чём я думал сегодня утром, лёжа в постели? Я думал, как ужасно и несправедливо было бы уволить старика Хорстмана и видеть, как эти живые, дышащие, надменные и избалованные прекрасные растения задыхаются без воздуха и чахнут без воды.

— Бог с вами, сэр!

— Да. Но это лишь плод моей мрачной фантазии. Я не способен на такую жестокость. Лучше продать их с аукциона в случае, если я решусь снять с себя всякую ответственность и… вознамерюсь вдруг уехать в свой дом в Египте, в котором ещё ни разу не был. Человек, который подарил его мне более десяти лет назад… В чём дело, Фриц?

— К вам леди, сэр!

— Имя?

— У неё нет при себе визитной карточки.

Вулф милостиво кивнул, и Фриц поспешно скрылся за дверью. Через минуту он уже снова стоял на пороге, поклоном приглашая молодую женщину войти. Я тут же вскочил со стула, и, видимо, поэтому она направилась прямо ко мне, но я кивком головы указал ей на шефа. Взглянув на него, она остановилась.

— Мистер Ниро Вулф? Я — Сара Барстоу.

— Прошу, садитесь, — пригласил её Вулф. —

Примите мои извинения, что приветствую вас сидя. Я встаю лишь в крайних случаях.

— Это и есть крайний случай, сэр, — ответила она.

Глава 7

Из газет я уже многое знал о Саре Барстоу. Ей двадцать пять лет, окончила Смитовский университет, довольно популярна в своём кругу в студенческом городке Холландского университета, где ректором был её отец, и среди курортной элиты округа Вестчестер. Хороша собой, как писали газеты, и на сей раз они не соврали, думал я, глядя, как она усаживалась в кресло, не сводя глаз с Вулфа. На ней было светло-бежевое льняное платье и такое же лёгкое пальто, на голове аккуратная маленькая чёрная шляпка. По её перчаткам я понял, что она сама водит машину. У неё было небольшое, но безукоризненно вылепленное лицо. Зрачки глаз были слегка расширены от волнения, а припухшие веки говорили о том, что она устала и много плакала. Однако бледность лица не была болезненной и не портила её. Голос у неё оказался низкий и глубокий. Она сразу же понравилась мне.

Девушка попыталась было объяснить Вулфу, кто она, но он характерным движением указательного пальца остановил её.

— Нет необходимости, мисс Барстоу, не утруждайте себя, я всё о вас знаю. Вы единственная дочь Питера Оливера Барстоу. Лучше скажите, зачем вы пожаловали ко мне.

— Хорошо. — Она вдруг смешалась. — Разумеется, вы должны это знать, мистер Вулф, — произнесла она. — Но так трудно объяснить… Я хотела бы начать издалека. — Она попыталась улыбнуться. — Я пришла попросить вас помочь мне, только не знаю, насколько это возможно…

— Я сам оценю это.

— О да, конечно. Прежде всего: вам известно, что моя мать поместила в сегодняшней газете объявление?

Вулф кивнул.

— Я читал его.

— Мистер Вулф, я… то есть вся наша семья, мы просим вас не принимать его всерьёз.

Вулф с тяжёлым вздохом опустил подбородок на грудь.

— Странная просьба, мисс Барстоу. Должен ли я поступить так же странно и немедленно согласиться или вы изложите мне причину вашей просьбы?

— Разумеется, причина есть. — Она снова замялась. — Это отнюдь не семейная тайна, нет.

Все знают, что мама… временами… словом, она иногда не отвечает за свои поступки… — Она бросила на Вулфа взгляд, которому нельзя было не поверить. — Не подумайте ничего плохого, дело совсем не в деньгах. У меня с братом их более чем достаточно, и я совсем не скряга. Нет, нет, мистер Вулф, не думайте, что моя мать психически нездорова или считается недееспособной. Но вот уже несколько лет бывают моменты, когда она нуждается в особой нашей заботе и любви, а всё это произошло именно когда она находилась в таком состоянии. Нет, она не мстительна, и всё же она поместила это объявление. Мой брат считает, что она жаждет крови… Наши близкие друзья, конечно, всё поймут, но вот другие… Ведь мой отец был хорошо известен в самых широких кругах, мы благодарны тем, кто разделяет наше горе, но мы не хотели бы… Отец не хотел бы, чтобы они думали, будто мы жаждем отомстить и поэтому обратились к полицейским ищейкам…

Она запнулась и умолкла, испуганно взглянув сначала на меня, потом на Вулфа.

— Вы назвали меня ищейкой, мисс Барстоу, но я не обижаюсь, — произнёс шеф. — Продолжайте.

— Простите меня, бестактную дуру. Лучше было бы, если бы доктор Брэдфорд сам пришёл к вам и

всё объяснил…

— Значит, доктор Брэдфорд знает о вашем визите ко мне?

— Да, то есть он разделяет моё мнение.

— А ваш брат?

— Он… Да, он тоже. Он очень сожалеет, я имею в виду, что появилось это объявление, и не совсем одобряет мой визит к вам. Он считает, что это ничего не даст.

— Он, видимо, исходит из бытующего предубеждения, что раз ищейка пущена по следу, её не остановить, не так ли? Наверное, он хорошо знает собак. Вы всё сказали, мисс Барстоу? Я хочу сказать, это все ваши причины?

Она тряхнула головой.

— Разве этого мало, мистер Вулф?

— Итак, если я вас правильно понял, вы против того, чтобы предпринимались какие-либо усилия найти и наказать убийцу вашего отца?

Она испуганно уставилась на него.

— Почему вы так решили? Я этого не говорила.

— Но вы именно об этом попросили меня — не предпринимать никаких мер, не так ли?

Она сжала губы.

— Вы неправильно поняли меня. В вашем изложении это звучит ужасно.

— Отнюдь нет. Возможно, грубо, но предельно ясно. Я понимаю ваше взволнованное состояние, но я-то спокоен, и разум мой ясен. Ваша позиция, как вы мне её изложили, не совсем разумна. Можете просить меня о чём угодно, но ваши просьбы не должны противоречить одна другой. Вы можете, например, сказать мне, что хотя вы и желаете, чтобы я нашёл убийцу, но вместе с тем просите меня не надеяться на обещанное вашей матерью вознаграждение. Я угадал, вы об этом просите меня?

— Нет. Вы сами знаете, что нет!

— Хорошо. В таком случае вы просите не искать убийцу, дабы не поощрять стремление вашей матери к отмщению? Так или не так?

— Я уже сказала, нет!

— Или вы хотите мне сказать, что я могу искать убийцу, если мне хочется, и могу воспользоваться в случае успеха своим правом на вознаграждение, раз оно объявлено, но ваша семья осуждает это из моральных соображений?

— Да. — Губы её задрожали, но она быстро справилась с собой и, резко встав, внезапно выкрикнула ему прямо в лицо: — Нет! Господи, зачем я пришла к вам! Профессор Готтлиб ошибся, вы, возможно, умны, но… Прощайте, мистер

Вулф.

— Прощайте, мисс Барстоу. — Вулф не шелохнулся в кресле. — Извините, по техническим причинам прощаюсь с вами сидя.

Она направилась к двери, но на полпути замедлила шаг, остановилась и повернулась к нему. После секундного раздумья она, отчаявшись, выпалила:

— Вы — настоящая ищейка! Да, да! Вы бессердечны!

— Возможно, — спокойно ответил Вулф и вдруг поманил её пальцем. — А ну-ка вернитесь, мисс, и снова сядьте в кресло! Вы пришли по слишком серьёзному делу, чтобы из-за минутной вспышки раздражения всё погубить. Вот, так будет лучше. Самообладание — это бесценное качество. А теперь, мисс Барстоу, из создавшегося положения есть два выхода. Первый — я категорически, но в вежливой форме отвергаю ваше предложение в том виде, в каком вы его сделали, и мы расстаёмся, сохранив друг к другу неприязнь. Второй — вы отвечаете мне на несколько вопросов, и мы потом вместе решаем, что делать дальше. Какой из них вы предпочитаете?

Она была потрясена, но держалась хорошо.

— За эти два дня я только и делала, что отвечала

на вопросы, — наконец вымолвила она.

— Охотно верю. Представляю, какие это были нелепые вопросы и каким тоном они задавались. Но я не отниму у вас много времени и не оскорблю вас глупостью вопросов. Как вы узнали, что я имею какое-то отношение к этому делу?

Она была явно удивлена.

— Как узнала? Да ведь вы всё это и начали, не так ли? Это была ваша догадка. Это всем известно, даже в газетах об этом писали, и не только в Нью-Йорке, но и у нас в Уайт-Плейнс.

Я не мог удержаться от улыбки. Разве Вулф забыл, что Дервин не поленился вызвать Бена Кука и хотел отправить меня в участок?

Вулф кивнул.

— Вы обращались к мистеру Андерсону с той просьбой, с которой обратились ко мне?

— Нет.

— Почему?

Она заколебалась, прежде чем ответить.

— Не считала нужным. Даже не знаю, как это вам объяснить.

— А вы попробуйте, мисс Барстоу. Не потому ли, что мало верили в то, что он способен вам помочь?

Она вся напряглась. Её руки, лежавшие на коле-

нях, очень красивые руки с тонкими сильными пальцами, сжались в кулаки.

— Да! — резко ответила она.

— Хорошо. Но почему вы решили, что я смогу?

— Я не думала… — начала она, но Вулф прервал её:

— Успокойтесь и соберитесь с мыслями. Я задаю вам простой и прямой вопрос. Не потому ли, что вы считаете меня более компетентным, чем мистер Андерсон? Или потому, что я первым догадался о преступлении?

— Да. Да!

— Значит, потому что я каким-то образом понял, что ваш отец был убит отравленной иглой, с силой выброшенной из ручки клюшки для гольфа?

— Я не знаю… Не знаю, мистер Вулф.

— Потерпите, я скоро закончу. Мой второй вопрос. Задаю его из чистого любопытства. Кто подал вам странную мысль, что я именно тот чудак, который согласится удовлетворить вашу идиотскую просьбу?

— Не знаю, право, не знаю. Но я должна была что-то делать. Поэтому, когда я услышала, как профессор психологии Готтлиб — он написал книгу «Современная криминология» — упомянул

ваше имя…

— А, это та книга, которую каждый умный преступник должен подарить всем знакомым сыщикам.

— Может быть. Но мнение профессора Готтлиба о вас скорее положительное. Я позвонила ему. Он меня предупредил, что психоанализу вы не поддаётесь, ибо ваша интуиция от дьявола, и ещё что в своём деле вы тонкий художник и порядочный человек. Поэтому я и решила приехать к вам, мистер Вулф. Прошу вас… прошу…

Я испугался, что она сейчас расплачется, а мне бы этого не хотелось. Но Вулф быстро привёл её в чувство.

— Всё, мисс Барстоу. Это всё, что я хотел знать. А теперь сделайте мне одолжение, позвольте мистеру Гудвину показать вам мою оранжерею.

Она насторожилась, но Вулф успокоил её:

— Это не хитрость с моей стороны, мисс Барстоу, и не уловка. Просто моей интуиции надо остаться наедине с дьяволом. Всего полчаса, не более. К тому же я должен сделать несколько телефонных звонков. Когда вернётесь, думаю, у меня будет к вам предложение. — Он взглянул на меня. — Фриц вас позовёт, Арчи.

Она встала и беспрекословно последовала за

мной. Я был рад поскорее увести её, измученную страхами и подозрениями. Вместо того чтобы предложить ей подняться на верхний этаж по лестнице, я решил воспользоваться персональным лифтом хозяина. Едва мы вышли из лифта, как она испуганно схватила меня за рукав.

— Почему мистер Вулф велел вам отвести меня сюда, мистер Гудвин?

Я укоризненно покачал головой.

— Не спрашивайте меня, мисс Барстоу. Даже если бы я знал, я не сказал бы вам. А поскольку я не знаю, давайте лучше полюбуемся на орхидеи.

Открыв дверь в оранжерею, я увидел, как в холл вышел садовник.

— Всё в порядке, Хорстман, — успокоил я старика. — Можно нам посмотреть на орхидеи?

Он кивнул и опять скрылся в своей каморке.

Сколько бы раз я ни вступал в это царство тропических растений, у меня неизменно захватывало дух, как при виде головокружительной петли в воздухе или полёта копья, подобного прочерку молний, скрестившихся в небе, как два клинка. Вулф предпочитал каменные скамьи и железные угловые стеллажи для своих красавиц, а систему орошения придумал сам Хорстман. Оранжерея была как бы поделена на три части: в

первой комнате находились каттлеи лелиас и их гибриды, во второй царствовали одонтоглоссумы онсидиумы и мильтонии, в третьей — другие тропические растения. На этом же чердачном этаже находилась каморка садовника, кладовка для хранения грунта и небольшое помещение, где Хорстман и мой хозяин выращивали новые сорта, проводили опыты по селекции и прочее. В самом дальнем углу чердака, у шахты грузового лифта, было отдельное помещение для хранения садового инвентаря, цветочных горшков и компонентов грунта — песка, торфа, глины, угля и прочего.

Стоял июнь, циновки на стеклянных стенах теплиц были подняты, и шаловливые солнечные зайчики бегали по листьям и гордым головкам цветов. Меня всегда завораживала эта игра красок и света, и мне не терпелось узнать, какое впечатление это произведёт на Сару Барстоу. Но, видимо, нам с ней одинаково трудно было полностью переключиться на созерцание этого великолепия. Я догадывался, о чём она думает, а у меня из головы не шло объявление её матери в газете. Правда, девушка из вежливости сделала вид, что заинтересовалась рядами каттлей, теми, что были к ней поближе. Я, следивший

за выражением её лица и сразу заметил, когда интерес стал искренним. Она вдруг подошла к боковой скамье, где стояло не более двух десятков горшков с лелиокаттлеями светозарными. Это меня обрадовало, ибо это был мой любимый сорт орхидей. Я остановился за её спиной.

— Невероятно, — тихо промолвила она. — Никогда ещё не видела таких удивительных красок.

— Да, это гибрид двух сортов. В природе их не существует.

С этой минуты она уже по-настоящему заинтересовалась всем, что видела. Когда мы остановились у брассокаттлелий трюфотиана, я срезал для неё два цветка. Экскурсия по оранжерее, как положено, сопровождалась моими краткими комментариями, как был получен тот или иной сорт, но, кажется, её это мало интересовало. Мы прошли в следующую комнату, и тут меня ждало разочарование. Саре, оказывается, больше понравились одонтоглоссумы, чем каттлеи и их гибриды. Я решил, что это потому, что одонтоглоссумы ценятся дороже и их труднее выращивать. Но я ошибся. Оказалось, она ничего этого не знала. О вкусах не спорят, огорчённо подумал я. Но самым большим сюрпризом было

другое. Покидая оранжерею, она вдруг увидела малютку мильтонию голубую и пришла в неописуемый восторг от изящества её лепестков. Я рассеянно соглашался, думая уже о другом, ибо моя голова была занята догадками, что Вулф намерен делать дальше. Наконец появился Фриц. С почтительным поклоном он объявил, что Вулф ждёт нас. Ухмыльнувшись про себя, я хотел было легонько ткнуть его пальцем под ребро, но передумал, ибо знал, что уж этого он мне не простит никогда.

Вулф сидел в той же позе, в какой мы его оставили, и, казалось, что он не покидал своего кресла. Он кивком пригласил мисс Барстоу и меня сесть и, не выказывая нетерпения, ждал, когда мы это сделаем.

— Вам понравились цветы? — спросил он, когда мы уселись.

— О, они просто великолепны! — воскликнула девушка, и я увидел, что теперь она смотрит на Вулфа совсем иными глазами. — Но слишком много красоты…

Он довольно кивнул.

— Да, первое впечатление всегда такое. Но при длительном общении с ними понемногу теряешь это чувство красоты, тем более что знаешь их

коварный характер. Впечатление, которое они на вас произвели, — это иллюзия, обман. Слишком много красоты, а ведь так не бывает…

— Возможно, вы правы, — ответила девушка, которая, как я понял, уже не думала о цветах. — Да, возможно.

— Во всяком случае, вы неплохо провели время, и вам, разумеется, не терпится узнать, как провёл его я. Прежде всего я позвонил в банк и попросил подготовить мне справку о финансовой благонадежности Эллен Барстоу, вашей матери, а также о подробностях завещания, оставленного вашим отцом, Питером Оливером Барстоу. Затем позвонил доктору Брэдфорду и попытался убедить его нанести мне визит сегодня во второй половине дня или же вечером. Он сослался на занятость и отклонил моё приглашение. Пять минут назад мне звонили из банка и сообщили всё, что меня интересовало. Тогда я послал Фрица за вами. Вот и всё, что я успел сделать за эти полчаса.

Девушка заметно начала нервничать. Упрямо сжав губы, она, казалось, не собирается идти навстречу моему шефу. А он продолжал:

— Я обещал вам сделать предложение. Итак, вот оно. Арчи, возьми блокнот и записывай слово в слово всё, что я буду говорить. Я приложу все

усилия, чтобы найти убийцу Питера Оливера Барстоу. Вам, Сара Барстоу, я обязуюсь сообщать о всех своих действиях и, если у вас не будет возражений, также информировать о своих действиях государственные власти. В своё время я представлю вашей матери счёт на ту сумму, которую она сама определила как вознаграждение. Если мои поиски и расследования приведут к заключению, что убийцей является тот, кого вы подозреваете, и вы будете пытаться спасти его от правосудия, я немедленно прекращаю всякие дальнейшие действия, и всё остаётся известным только нам с вами да мистеру Гудвину. Никто другой в это не должен быть посвящён. Одну минуту, не перебивайте. Я держу речь, мисс Барстоу, и прошу выслушать меня до конца. Ещё два важных момента: я делаю вам это предложение в корректной форме, не нарушающей моральных правил. Я не государственный служащий, даже не член Ассоциации адвокатов, и никогда никаких присяг не принимал. Опасность быть обвинённым в пособничестве меня не пугает. Итак, если ваши подозрения и страхи в процессе моего расследования подтвердятся, я его немедленно прекращаю, как и любое раскрытие и оглашение фактов. Но как быть в таком случае с

вознаграждением? Я в душе романтик и не буду включать в своё предложение пункт о непременном, при любых условиях, вознаграждении. Я не люблю слово «шантаж». Но несмотря на свою сентиментальность и романтизм, я не страдаю гордыней и поэтому не намерен отказываться от заслуженного вознаграждения. Для верности прочитай-ка вслух всё, что ты записал, Арчи.

Но мисс Барстоу внезапно помешала мне это сделать.

— Но это же… это полный абсурд! — воскликнула она.

Вулф погрозил ей пальцем.

— Прошу вас, не надо, мисс Барстоу. Надеюсь, вы не станете отрицать, что пришли ко мне с вашей дурацкой просьбой именно потому, что хотите кого-то выгородить? Полноте, мисс Барстоу, давайте будем вести нашу беседу на достойном уровне. Читай, Арчи.

Я начал читать, а когда закончил, Вулф сказал:

— Мисс Барстоу, я советую вам принять это предложение. Я всё равно буду продолжать расследование, и, если ваши опасения подтвердятся, вам всё равно понадобится помощь. В этом случае вы могли бы воспользоваться моими услугами. Моё предложение, кстати, продиктовано не аль-

труизмом, а вполне эгоистическими целями. Если вы примете его, я ожидаю от вас заинтересованного сотрудничества, ибо это в ваших интересах, независимо от исхода, и поможет вам поскорее избавиться от всего этого кошмара. Если вы не согласны, то мне придётся преодолевать препятствия без вашей помощи, вот и всё. Я не альтруист, не добрый дядя, я — обыкновенный человек, который не прочь подзаработать, когда можно. Вы сказали, мисс, что в моей оранжерее слишком много красоты. Вернее будет сказать — слишком много расходов. Знаете, во что обходится выращивание орхидей?

Сара Барстоу молча смотрела на него.

— Итак, решено, — промолвил Вулф. — Разумеется, никаких подписей. Это будет то, что обычно называют «джентльменским соглашением». И первым шагом в его исполнении будет визит мистера Гудвина к вам завтра утром. Торопиться не будем. Цель его — поговорить с вами, вашим братом и, наконец, с вашей матерью, разумеется, с вашего разрешения, и ещё с тем, кого…

— Нет! — взорвалась она и тут же умолкла.

— Не нет, а да. Извините, но это необходимо. Мистер Гудвин — человек тактичный, вежливый, умеет молчать, а главное, необычайно храбрый.

А это очень важно, мисс Барстоу. — Он упёрся ладонями в край стола и отодвинул кресло, потом положил руки на подлокотники и, встав во весь рост, так и остался стоять перед ней. — А сейчас отправляйтесь домой или по делам, если они у вас есть. Многим трудно думается в моём присутствии, я оставляю им слишком мало возможности для этого. Я понимаю, вы страдаете, вас мучают сомнения, но вам необходимо освободить свою голову от всего, чтобы дать ей возможность думать и решать. Идите. Купите себе шляпку, назначьте свидание или позаботьтесь о своей матери. Позвоните мне сегодня вечером между шестью и семью и сообщите, когда завтра утром мистер Гудвин может нанести вам визит, или скажите, что вы не желаете видеть его и отныне мы враги. А теперь идите.

Она поднялась с кресла.

— О боже, я не знаю… не знаю…

— Пожалуйста! Сейчас говорит не разум, а чувства и страх. Я не хочу быть вашим врагом.

Она приблизилась к нему и, вскинув подбородок, посмотрела ему прямо в глаза.

— Я верю вам, — наконец сказала она. — Я действительно верю, что вы не хотите быть моим врагом.

— Да, не хочу. До свидания, мисс Барстоу.

— До свидания, мистер Вулф.

Я сопровождал её до самой двери, ожидая, что она попрощается и со мной тоже, но она молчала. Я посадил её в тёмно-синий двухместный автомобиль, который она оставила у края тротуара.

Когда я вернулся в кабинет, Вулф снова сидел в кресле. Остановившись у его стола, я пристально посмотрел на него.

— Итак, что вам известно? — спросил я.

— Мне известно, Арчи, что я голоден. Как приятно, что снова вернулся аппетит. Целых две недели у меня его не было. — Щёки его пошли складками, а это означало, что он изволил улыбнуться.

Разумеется, я был взбешён и продолжал сверлить его разгневанным взглядом.

— Вы хотите сказать, что в пятницу, субботу и воскресенье вы…

— Да, ел, но, заметь, без всякого аппетита. Не представляешь, как я молил Господа, чтобы аппетит вернулся, и вот, видишь, он вернулся. Ланч через двадцать минут. У нас есть ещё время. Мне стало известно, что в гольф-клубе имеется некая должность, которая называется — «тренер-профессионал». Узнай, кто занимает эту должность в гольф-клубе «Зелёные луга», и поищи, нет ли

кого среди наших благодарных клиентов, кто мог бы замолвить за нас рекомендательное словечко по телефону. Пригласи тренера отобедать у нас, и как можно скорее. Сразу после ланча отправишься в клинику к доктору Натаниэлю Брэдфорду и по дороге заедешь в библиотеку. Мне нужны кое-какие книги.

— Слушаюсь, сэр. О ком, по вашему мнению, так тревожится мисс Барстоу?

— Не сейчас, Арчи. Я, терзаемый голодом, предпочитаю эти несколько минут перед ланчем провести в спокойном его ожидании. Потом поговорим.

Глава 8

Во вторник, тринадцатого июня, в десять утра я был уже в поместье Барстоу. Ворота мне открыл полицейский. Рядом с ним был личный телохранитель семейства Барстоу, и мне пришлось долго убеждать их, что я — Арчи Гудвин и Сара Барстоу действительно меня ждёт. По их мнению, я больше смахивал на проныру фоторепортёра, которые готовы весь день висеть на деревьях, лишь бы получить сенсационный снимок для своей газеты.

Дом Барстоу стоял в самой низкой точке седловины между холмами, в семи милях к северо-востоку от Плезантвиля. Он был из серого камня, довольно большой, по моей прикидке, комнат на двадцать, окружённый множеством служебных построек. Проехав метров триста по обсаженной кустарником и деревьями главной аллее, я обогнул большую, полого спускавшуюся вниз лужайку и остановился под навесом крыльца. Две ступени вели на выложенную плитняком террасу. Это был боковой вход, главный же находился за углом и смотрел на лужайку с купами

деревьев, декоративными валунами и бассейном. Сбавив скорость, я ехал по поместью не спеша, думая про себя, что пятьдесят тысяч долларов не такая уж потеря для этого семейства. Для этой поездки я облачился в тёмно-синий костюм и голубую сорочку с бежевым галстуком, и, конечно же, на мне была моя знаменитая шляпа, которую я совсем недавно получил из чистки. Словом, я считал, что одет именно так, как положено для такого визита.

Сара Барстоу ждала меня в десять, и я был пунктуален. Оставив машину на гравиевой площадке за домом, я поднялся на террасу и нажал кнопку звонка. Наружная дверь с террасы в комнаты была открыта, но за ней была другая, затянутая сеткой от москитов. Через неё я попытался разглядеть, есть ли кто поблизости, но это было бесполезно, и я стал ждать.

Вскоре послышались шаги, и дверь отворилась. На пороге стоял высокий худой дворецкий в чёрном сюртуке. Он был чрезвычайно вежлив.

— Прошу прощения. Вы — Арчи Гудвин?

Я кивнул.

— Меня ждёт мисс Барстоу.

— Я знаю, сэр. Прошу вас следовать за мной. Мисс Барстоу ждёт вас в саду.

Через террасу, по дорожке вокруг дома, затем по аллее, обсаженной деревьями, кроны которых смыкались вверху, образуя свод, мы вышли к цветнику. Там под тенью деревьев на скамье сидела мисс Барстоу.

— Благодарю, — сказал я дворецкому, увидев Сару. — Я уже знаю, куда мне идти.

Он остановился, отвесил почтительный поклон и, повернувшись, зашагал к дому.

Мисс Барстоу выглядела ещё хуже, чем вчера. Видимо, она совсем не спала в эту ночь. Вчера, вопреки просьбе Вулфа позвонить в шесть вечера, она позвонила намного раньше, поэтому к телефону подошёл я. По её голосу я сразу понял, в каком она состоянии. Она очень коротко, по-деловому, сказала, что ждёт меня завтра, ровно в десять, и тут же положила трубку.

Сара предложила мне сесть рядом. Вулф не дал мне никаких инструкций, предоставив полную свободу действий. В качестве напутствия он повторил свою любимую поговорку: любая спица приведёт муравья к ступице колеса. Он, правда, упомянул ещё о нашем преимуществе, о котором не следует забывать, — никто не знает, насколько мы хорошо осведомлены, но, поскольку наш первый шаг увенчался успехом, все полагают,

что мы знаем всё.

Произнося это, он зевнул, так широко открыв рот, что в него свободно мог влететь теннисный мяч.

— Надеюсь, ты не утратишь это преимущество, — в назидание заключил он.

— У вас в саду, я вижу, нет теплиц для орхидей, — начал я свой разговор с Сарой Барстоу. — Но у вас, должно быть, много других экзотических растений?

— Возможно, — рассеянно ответила она. — Я попросила Смолла провести вас в сад, потому что здесь никто нам, надеюсь, не помешает. Вы не возражаете?

— Что вы, конечно, нет. Здесь так хорошо. Я сожалею, что вынужден надоедать вам своими вопросами, но у меня нет иной возможности собрать факты. Ниро Вулф любит утверждать, что он исследует явления, а я собираю факты. Не уверен, что в словах моего шефа таится некий скрытый смысл. Я внимательно изучил в словаре все оттенки значения слова «явление» и пришёл к выводу, что это слово следует понимать буквально. — Я вынул блокнот. — Расскажите мне о вашей семье и, разумеется, о себе: сколько вам лет, за кого собираетесь замуж…

Не дав мне закончить, она послушно начала рассказывать. Она сидела прямо, сложив руки на коленях.

Кое-что я уже знал из газет или из справочника «Кто есть кто», но я не прерывал её. Кроме матери и брата, близких родных у неё больше не было. Её брат Лоуренс, двадцати семи лет, на два года её старше, в двадцать один год окончил Холландский университет и с тех пор ничем не занимался лет пять. Как я понял, не только тратил попусту время, но и испытывал отцовское терпение, пока наконец не обнаружил интерес к промышленному дизайну. Теперь он даже преуспел в этом, особенно в области самолётостроения. Отец и мать были привязаны друг к другу все тридцать лет их семейной жизни. Она не помнит, когда у матери появились первые признаки недомогания. Но это случилось давно, когда она была ещё ребенком. В её семье никогда не делали из этого тайны, ибо не считали это болезнью, которую следует скрывать, скорее видели в этом беду, неожиданно постигшую близкого и любимого человека, и всячески старались помочь ему с этим справиться. Доктор Брэдфорд и ещё два специалиста склонны были считать это расстройством неврологического характера, но её, Сару, это ни в

чём не убеждало. Она считала, что все эти чужие и холодные слова не имели никакого отношения к её матери, живой и любимой.

Их дом в Вестчестере был родовым поместьем, но жили они здесь лишь летом и не более трёх месяцев, ибо большую часть года пребывали в университетском городке. Каждое лето они приезжали сюда со всей прислугой, чтобы провести здесь какие-нибудь одиннадцать недель, а с наступлением осени закрывали дом и уезжали. Тут они знали почти всех, и вообще круг знакомых её отца был весьма широк, и не только в Вестчестере. Многие из его близких друзей были их соседями. Сара назвала их имена, рассказала о прислуге дома. Всё это я аккуратно записывал в свой блокнот и настолько был этим занят, что даже не заметил, как Сара встала со скамьи и вышла на садовую дорожку. И тут я услышал гул самолёта над головой, он летел, должно быть, совсем низко и заглушил её голос. Я взглянул вверх и увидел его и тут же торопливо записал: «Финский, одноместный, шесть ярдов, зарегистрирован в Нью-Йорке». Я бросил взгляд на девушку. Запрокинув голову, она стояла под ярким солнцем, наблюдала за самолётом и вдруг махнула ему платком. Я тоже вышел на дорожку,

чтобы получше разглядеть самолёт. Он летел теперь совсем низко, и когда оказался над нами, из кабины высунулась рука и помахала нам. Сделав резкий нырок, самолёт выровнялся, описал над нами круг и скрылся.

Мы вернулись на скамейку.

— Это был мой брат, — пояснила Сара. — Он сегодня впервые после смерти отца поднялся в воздух.

— Он у вас, видно, отчаянный, да и руки у него очень длинные.

— Нет, он не летает в одиночку. С ним Мануэль Кимболл. Это его самолёт.

— А, один из четвёрки.

— Да.

Я кивнул и вернулся к своим вопросам. Теперь мне предстояло расспросить о гольфе. Питер Оливер Барстоу, по словам дочери, не был заядлым игроком в гольф и в университетском городке играл не так часто, не более одного раза в неделю. Здесь во время летних каникул он, бывало, играл и два раза в неделю и для этого ездил в загородный клуб «Зелёные луга», членом которого состоял. Там у него был свой шкафчик для клюшек и прочего инвентаря. Несмотря на то что он играл не часто, он считался сильным

игроком, нередко посылавшим в лунку девяносто пять мячей из ста. Обычно он играл с друзьями, людьми его возраста, но иногда составлял партию Саре и её брату. Его жена никогда не стремилась научиться играть в гольф. В роковое воскресенье её отцу и брату Сары партию составили мистер Е. Д. Кимболл и его сын Мануэль. В таком составе, она уверена, отец играл впервые. Возможно, это чистая случайность, её брат не говорил ей, что состав игроков был определён заранее. Однако Сара знала, что её брат иногда играл с Мануэлем Кимболлом. Она не думала, что игроки заранее договорились, потому что это было первое появление её отца в клубе в этом сезоне. Семья Барстоу на этот раз приехала в Вестчестер на три недели раньше, чем обычно, из-за плохого состояния здоровья миссис Барстоу. Отец собирался вернуться в университет в тот же вечер.

Сказав это, Сара внезапно умолкла. Оторвавшись от блокнота, я взглянул на неё. Её невидящий взгляд был устремлён вдаль, пальцы судорожно переплетены.

— Теперь он никогда не вернётся в свой университет. Он столько хотел сделать… и сделал бы, — отстранённо проговорила она.

Чтобы вывести её из этого состояния, я спро-

сил:

— Ваш отец весь год держал клюшки в клубе?

— Нет. Почему вы об этом спрашиваете? Разумеется, нет. Ведь иногда он играл в гольф и в университете.

— Все свои клюшки он держал в одной сумке?

— Да.

— Следовательно, он захватил их с собой в то воскресенье, когда вы переезжали? Вы приехали в полдень на его машине, а вещи прибыли потом в фургоне, не так ли? Где была сумка с клюшками, в грузовом фургоне или ваш отец взял её с собой в машину?

Мне сразу стало ясно, что мой вопрос её испугал. Мышцы её шеи напряглись, локти она тесно прижала к телу и застыла. Я сделал вид, что не замечаю произошедшей в ней перемены. Я сидел в ожидании, когда смогу записать её ответ.

— Я не знаю, — наконец сказала она. — Я просто не помню.

— Возможно, клюшки были в грузовом фургоне, — предположил я. — Поскольку он не был фанатом гольфа, ему незачем было везти их с собой в машине. А где они сейчас?

Я боялся, что этот вопрос ещё больше её насторожит, но этого не произошло. Она уже была

спокойна и, кажется, полна решимости.

— Я этого не знаю. Я думала, вам известно, что сумку так и не нашли.

— Ага! — воскликнул я. — Значит, сумка с клюшками пропала?

— Да. Полиция искала её везде — в доме, в клубе, даже на поле для гольфа, но они так и не нашли её.

Да, подумал я, и вы чертовски рады этому, милая барышня!

— Вы хотите сказать, что никто так и не вспомнил, куда подевалась сумка с клюшками?

— Да. Вернее, нет, — она запнулась. — Мальчик, что носил её за отцом во время игры, утверждал, что положил её в машину на переднее сиденье, когда Ларри и доктор Брэдфорд отвозили отца домой. Но брат и доктор Брэдфорд не помнят, чтобы видели её.

— Странно. Однако я здесь не для того, чтобы собирать мнения и предположения. Мне нужны факты, мисс Барстоу. Простите, но не кажется ли вам всё это странным?

— Нет, нисколько. В том состоянии, в котором все тогда находились, вполне простительно не заметить какой-то сумки.

— Но когда все вернулись в дом, кто-то же дол-

жен был вынуть сумку из машины? Кто-то из прислуги, например, или же шофёр?

— Никто этого не помнит.

— Могу я поговорить с ними?

— Конечно.

Она явно испытывала ко мне брезгливую неприязнь. Не знаю, что она задумала, но я был всерьёз намерен помешать этому.

Итак, похоже было, что орешек раскололся, но оказался пустым. Я с новой силой стал атаковать её вопросами.

— Какими клюшками играл ваш отец, стальными или деревянными?

— Деревянными. Он не любил стальные.

— Головка простая или подбитая латунью?

— Кажется, простая. Но я не уверена, что точно помню. У Ларри и у меня клюшки были подбиты латунью.

— Однако вы хорошо помните, какая клюшка была у вашего брата.

— Да. — Она прямо посмотрела мне в глаза. — Надеюсь, это не перекрёстный допрос, мистер Гудвин?

— Прошу прощения, — улыбнулся я. — Конечно.

Я был немного расстроен, пожалуй, даже раздо-

садован. Больше всего здесь, в Вестчестере, мне хотелось бы взглянуть на эту сумку, и особенно на клюшку мистера Барстоу.

— Очень сожалею, — пробормотала она.

— Не думаю, чтобы вы очень сожалели, и это вызывает у меня целый ряд вопросов. Кто вынул сумку из машины? Если кто-то из слуг, тогда кто именно, что он за человек, верный ли, неподкупный и тому подобное? Спустя пять дней после убийства, когда стало известно, что оно было преднамеренным и произошло в клубе, кто, по-вашему, мог спрятать или уничтожить сумку с клюшками вашего отца? Вы, ваш брат или доктор Брэдфорд? Видите, сколько у меня к вам вопросов. Каким образом можно было спрятать или уничтожить сумку с клюшками? От этих вопросов нам с вами не уйти.

Пока я говорил, она встала и ждала, когда я закончу. Держалась она спокойно и с достоинством. Голос её был ровен, когда она ответила мне:

— Довольно. Мы не договаривались, что я должна выслушивать идиотские выдумки и обвинения.

— Браво, мисс Барстоу. — Я тоже встал. — Вы правы. Но я ни в коей мере не хотел вас обидеть. Просто я очень расстроен. Могу я повидаться с

вашей матерью? Обещаю при ней не расстраиваться.

— Нет, вы не можете увидеться с моей матерью, — решительно возразила она.

— Но это предусмотрено нашим договором.

— Вы его нарушили.

— Чепуха, — улыбнулся я. — Договор позволяет некоторые отклонения ради вашей же безопасности. Но обещаю не допускать их при встрече с вашей матерью. Пусть я и грубиян, но не настолько.

Она посмотрела на меня.

— Вам достаточно пяти минут?

— Не уверен, но постараюсь сделать так, чтобы наша беседа была как можно более краткой.

Она повернулась и пошла к дому. Я последовал за ней и от досады чуть не зафутболил подвернувшуюся на дорожке крупную гальку. Сумка с клюшками — это тот горячий след, который был так нам нужен. Разумеется, я не надеялся, что сегодня же вечером брошу злополучную клюшку к ногам Ниро Вулфа. Был ещё Андерсон, а он не так глуп, чтобы на основании того, что ему уже сунули под нос, не заинтересоваться ею тоже. Я рассчитывал, что Сара Барстоу поможет мне в этом. Но эта проклятая сумка с клюшками

исчезла. Кому вздумалось проделать это, злился я. Умным поступком кражу сумки не назовёшь. Взять клюшку — это понятно, но всю сумку?..

Дом внутри выглядел шикарно. Такое я видел разве что в кино. Несмотря на множество окон, солнечный свет в комнатах казался приглушённым и не слепил глаза. Мебель и ковры были высшего качества и, видимо, стоили немалых денег. От благоухающих цветов в вазах исходила прохлада, несмотря на знойный день за окном. Сара Барстоу провела меня через просторный холл сначала в большую комнату, а потом через холл поменьше в комнату, похожую на солярий. Шторы на огромных окнах во всю стену были опущены, и в комнате стоял приятный полумрак. Здесь было много растений и плетёных стульев. У стола сидела женщина.

Сара Барстоу подошла к ней.

— Это мистер Гудвин, мама. Я тебе о нём говорила.

Девушка кивком указала на стул, приглашая сесть. Миссис Барстоу повернулась к нам, выронив кусочки пластмассовой мозаики. У неё было очень красивое лицо. От её дочери я знал, что ей пятьдесят шесть лет, но на вид она казалась старше. У неё были седые волосы и серые, широко

поставленные глаза в тёмных глубоких глазницах. И хотя тонкие черты её лица были спокойны, мне показалось, что это спокойствие достигается скорее усилием воли. Она молча смотрела на меня, и я вдруг почувствовал, как теряю прежнюю уверенность. Сара Барстоу села поодаль, чтобы не мешать нам.

Только я собрался начать разговор, как миссис Барстоу меня опередила:

— Я знаю, зачем вы пришли, мистер Гудвин.

— Собственно, я по поручению моего шефа, мистера Ниро Вулфа. Он просил поблагодарить вас за то, что вы разрешили нанести вам этот визит.

— Спасибо. — Глубоко посаженные серые глаза продолжали разглядывать меня. — Я рада, что кто-то, пусть совсем незнакомый мне человек, признаёт за мной право распоряжаться хотя бы дверями собственного дома.

— Мама!

— Да, Сара. Не обижайся. Я знаю, совсем неважно, знает ли мистер Гудвин, что этого права никто у меня не отнимал. Ни ты и даже ни твой отец. Как сказал Тэн, этим распорядился Господь. Или, возможно, в ту минуту, когда он решил отдохнуть, сатана воспользовался этим и сыграл злую шутку.

— Мама, прошу тебя. — Сара Барстоу, встав, подошла к матери. — Если у тебя есть вопрос к мистеру Гудвину…

— У меня есть вопрос… — поспешно перебил её я. — Вернее, два. Могу я задать их вам, миссис Барстоу?

— Разумеется. Ведь это ваша специальность, мистер Гудвин.

— Хорошо. Мой первый вопрос очень простой, но прежде чем ответить на него, вам придётся подумать и многое вспомнить. Но вы единственный человек, который может дать на него ответ. Кто хотел, вернее, кто мог убить вашего мужа? У кого могли быть на это причины, новые или давно забытые старые? У него были враги? Мог кто-нибудь его ненавидеть?

— Это не один и не два вопроса, а целых четыре.

— Если хотите, могу объединить их в один.

— Не надо. — Сила воли не изменяла ей. — На все вопросы у меня будет один ответ. Я.

Это было столь неожиданным, что я застыл в изумлении. Сара, стоявшая рядом с матерью, положила ей руку на плечо.

— Мама! Ты обещала…

— Успокойся, Сара. — Миссис Барстоу похлопа-

ла дочь по руке. — Ты не разрешила тем, другим, повидаться со мной, и я благодарна тебе за это. Но поскольку мистер Гудвин здесь, чтобы задавать вопросы, он вправе получить на них ответы. Помнишь, что говорил твой отец? Не пытайтесь скрывать правду.

— Мистер Гудвин, прошу вас… — Сара повернулась ко мне.

— Глупости! — Серые глаза старой леди гневно сверкнули. — У меня свои способы защиты, дочь моя, и они не хуже ваших. Ваш второй вопрос, мистер Гудвин?

— Не торопите меня, миссис Барстоу. — Я вдруг подумал, что, не будь здесь Сары, мы со старой леди легко бы нашли общий язык. — Я ещё не покончил с первым вопросом. А кроме вас могли быть другие, желавшие того же?

— Вы хотите сказать, желавшие его смерти? — Впервые решимость на её лице уступила место подобию улыбки. — Нет, это исключено. Мой муж был хорошим, добрым и всеми любимым человеком. Я знаю, чего вы хотите от меня, мистер Гудвин. Чтобы я вспомнила всю свою жизнь, её счастливые и горькие минуты, и обнаружила уже тогда грозившую ему опасность, безжалостную и неотвратимую, как рок. Уверяю вас, ничего по-

добного не было. Мой муж никого в своей жизни не обидел и не нажил себе врагов ни среди друзей, ни среди женщин. Он и мне не сделал ничего плохого. Я откровенно и честно ответила на ваш вопрос и от этого почувствовала облегчение. Но вы так молоды, вы совсем мальчик, и мой ответ, очевидно, шокировал вас так же, как и мою дочь. Я могла бы объяснить, почему я ответила именно так, но боюсь, что не сумею этого сделать. А обманывать вас мне не хотелось бы, так же как и причинить боль моей дочери. Когда Господь вынудил меня отказаться от прежнего статуса хозяйки в этом доме, он не ограничился этим. Если вы способны понять Его, вам будет понятен и мой ответ.

— Хорошо, миссис Барстоу. Мой второй вопрос. Что побудило вас пообещать вознаграждение?

— Нет! — воскликнула Сара и встала между мной и матерью. — Никаких больше вопросов…

— Сара! — резким тоном оборвала её старая леди. — Моя дорогая Сара, — продолжала она уже мягче, — я отвечу на вопрос. Это моя доля ответственности. Не становись между нами.

Девушка повернулась к матери. Та снова была величественно спокойной.

— Нет, мистер Гудвин, я не сумасшедшая, если

хотите, я — фантазёрка и могу давать волю своей фантазии. Я сожалею, что предложила вознаграждение, и понимаю теперь, как это омерзительно. Но произошло это в одно из таких мгновений, когда моя фантазия вдруг подсказала мне это как один из способов возмездия. Никто не мог убить моего мужа, ибо такое никому бы в голову не пришло. Его смерти не желал никто, кроме меня, и то лишь в минуты тяжких страданий, которые Господь не должен был посылать даже самому грешному из нас. Я вдруг подумала, что должен же быть кто-то, кто не побоится вызвать на суд самого Господа Бога. Сомневаюсь, что это способны сделать вы, мистер Гудвин, правда, я не знаю вашего хозяина. Поэтому я жалею, что предложила вознаграждение, но если кто-то заслужит его, оно будет выплачено.

— Спасибо, миссис Барстоу. Скажите, кто такой Тэн?

— Кто, простите?

— Тэн. Вы сказали, что Тэн объяснил вам, что это Господь распорядился лишить вас авторитета в этом доме.

— А, понимаю. Доктор Натаниэль Брэдфорд.

— Благодарю вас. — Я закрыл блокнот и встал. — Мистер Вулф просил поблагодарить вас за вашу

выдержку и терпение. Он знал, что вам они потребуются, как только я открою свой блокнот.

— Поблагодарите и вы за меня мистера Вулфа.

Я повернулся и вышел, представив, как воспользуется моим уходом Сара Барстоу.

Глава 9

Мисс Барстоу пригласила меня остаться на ланч. Она нравилась мне всё больше. Я прождал её в холле, соединявшем солярий с домом, минут десять, пока она была у матери. Когда она вышла, я понял, что она уже не сердится на меня, и догадался почему. Ведь я не принуждал её мать, она сама преподнесла мне всё на блюдечке с голубой каёмочкой. Следовательно, винить меня не было оснований. И всё же немногие поняли бы это, окажись они на месте Сары, может, один из тысячи, да и то затаили бы скрытую неприязнь. Но я видел, что Сара согласилась с условиями договора и собиралась выполнять его, скольких бы бессонных ночей это ни стоило и каких бы трудностей ни сулило. С одной из них она уже столкнулась. Сейчас или позже настроение миссис Барстоу может круто измениться, и ей в голову придёт новая фантазия. Тогда я снова увижу Сару замкнувшейся и вежливо немногословной. Я не знал, что побудило её сейчас к открытости и дружелюбию. Если моя голубая сорочка и светло-бежевый галстук, тогда я не

напрасно потратился на них. Как сказал бы Сол Пензер, я был в них парень что надо.

Приглашая меня на ланч, она сказала, что брат тоже будет, а поскольку я хотел поговорить с ним, то всё складывалось как нельзя лучше. Я поблагодарил её.

— А вы отважная, мисс Барстоу, — сказал я ей. — По-настоящему отважная. Вам повезло, что Вулфу, мудрейшему из людей, пришла в голову мысль об этом соглашении. У вас куча неприятностей, и только этот договор может помочь вам справиться с ними.

— В том случае, если у меня будут неприятности, не так ли? — тут же парировала она.

— Они у вас уже есть, но та, которой вы больше всего боитесь, ещё впереди. Да, вы храбрая, — повторил я.

За ланчем я познакомился не только с её братом, но и с его другом, Мануэлем Кимболлом. Это было очень кстати, ибо, как мне казалось, в то утро я узнал о четвёрке то, что сделало их куда более важными персонажами в этой истории, чем они были до этого.

Накануне вечером я потратил целых два часа, чтобы дозвониться в клуб «Зелёные луга» и наконец связаться с его тренером. Тот охотно принял

приглашение Вулфа отобедать с ним. Он не знал близко мистера Барстоу, и тем не менее Вулфу удалось выудить из него кучу подробностей о гольф-клубе и его жизни. Когда тренер около полуночи покидал особняк на Тридцать пятой улице, несколько охмелевший от лучших сортов пива, которыми потчевал его гостеприимный хозяин, Вулф уже знал о клубе не меньше, чем его гость. Помимо прочего, он, в частности, узнал, что члены клуба обычно держат свои сумки с клюшками в клубе, где у каждого имеется свой шкафчик, запирающийся на ключ. Однако при желании было совсем нетрудно получить дубликаты ключей, улучив момент, открыть любой из шкафов и, следовательно, подменить клюшку. Кроме того, многие из членов клуба вообще не запирают свои шкафы. Таким образом, получалось, что у партнеров Барстоу было столько же шансов подменить клюшку, сколько у любого из членов клуба, или у кого-либо из обслуживающего персонала, или даже у постороннего, оказавшегося в гардеробной.

Но эти предположения не имели уже никакого значения после того, как стало известно, что Барстоу с прошлого сентября не держал свои клюшки в клубе. Он привёз их с собой в то злополучное

воскресенье. Это существенно меняло картину, и его партнеры по игре в этом смысле представляли теперь для нас не больший интерес, чем все остальные члены клуба.

Ланч был подан в комнате, которую нельзя было назвать столовой, ибо она была для этого недостаточно велика. Вид из окон закрывали заросли кустарника. Обслуживал нас худой и длинный дворецкий Смолл в неизменном чёрном сюртуке.

Хотя завтрак показался мне несколько лёгким, всё было изысканно вкусным и не заставило бы покраснеть даже такого кулинара, как наш Фриц. Стол, за которым мы расположились, был небольшим. Я сидел напротив мисс Барстоу, по правую руку от меня — её брат, а слева — Мануэль Кимболл.

Между братом и сестрой было мало сходства, в нём я больше улавливал черты матери. Лоуренс Барстоу был крепкого сложения и держался с той долей самоуверенности, которая присуща людям его образа жизни. Однако его лицо с правильными чертами не запоминалось. Такие лица я видел десятками на Уолл-стрит и на Сороковых улицах. Каждый раз, когда он смотрел в мою сторону, я замечал, что он щурится, будто глаза у него раз-

дражены от ветра после недавней прогулки на воздухе. Они были такого же цвета, как у матери, однако в них я не заметил ни её выдержки, ни силы воли.

Мануэль Кимболл был совсем другим. Смуглый, стройный, с чёрными, гладко зачёсанными назад волосами, с беспокойно бегающими глазами. Его взгляд успокаивался лишь тогда, когда останавливался на Саре Барстоу. Он сразу же стал действовать мне на нервы и, как мне казалось, беспокоил и мисс Барстоу. Возможно, он вёл себя так потому, что никак не мог понять, кто я и почему оказался за этим столом в такое трагическое для семьи Барстоу время. В разговоре в саду я узнал от Сары, что их семьи не были особенно близки. Просто в летние месяцы Барстоу и Кимболлов сближало соседство и тот факт, что Мануэль, опытный лётчик-любитель, обучал этому искусству её брата, Ларри. Пару раз во время летнего отдыха она бывала в обществе Мануэля, но знает его больше, как приятеля своего брата.

Кимболлы были новичками в этих краях. Три года назад Е. Д. Кимболл, отец Мануэля, купил здесь участок в двух милях к югу от поместья Барстоу. Кимболла-старшего они знают поверхностно, со слов Мануэля и по случайным и редким

встречам на каких-нибудь банкетах или вечерах в местном клубе. Мать Мануэля умерла и, кажется, давно. Сара не помнила, чтобы её отец когда-нибудь беседовал с Мануэлем. С того дня, как прошлым летом Ларри привёл его к ним в дом, чтобы сыграть на пари в теннис, при встрече они лишь обменивались приветствиями. Тогда Сара была судьёй на линии, а главным рефери был её отец.

И тем не менее Мануэль Кимболл меня заинтересовал. Он был одним из четвёрки игроков, он — чужак здесь, у него необычное имя при такой фамилии, и к тому же он меня раздражал.

За столом разговор шёл главным образом о самолётах. Сара старалась, чтобы беседующие не отклонялись от этой темы, и как только её брат делал попытку, тут же вмешивалась в разговор. Я ел молча. Когда наконец Сара резко отодвинула стул, нечаянно задев при этом дворецкого, и мы все вышли из-за стола, Ларри Барстоу впервые обратился ко мне. По его тону я понял, что он охотно пожелал бы мне позавтракать где-нибудь в другом месте.

— Вы хотели видеть меня? — неприязненно спросил он.

Я кивнул.

— Извини, Мэнни, — сказал он, повернувшись к Мануэлю. — Я обещал сестре побеседовать с этим человеком.

— Конечно, — ответил Мануэль, и его беспокойные глаза остановились на Саре. — Может, мисс Барстоу поможет мне скоротать время?

Сара согласилась, не выказав, однако, особого энтузиазма. Но тут я решил вмешаться.

— Простите, мисс Барстоу, — сказал я ей. — Но вы, кажется, желали присутствовать при моём разговоре с вашим братом.

Она ничего подобного не говорила, но я счёл, что так будет лучше.

— О! — воскликнула она, как мне показалось, с облегчением. — Да, простите, мистер Кимболл. Может, хотите пока выпить кофе?

— Нет, спасибо. — Он отвесил поклон и, повернувшись к Ларри, сказал: — Я, пожалуй, пойду проверю карбюратор. Можно попросить, чтобы меня подбросили на поле на твоей машине? Спасибо. Жду тебя в ангаре, как только освободишься. Спасибо за восхитительный завтрак, мисс Барстоу.

У него был густой, рокочущий, как далёкий гром, баритон, которым он умело пользовался, заставляя его, когда нужно, звучать тихо и до-

вольно приятно. Ларри Барстоу вышел с ним, чтобы дать распоряжения своему шофёру. Мы с Сарой остались ждать его возвращения.

Когда он вернулся, мы все вышли в сад, к той же скамье, на которой утром мы беседовали с Сарой. Ларри уселся на траву, мы с его сестрой сели на скамейку.

Я объяснил ему, что моё желание вести беседу с ним в присутствии сестры отвечает её договору с Ниро Вулфом. Я хотел, чтобы она была уверена, что никаких нарушений договора с моей стороны не будет. У меня есть несколько вопросов к мистеру Лоуренсу Барстоу, и его сестра должна решить, насколько я правомочен их задавать, сказал я в заключение.

— Ладно, задавайте, — ответила Сара. Вид у неё был усталый. Утром на этой скамье она сидела, распрямив плечи, сейчас же бессильно их опустила.

— Что касается меня… э-э-э ваше имя Гудвин, не так ли? — начал Ларри.

— Да, совершенно верно.

— Что касается меня, то ваш договор, как вы его называете, я считаю пустой бумажкой и недопустимым нахальством…

— Вы ещё что-нибудь хотите добавить, мистер

Барстоу?

— Да, если вы согласны выслушать меня. Это шантаж.

— Ларри! — гневно выкрикнула Сара. — Ты ведь обещал!

— Подождите, мисс Барстоу. — Я стал быстро листать страницы блокнота. — Может, вашему брату стоит познакомиться с договором? Одну минуту, я сейчас его зачитаю. — Наконец я нашёл нужную страницу. — Слушайте… — Я прочитал всё, что продиктовал мне Вулф. Читал я так, как в первый раз, когда Вулф заставил меня прочесть его Саре Барстоу. Закончив, я закрыл блокнот. — Таков этот договор. Если мой хозяин неизменно держит себя в руках, то для меня это необязательно. Поэтому я могу время от времени давать выход эмоциям. Если вы ещё раз назовете это шантажом, последствия могут быть крайне неприятными для вас. Если вы не способны понять, что для вас добро, а что зло, тогда вы из тех, кто готов оплеуху принять за комплимент.

— Сестра, тебе лучше оставить нас одних, — распорядился Ларри.

— Она сейчас уйдёт, я не задержу вас, — сказал я. — Но если договору предстоит быть выброшенным в мусорное ведро, мисс Барстоу должна

присутствовать при этом. Раз договор вам не по душе, зачем вы позволили вашей сестре одной приехать к Ниро Вулфу? Он был бы рад познакомиться и с вами тоже. Он предупредил мисс Барстоу, что расследование мы продолжим при любых условиях. Это наша работа, и мы до сих пор не так плохо с ней справлялись, в чём убеждались все, кто имел с нами дело. От себя добавлю: есть договор, нет его, мы всё равно будем искать того, кто убил Питера Оливера Барстоу. Лично я считаю, что ваша сестра заключила весьма выгодную сделку. Если у вас иное мнение, то на это должны быть причины. Мы их постараемся узнать.

— Ларри, — промолвила мисс Барстоу голосом, который должен был сказать ему всё. — Ларри, — снова повторила она. Казалось, она просит его, о чём-то напоминает.

— Ну так как? — спросил я. — Взгляды, которые вы бросали на меня за столом, вам едва ли помогут. Если что-то сломается в вашем самолёте, разве вы орёте на него, пинаете его ногами? Нет, вы, засучив рукава, пытаетесь найти поломку, не так ли?

Ларри молчал и смотрел не на меня, а на сестру. Он так сильно выпятил нижнюю губу, что стал

похож на готового расплакаться ребёнка или на мужчину, собирающегося выругаться.

— Ладно, сестричка, — наконец изрёк он. Передо мной он и не собирался извиняться. Ничего, я мог подождать, время ещё не настало.

Когда я засыпал его вопросами, он довольно легко справился с ними, отвечая сразу же и, насколько я мог судить, откровенно, не пытаясь запираться или уходить от ответа. Его не смутил даже вопрос о сумке с клюшками, от которого затрепетала, словно рыбка, выброшенная на берег, его сестра. Вопросы, видимо, не смущали его. Сумка с клюшками прибыла в фургоне вместе с остальными вещами, в машине же, в которой они все ехали, багажа не было, кроме одного чемодана с вещами его матери. Фургон прибыл в поместье в три часа пополудни, все вещи были тут же выгружены и внесены в дом. Сумку с клюшками, должно быть, сразу отнесли в комнату отца, хотя утверждать это Ларри не брался. В воскресенье за завтраком они с отцом договорились поехать в клуб и поиграть в гольф…

— Кто предложил это, вы или отец?

Ларри точно не помнил. Когда отец спустился к завтраку, он снёс вниз сумку с клюшками. Они поехали в клуб «Зелёные луга» на закрытой ма-

шине, припарковались у края поля. Отец сразу же пошёл к стартовой метке, а Ларри отправился искать кэдди, мальчиков, таскавших за игроками сумки и мячи. Ему было всё равно, кто будет носить за ним его сумку, но отцу прошлым летом приглянулся один паренёк, и он был доволен, что тот оказался свободным. Ларри и двое мальчишек отправились на поле и догнали Кимболлов, отца и сына, которые тоже шли к стартовой метке, чтобы начать игру. Поскольку Ларри не видел Мануэля с прошлого лета, они разговорились о своих планах на лето, и тогда-то Ларри и предложил ему составить четвёрку, ибо был уверен, что отец не будет возражать. Когда они подошли к стартовой линии, его отец уже опробовал клюшки. П. О. Барстоу, как всегда, приветливо поздоровался, высказал своё удовольствие, что знакомый кэдди будет ему помогать, и тут же послал его за мячами.

Пришлось немного подождать, когда начнут игроки, пришедшие раньше. А потом они все приготовились к старту. Первый удар по мячу сделал Мануэль, затем Ларри, следующим шёл отец, а последним — Кимболл-старший. Ларри не видел, сам ли отец вынул главную клюшку из сумки или её подал ему мальчишка. В это время

Барстоу-младший разговаривал с Мануэлем, а перед ударом отца сделал свой удар. Но он хорошо помнил, как начал игру отец, ибо запомнил одно обстоятельство. Когда клюшка отца описала полукруг в воздухе и опустилась вниз, в ней что-то щёлкнуло, и мяч пошёл в сторону, а отец негромко вскрикнул. Лицо его было недоуменным и испуганным, и он тут же стал тереть рукой низ живота. Ларри никогда ещё не видел, чтобы отец так внезапно изменился и потерял свой обычный полный достоинства вид. Все стали расспрашивать, что с ним, он сказал что-то об укусе осы и начал расстёгивать сорочку. Ларри был встревожен состоянием и поведением отца и сам взглянул через расстёгнутую рубаху на живот отца. Он увидел крохотную, еле различимую красную точку, похожую на укол. Отец немного успокоился и сказал, что это пустяки. Старший Кимболл в это время послал свой мяч к лунке, и все двинулись дальше по полю.

Всё, что было потом, подробно и не раз было описано в газетах. Спустя полчаса у четвёртой лунки Барстоу неожиданно упал. Тело его задёргалось в конвульсиях, руками он хватался за траву. Когда к нему подбежал его кэдди и взял за руку, он был ещё жив, но, когда его окружили

все, кто был поблизости, он уже не двигался. Среди игроков в тот день был доктор Натаниэль Брэдфорд, давний друг семьи Барстоу. Мануэль побежал за машиной и подвёл её как можно ближе к месту происшествия. Барстоу положили на заднее сиденье. Доктор Брэдфорд положил голову друга себе на колени, Ларри сел за руль.

Он не помнит, что было с отцовской сумкой с клюшками, абсолютно не помнит. Он знает только то, что рассказывал паренёк, обслуживавший отца во время игры. Тот сказал, что положил сумку в машину, на переднее сиденье, но Ларри вёл машину и не помнит, чтобы хоть раз взглянул на сиденье и заметил сумку. Все шесть миль он вёл машину медленно и осторожно и, лишь приехав домой, и то не сразу, заметил, как сильно прикусил нижнюю губу, которая была вся в крови. Он лгал лучше, чем его сестра, и в этом надо было отдать ему должное. Если бы не промашки его сестры, он бы убедил меня, и я поверил бы во всё, что он рассказывал. Я попытался прощупать его вопросами, но он был непроницаем.

Тогда я стал расспрашивать о Кимболлах. Он не рассказал мне ничего такого, чего бы я уже не знал от его сестры. Знакомство с Кимболлами было столь поверхностным, что не стоило

говорить об этом. Другое дело отношения Ларри с Мануэлем, владельцем спортивного самолёта, который столь привлекал Ларри. В будущем, получив права, он собирался купить себе такой же. Затем я задал ему вопрос, который вызвал такое волнение у миссис Барстоу. Я задал его сейчас обоим, брату и сестре, и на сей раз переполоха не было. Они решительно заявили, что не знают никого, кто испытывал бы ненависть или неприязнь к их отцу. Таких не могло быть. За всю свою блестящую карьеру, начавшуюся десять лет назад, когда в сорок шесть лет он стал ректором Холландского университета, их отец встречался с критикой и сопротивлением, но всегда благополучно справлялся с ними благодаря редкому умению улаживать, а не обострять конфликты. Его личная жизнь ограничивалась семьёй и домом. Ларри, как я понял, испытывал к отцу чувство глубокого уважения и известную сыновью привязанность. Что касается Сары, то она искренне любила отца. Итак, они между собой решили, что у их отца врагов не было и не могло быть. Заявляя это, Сара, отлично знавшая, что я услышал из уст её матери всего три часа назад, смотрела на меня с вызовом и мольбой.

Следующим объектом моего внимания был

доктор Брэдфорд. Здесь я больше рассчитывал на Сару, чем на её брата. По тому, как сложилась наша беседа, я мог бы ожидать множество колебаний и увёрток, но ничего подобного не произошло. Сара прямо и откровенно рассказала о друге отца. Они вместе учились в колледже, и доктор Брэдфорд был всегда близким отцу и их семье человеком. Он был вдовцом, и Барстоу считал его членом своей семьи. Особенно они сближались в летние месяцы, ибо доктор жил совсем рядом. Он был их семейным врачом, и они возлагали надежды на выздоровление матери только на него, хотя он сам, не скрывая, полагался на консультации специалистов.

— Вам он нравится? — спросил я Сару в упор.

— Нравится?

— Да. Вам нравится доктор Брэдфорд?

— Конечно. Он добрее и благороднее всех, кого я когда-либо знала.

— А вам? — спросил я, повернувшись к Ларри.

Тот нахмурился. Видимо, он уже устал. Он был весьма терпелив ко мне, ведь я допрашивал его целых два часа.

— Пожалуй, да. Всё, что моя сестра сказала о нём, правда. Но он любит читать мораль. Сейчас, правда, он ко мне уже не пристаёт, но когда я

был мальчишкой, мне приходилось прятаться от него.

— Вы приехали в поместье в субботу во второй половине дня. С момента приезда сюда в субботу и до двух пополудни в воскресенье доктор Брэдфорд был у вас?

— Я не знаю… О, да, он обедал у нас в субботу.

— Как вы думаете, он мог убить вашего отца?

Ларри застыл в испуге.

— О, Господи! Кажется, вам хочется напугать меня, так, чтобы я сболтнул какую-нибудь глупость?

— А вы что думаете, мисс Барстоу?

— Какой абсурд!

— Хорошо, пусть, по-вашему, абсурд, но кто-то же упросил доктора Брэдфорда дать заключение, что смерть наступила от разрыва сердца? Кто из вас?

Ларри с ненавистью смотрел на меня.

— Вы сказали, что пригласили меня присутствовать при вашей беседе с братом для того, чтобы никто не нарушал условий договора, — тихо промолвила Сара Барстоу. — Что ж, мистер Гудвин, вы достаточно испытывали моё терпение.

— Хорошо, оставим этот разговор. — Я повернулся к её брату. — Вы снова раздражены, мистер

Барстоу. Не стоит. Люди вашего круга не привыкли к такого рода дерзости, но поверьте, куда лучше сделать вид, что вы ничего не заметили. У меня осталось всего несколько вопросов. Где вы были в понедельник, пятого июня, вечером, между семью и двенадцатью часами?

Ларри все ещё злился.

— Не знаю. Как могу я это помнить?

— Постарайтесь. Не посчитайте этот вопрос ещё одной дерзостью. Я спрашиваю вас вполне серьёзно. Понедельник, пятого июня. Во вторник были похороны вашего отца. Я спрашиваю вас, где вы были накануне вечером.

— Я могу сказать вам, — вмешалась его сестра.

— Я предпочитаю, чтобы ваш брат сам мне ответил.

— Что ж, я могу ответить, а могу и не отвечать, — произнёс он. — Хорошо, отвечу, я был дома.

— Весь вечер?

— Да.

— Кто ещё был дома в это время?

— Моя мать и сестра, прислуга и ещё Робертсоны.

— Робертсоны?

— Да, я же сказал вам.

Опять на помощь пришла сестра.

— Это наши старые друзья. Мистер и миссис Блэйр Робертсон и их две дочери.

— Когда они пришли к вам?

— Сразу после обеда. Мы ещё не встали из-за стола. Около половины восьмого.

— Доктор Брэдфорд тоже был?

— Нет.

— Вам это не кажется странным?

— Странным? Почему? Впрочем, у него был доклад на какой-то конференции в Нью-Йорке.

— Понимаю. Благодарю вас, мисс Барстоу. — Я снова повернулся к её брату. — Ещё один последний вопрос, вернее, просьба. У Мануэля Кимболла есть в ангаре телефон?

— Да.

— Позвоните ему, пожалуйста, и предупредите, что я направляюсь к нему, и спросите, не будет ли он так любезен дать мне интервью.

— С какой стати я должен делать это? — возмутился Ларри.

— Вы не имеете права просить об этом! — тут же вмешалась его сестра. — Если вы хотите видеть мистера Кимболла, это ваше личное дело.

— Верно, — согласился я и закрыл свой блокнот. — Совершенно верно. Но я не являюсь официальным лицом. Если я приеду к нему вот

так, он вправе вышвырнуть меня вон. Но он друг вашей семьи или, по крайней мере, считает себя таковым. Мне нужно, чтобы меня представили ему.

— Разумеется, вам нужна рекомендация, — сказал Ларри, вставая с травы и отряхивая брюки. — Но вы её не получите. Ваша шляпа, кажется, в доме?

Я кивнул.

— Я захвачу её, когда мы пойдём звонить по телефону. А теперь послушайте меня. Я хочу попросить вас позвонить Мануэлю Кимболлу, Робертсонам и в клуб «Зелёные луга». Это всё, что мне пока нужно, а потом будет видно. Мне нужно повидаться и поговорить со всеми этими людьми, и чем скорее вы поможете мне в этом, тем будет лучше. Ниро Вулф знает достаточно много, чтобы заставить полицию согласиться на эксгумацию. Это была договоренность, но он не всё им сказал. Неужели вы хотите, чтобы я обратился к прокурору и рассказал ему столько, сколько он потребует за то, чтобы дать мне разрешение всюду бывать и со всеми говорить? Он сейчас зол на нас с Вулфом, потому что знает, что мы кое-что ему не говорим. Я готов помириться с ним, если уж на то пошло. Я люблю заводить друзей, чего

не скажешь о вас. Если вы снова назовёте это шантажом, мистер Барстоу, я готов забрать свою шляпу и откланяться. А там пусть идёт, как идёт.

Это был подлый приём, но выхода у меня не было. Беда этих двоих, особенно брата, была в том, что они привыкли всегда чувствовать себя в полной безопасности, осознавать свою независимость и беречь своё достоинство. Они не знали, что такое страх, и теперь приходилось напоминать им об этом. Они действительно испугались, когда поняли, что я серьёзен, а если бы мне ещё удалось посвятить их во все свои планы на этот день, думаю, у них были все основания встревожиться не на шутку.

Они сдались. Когда мы вернулись в дом, Сара позвонила Робертсонам, а её братец — в гольф-клуб «Зелёные луга» и Мануэлю Кимболлу. Я решил, что у меня мало шансов узнать что-либо от прислуги, особенно если её вышколил дворецкий Смолл, поэтому, когда все телефонные звонки были сделаны, я забрал шляпу и покинул дом. Ларри вышел со мной на боковую террасу, видимо, желая убедиться, что я не проберусь тайком обратно в дом, чтобы подслушивать у замочных скважин.

Когда мы спускались по лестнице, к дому подъе-

хала машина. Вышедший из неё человек заставил меня довольно ухмыльнуться, ибо это был Г. Р. Корбетт, тот самый детектив из прокурорской команды, который пытался вломиться в особняк на Тридцать пятой улице. Я тогда неплохо выполнил роль вышибалы. Я весело поприветствовал его и хотел было пройти мимо, но он окликнул меня:

— Эй, ты!

Я повернулся. Ларри, стоя на террасе, с любопытством наблюдал за этой сценой.

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — вежливо осведомился я.

Корбетт, не утруждая себя ответом, сделал шаг в мою сторону. Я остановился, продолжая глядеть на него с улыбкой, а потом обратился к Ларри:

— Мистер Барстоу, это ваш дом. Может, вы объясните ему, зачем я был здесь?

По лицу Ларри я понял: случись так, что ему пришлось бы послать поздравительную открытку к Рождеству кому-либо из нас, скорее я её бы получил, чем Корбетт.

Ларри действительно объяснил ему всё.

— Мистер Гудвин был приглашён моей сестрой для консультаций. Возможно, мы снова пригласим его. Вы тоже ведёте расследование?

Корбетт крякнул и бросил на меня недобрый

взгляд.

— Значит, снова захотелось побывать в Уайт-Плейнс? — язвительно произнёс он.

— Отнюдь, нет, — покачал я головой. — Мне не нравится сонная дыра, где все так ленивы, что не с кем даже об заклад побиться на довольно кругленькую сумму. — Я повернулся, чтобы уйти. — Пока, Корбетт. Не буду желать тебе неудачи, потому что даже при большой удаче памятник тебе не поставят.

Не обращая внимания на брань и проклятия, несущиеся мне вслед, я сел в свою машину и уехал.

Глава 10

Прежде всего я решил навестить Робертсонов, ибо знал, что визит будет коротким. Миссис Робертсон с дочерьми была дома. После звонка Сары они ждали меня. Все три дамы подтвердили, что были у Барстоу вечером пятого июня, накануне похорон. Приехали они около восьми, а уехали в полночь. Они всё время были с миссис Барстоу, Сарой и Ларри. Я ещё раз уточнил, было ли это именно пятого июня, а затем задал ещё несколько незначительных вопросов о семействе Барстоу, но вскоре понял, что нет никакого смысла расспрашивать дальше. Робертсоны явно не собирались обсуждать своих близких друзей с каким-то незнакомцем. Они категорически отрицали саму возможность какого-либо недомогания у миссис Барстоу, видимо, не зная, что мне всё известно.

Был уже шестой час вечера, когда я наконец попал к Кимболлам. Их поместье показалось мне менее живописным и ухоженным, чем поместье их соседей Барстоу, но значительно более обширным. Я проехал с полмили, прежде чем добрался

до дома. Подъездная аллея, пересекая ручьи, тянулась через изрезанную каменными оградами зелёную равнину. Слева виднелась рощица. Дом стоял на невысоком холме, окружённый парком из вечнозеленых растений. Трава на лужайке перед домом была аккуратно подстрижена, но здесь, как и на всём пути по поместью, я не увидел цветников. Дом был меньше, чем у Барстоу, недавней постройки, деревянный, с высокой, островерхой черепичной крышей — смесь всех стилей архитектуры, которую я условно обозначил как «стиль короля Уильяма». За домом простиралась большая ровная лужайка, куда и направил меня толстый дворецкий в униформе, вышедший из дома, как только я подъехал. Здесь я уже не увидел никаких каменных заборов, трава была коротко подстрижена. Сюда вела узкая, усыпанная гравием дорога. Это было отличное взлётное поле. В конце его виднелось длинное бетонное строение ангара. К нему я и направил свою машину, ибо тут заканчивалась гравиевая дорога. Рядом с ангаром была длинная и достаточно широкая площадка, на которой стояли два автомобиля.

Кимболла я нашёл в ангаре. Он стоял у умывальника и мыл руки. Ангар почти полностью

занимал большой красный с синими крыльями самолёт. В его нутре возился механик. В ангаре было чисто, всё лежало и стояло на своих местах — инструменты, канистры с маслом и прочее. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, у умывальника на крючках висели четыре чистых полотенца.

— Меня зовут Гудвин, — представился я.

— Я ждал вас, — кивнул Мануэль. — Я уже освободился, и мы можем пройти в дом, там нам будет удобнее. Можешь оставить всё до завтра, Скиннер, если хочешь, — сказал Мануэль механику. — До вечера мне ничего не нужно.

Он закончил вытирать руки, и мы двинулись к площадке, где я оставил свой родстер. Каждый из нас сел в свою машину, и мы направились к дому.

Кимболл показался мне вежливым и приветливым, хотя и был для меня в некотором роде иностранцем и действовал мне на нервы. Он провёл меня в большую комнату и усадил в удобное кожаное кресло, затем приказал дворецкому принести напитки. Увидев, что я осматриваюсь вокруг, тут же пояснил, что меблировкой дома занимались они с отцом, и каждый делал это, сообразуясь со своим вкусом. В доме нет женщин,

на чей вкус следовало бы полагаться, а декораторам они не доверяют.

Я понимающе кивнул.

— Мисс Барстоу мне говорила, что вы давно потеряли мать?

Я сказал это просто так, без всякого умысла, не задумываясь, что делаю, но по привычке наблюдал, какой эффект произведут мои слова. Я был удивлён, как изменилось его лицо. По нему словно пробежала судорога, иначе не скажешь. Длилось это лишь мгновение, однако я представил, что творилось у него внутри. И всё же я не был уверен, что произошло это оттого, что я упомянул о его матери, возможно, он просто испытал какую-то внезапную физическую боль. Во всяком случае, я предпочёл более не касаться этой темы.

— Насколько я понимаю, вы расследуете обстоятельства смерти отца мисс Барстоу? — внезапно спросил он.

— Да, в какой-то степени по её просьбе. Он также был отцом её брату и мужем миссис Барстоу, не так ли? — уточнил я.

На его лице мелькнула улыбка, и я почувствовал на себе косой взгляд его чёрных глаз.

— Если это ваш первый вопрос, мистер Гудвин, то вы его весьма остроумно сформулировали.

Браво. Что ж, отвечу. Я не могу позволить себе говорить иначе об умершем, таково моё личное убеждение. Я восхищаюсь мисс Барстоу…

— И я тоже. Это был не вопрос, а просто замечание, не относящееся к делу. Мой вопрос к вам будет следующим: расскажите, что произошло у стартовой метки в воскресенье в полдень. Вам, очевидно, уже приходилось отвечать на этот вопрос?

— Да, дважды. Один раз сыщику, кажется, его звали Корбетт, и второй раз — мистеру Андерсону.

— Следовательно, ответ вы знаете наизусть. Не повторите ли вы мне его в третий раз?

Держа стакан в руке, я слушал его, не прерывая. Я не вынул блокнот, ибо у меня уже была запись показаний Ларри Барстоу, теперь моей задачей было проверить, насколько их рассказы совпадают. Мануэль Кимболл излагал всё чётко и обстоятельно. Когда он закончил, вопросов у меня, по сути, не было. Оставалось уточнить один или два факта, для меня неясные, особенно один, не совпадающий с рассказом Ларри. Мануэль сказал, что мистер Барстоу, после того как воскликнул, что его укусила оса, бросил клюшку на землю, и паренёк, обслуживающий его, подобрал

её. Ларри же утверждал, что отец, расстегивая сорочку, продолжал в другой руке держать клюшку. Мануэль был уверен, что он прав, но не настаивал, раз Ларри так сказал. Это было не так уж важно, а главное было то, что клюшка снова оказалась в сумке вместе с другими. В остальном рассказы Ларри и Мануэля совпадали.

Вдохновлённый тем, что хозяин велел принести ещё по стаканчику виски с содовой, я не торопил беседу, мой собеседник тоже ничего не имел против. Из его рассказов я узнал, что его отец имеет брокерскую контору в Нью-Йорке на Перл-стрит и ежедневно ездит на работу в город. Сам Мануэль тоже собирался основать собственное дело, построив завод по выпуску спортивных самолётов. Он считал себя опытным пилотом и около года работал на заводах в Буффало. Отец, хотя и сомневался в его задумке и скептически относился к увлечению самолётами, готов был ссудить ему необходимую сумму. Мануэль считал, что у Ларри Барстоу настоящий талант дизайнера, и надеялся уговорить его войти с ним в долю.

— Конечно, Ларри сейчас не в том состоянии, чтобы можно было вести с ним разговоры об этом, но я не тороплюсь. Внезапная смерть отца,

а потом это вскрытие и столь неожиданные его результаты… Кстати, мистер Гудвин, все продолжают теряться в догадках, как мистер Ниро Вулф — это ведь он, если я не ошибаюсь? — мог предугадать результаты вплоть до поразительных деталей. Хотя Андерсон, окружной прокурор, намекает на свои источники информации. Он сказал мне это не далее как вчера, сидя вот в этом кресле, в котором сейчас сидите вы. Но правда более или менее всем уже известна. В клубе «Зелёные луга» позавчера были лишь две темы разговора: кто убил Барстоу и как Ниро Вулф узнал, что это убийство. Что вы намерены делать дальше? В один драматический момент дать ответ на оба вопроса?

— Вполне возможно. Во всяком случае, я надеюсь. Однако мы не будем менять ответы, как вы вопросы, местами и не дадим ответ на второй вопрос раньше, чем на первый. Нет, спасибо, мне больше не надо. Ещё одна порция вашего изысканного коктейля, и теперь уже я буду отвечать на все ваши вопросы.

— В таком случае, прошу вас, выпейте ещё стаканчик. Конечно, как и все, я тоже любопытен. Ниро Вулф, должно быть, необыкновенный человек.

— Что ж, могу вам о нём рассказать, — сказал я и, запрокинув голову, выпил очередную порцию виски с содовой, почувствовав, как вместе с последними каплями в горло скользнули приятно холодящие льдинки. Допив, вместе с пустым стаканом я опустил и свой неумеренно задранный подбородок. Это была одна из моих маленьких хитростей. Я заметил, как Мануэль с любопытством наблюдает за мной, но он уже предупредил меня, что его распирает любопытство. — Отрицать, что Ниро Вулф необыкновенный человек, так же неразумно, как утверждать, что Наполеон тянет лишь на старшего сержанта. Мне жаль, что я не могу рассказать вам о всех его хитростях и секретах. За то мне и платят, чтобы держал язык за зубами. Кстати, который час? — Я взглянул на свои часы. — Время обеда, мистер Кимболл. Вы были весьма любезны, и я вам признателен, и, разумеется, Ниро Вулф тоже.

— Всегда к вашим услугам. Если вы из-за меня, то не стоит торопиться. Отца к обеду не будет, а я не люблю обедать один. Позже пообедаю в клубе.

— Ваш отец не приедет к обеду? Какая досада. Я собирался перекусить где-нибудь поблизости в Плезантвилле или Уайт-Плейнс, а потом снова заехать сюда и поговорить с ним. У меня просьба:

предупредите его, что я заеду.

— Сожалею.

— Его не будет вечером?

— Не будет. На прошлой неделе он уехал по делам в Чикаго. Это огорчило не только вас, но и мистера Андерсона. Он и его сыщик чуть не каждый день присылают отцу депеши. Не знаю зачем. Ведь он, в сущности, едва был знаком с Барстоу. Не думаю, что их телеграммы заставят отца вернуться прежде, чем он закончит свои дела. Он у меня такой, должен всё довести до конца.

— Когда же вы ждёте его?

— Не знаю. Уезжая, он сказал, что не ранее пятнадцатого июня.

— Да, досадно. Это всего лишь формальность, но каждый сыщик обязан переговорить с каждым из вашей четвёрки. Но раз вы не можете помочь мне повидаться с вашим отцом, может, вы окажете мне другую услугу? Это тоже простая формальность. Скажите, где вы были вечером в понедельник, пятого июня, между семью вечера и двенадцатью ночи? Накануне похорон Барстоу? Вы на них присутствовали?

Мануэль Кимболл смотрел на меня так, будто силился что-то вспомнить.

— Я был на похоронах, — наконец сказал он. —

Это было во вторник. Сегодня ровно неделя. Да, кажется, неделя. Скиннер должен помнить. В это время пятого июня я витал в облаках.

— В облаках?

Он кивнул.

— Я отрабатывал технику взлёта и посадки в ночных условиях. Пару раз я проделал это в мае, а потом повторил в понедельник. Скиннер вам подтвердит. Он мне помогал, а потом ждал, когда я вернусь, и следил, чтобы посадочные огни были в порядке. Полёты ночью — это совсем другое дело, чем днём.

— Когда вы поднялись в воздух?

— Около шести вечера. Разумеется, до девяти часов было ещё светло, но я хотел начать задолго до заката.

— Вы летали один?

— Совершенно один, — с улыбкой ответил Мануэль, но, как мне показалось, глаза его не улыбались. — Должен сказать, мистер Гудвин, что я достаточно терпелив. Но какое, чёрт побери, вам дело до моих тренировок в понедельник вечером или в какое-либо другое время? Если бы не моё любопытство, я уже давно рассердился бы. Вам не кажется?

— Согласен, — улыбнулся я. — Я на вашем месте

давно бы рассердился. И тем не менее премного вам обязан. Что поделаешь, служба, мистер Кимболл, проклятые формальности. — Я встал и отряхнул брюки. — Благодарю вас, я очень признателен. Полагаю, летать ночью куда приятней, чем днём.

Он тоже поднялся, держась так же вежливо.

— Да, приятней. Не стоит благодарить. Теперь я буду знаменит в окрестностях тем, что имел беседу с человеком от самого Ниро Вулфа.

Он позвонил толстому дворецкому, чтобы тот принёс мою шляпу.

Полчаса спустя на поворотах шоссе Бронкс-Ривер я всё ещё размышлял над обстоятельствами этой беседы. Учитывая, что между Кимболлом-младшим, Барстоу и клюшкой не было прямой связи, Мануэль, видимо, не выходил у меня из головы лишь потому, что странным образом действовал мне на нервы. А Вулф ещё говорит, что я не способен оценить явление, когда оно передо мной. В следующий раз, как только он мне это скажет, я напомню ему о своих предчувствиях относительно Мануэля Кимболла, твёрдо решил я. Разумеется, это будет в том случае, если окажется, что именно он убил Барстоу, а такое представлялось мне маловероятным.

Когда в половине девятого вечера я приехал домой, Вулф уже отужинал. По дороге я позвонил, что еду, и Фриц приготовил мне запеченную в духовке камбалу с его знаменитым горячим соусом из лучших сортов сыра, зелёный салат, помидоры и стакан вкусного охлаждённого молока. Учитывая скудный ланч в поместье Барстоу и поздний час, я не считал свой ужин чрезмерным и быстро справился с ним. По этому поводу Фриц заметил, что мне на пользу заниматься делом.

— Ты прав, Фриц, чёрт побери. Что бы вы все делали, если бы не я?

Он хихикнул. Фриц единственный человек, чьё хихиканье не позволяет усомниться, что оно к месту.

Вулф был в кабинете. Он сидел в кресле и охотился на мух. Он их терпеть не может; они чувствуют это и редко залетают в его кабинет, но две всё же умудрились и кружили теперь над столом. Несмотря на свою нелюбовь к мухам он никогда их не убивает. Он говорит, что хотя живая муха может довести его до белого каления, мёртвая своим недостойным видом оскорбляет таинство смерти, что во сто крат хуже. Я полагаю, его просто мутит от вида раздавленной мухи. Итак, он сидел в кресле с мухобойкой в руках и

проверял, как близко он может подкрасться к мухе, прежде чем та опомнится и улетит. Когда я вошёл, он передал мне мухобойку и предоставил полную свободу расправиться с мухой и бросить её в корзинку для бумаг.

— Спасибо, — сказал он, когда я провёл экзекуцию. — Эти несносные создания даже заставили меня забыть о том, что на дендробиум хлоростеле появились два новых бутона.

— Неужели?

Он довольно кивнул.

— На той, что стоит на солнце. Остальные убраны в тень.

— Для Хорстмана? Подарок?

— Да. Ну, так кто убил Барстоу?

Я улыбнулся.

— Дайте мне шанс. Имя я вам пока не назову, но постараюсь вспомнить…

— Надо было записать. Нет, зажги лампу у себя на столе. Так будет лучше. Ты хорошо поужинал? Ну, я слушаю.

Мой доклад был так себе: я не мог им гордиться, но и стыдиться причин не было. Вулф почти не перебивал меня, он сидел в той позе, в какой он обычно сидит, когда слушает мои подробные донесения, — откинувшись на спинку кресла,

уткнувшись подбородком в грудь, положив локти на подлокотники кресла и сплетя пальцы покоящихся на животе рук. Глаза его были полузакрыты, но я постоянно чувствовал на себе его взгляд. Однажды, на середине, он прервал меня, чтобы попросить Фрица принести пиво. Поставив стакан и две бутылки с пивом на край стола, он принял прежнюю позу. Когда я закончил свой рассказ, была уже полночь. Вулф тяжело вздохнул. Я пошёл в кухню, чтобы принести себе стакан молока. Когда я вернулся, он в задумчивости тянул себя за ухо. Вид у него был сонный.

— Возможно, у тебя сложилось какое-то впечатление, — промолвил он.

— Весьма смутное. Миссис Барстоу слегка не в себе. Она могла убить мужа или не могла, но то, что она не убивала Карло Маттеи, совершенно точно. О мисс Барстоу вы сами можете судить, по-моему, это исключается. То же самое я могу сказать о её брате. Я имею в виду убийство Маттеи. У него крепкое алиби на пятое июня, ни единой зацепки. Доктор Брэдфорд представляет интерес, и мне хотелось бы с ним встретиться. Что касается Мануэля Кимболла, то, мне кажется, у него не было возможности убить Барстоу, но на своём самолёте он может далеко залететь, выше

ангелов Господних.

— Почему? Он жесток? Циничен? Глаза бегают?

— Нет. Но вспомните его имя. И потом, он действует мне на нервы. Он похож на испанца. Не понимаю, при чем здесь фамилия Кимболл?

— Ты же не видел его отца.

— Очевидно, плохая весть, что пропала сумка с клюшками, расстроила меня так, что я ко всему придираюсь.

— Плохая весть? Почему плохая?

— Как почему? Мы собирались пропустить через сито всех членов загородного гольф-клуба, а теперь к ним надо прибавить всех, кто побывал в доме Барстоу в университетском городке в последние девять месяцев.

— Господь с тобой, Арчи! Ни в коем случае. Ни один из известных змеиных ядов, соприкоснувшись с воздухом — а это неизбежно, когда его наносят на иглу, — не может сохранить более двух-трех дней, а то и нескольких часов, способность убить человека таким образом, каким был убит Барстоу. Главное, знать, какой яд.

Я с удовольствием смотрел на него.

— Это уже что-то. Что ещё вы вычитали за это время?

— Мало интересного, в основном ненужное. Так что история с сумкой для клюшек не такая уж плохая новость. Последующее её исчезновение интересует нас лишь относительно, потому что нужной нам клюшки в сумке Барстоу никогда не было. Но нас интересует, кто повинен в исчезновении сумки и почему она исчезла.

— Да, конечно! Но вспомните, кто пришёл к вам, чтобы попросить отказаться от награждения и почему. Нам уже известно, что в этой семейке имеются люди со странными идеями.

Вулф погрозил мне пальцем.

— По целой фразе куда легче определить стиль, чем по одному слову. Но, во всяком случае, исчезновение сумки с клюшками со сцены — это прямой и дерзкий вызов, а визит в этот кабинет — поступок пусть и смелый, но продиктованный отчаянием.

— Врачи всё знают о змеиных ядах? — спросил я.

— Да. Этот, как его, доктор Брэдфорд, он ведёт себя довольно откровенно. Мне трижды было сказано сегодня, что он занят и подойти к телефону не может. Похоже, что так будет и дальше. Ты намерен завтра продолжить?

Я кивнул.

— Сначала в загородный клуб, затем к следователю, ведущему дело, потом вернусь в город и навещу доктора Брэдфорда в его приёмной. Жаль, старший Кимболл в отъезде. Мне хотелось бы покончить с этой четвёркой. Как вы думаете, захочет Сол Пензер съездить в Чикаго?

— Это обойдётся в сто долларов.

— Что ж, не такой уж большой кусок от куша в пятьдесят тысяч.

Вулф осуждающе покачал головой.

— Ты любишь транжирить деньги, Арчи. И чаще всего понапрасну. Давай лучше поищем убийцу на расстоянии пригородного сообщения.

— Хорошо. — Я встал и потянулся. — Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, Арчи.

Глава 11

На шоссе была точка, откуда хорошо были видны окрестности клуба «Зелёные луга», но с порядочного расстояния. Чтобы добраться оттуда до клуба, надо было свернуть с шоссе в рощу, а из неё по петляющей дороге обогнуть ложбину. Вблизи клуба тоже была роща на вершине небольшого холма. По одну сторону её располагались теннисные корты и плавательный бассейн, а по другую — поля для гольфа, усеянные стартовыми метками, лунками разных форм и величины, а между ними — зелёный ковер бесчисленных лужаек. В клубе было два поля по восемнадцать лунок. Четвёрка Барстоу — Кимболл играла на северном, самом длинном поле.

Когда я приехал, тренера, обедавшего в понедельник у Вулфа, ещё не было, его ждали к одиннадцати. Единственное, на что я мог сослаться, был вчерашний звонок Ларри Барстоу главному управляющему. Тот был со мной любезен и проводил к человеку, ведающему обслуживанием игроков на поле. Подростков, которые меня интересовали, как мне сказали, в это время не бывает,

ибо занятия в школах ещё не закончились, и в будние дни они редко сюда заходят в эти часы. Те двое, что были, находились на поле. Я проторчал там около часа, пытаясь найти кого-нибудь, заслуживающего быть записанным в мой блокнот. То, что я уже получил здесь, было, в сущности, ненужной информацией, поэтому я сел в свой родстер и отправился в Уайт-Плейнс.

Кабинет следователя находился в том же здании, что и служба прокурора Андерсона. Я вспомнил, как неделю назад безуспешно пытался заключить здесь пари на деньги Вулфа. Поэтому, подойдя к двери с табличкой «Окружной прокурор», я не удержался и скорчил рожу. Следователя на месте не было, но в его кабинете, к счастью, оказался врач, производивший вскрытие. Он подписывал бумаги. Перед тем как выехать сюда, я позвонил Саре Барстоу, поэтому доктор, узнав, кто я, подтвердил, что Лоуренс Барстоу предупредил его о моём визите к следователю и представил меня как доверенное лицо семьи. Про себя я с удовлетворением подумал, что пока это всё закончится, может статься так, что заносчивый Ларри скоро будет накачивать мне спустившие шины.

Однако с доктором я вытянул пустой билет. Он

не сообщил мне ничего нового, чего бы я уже не знал из газет, зато порадовал кучей медицинских терминов, которые не решилась бы напечатать ни одна газета, опасаясь забастовки наборщиков. Я ничего не имею против профессиональной терминологии, потому что без этого не обойтись, но пространные объяснения врача с успехом можно было свести к короткому заключению: о яде ничего определённого не известно, ибо ни в одной из лабораторий анализы не дали ответа. Срезы тканей были направлены также в Нью-Йоркскую лабораторию, но ответа пока нет. Игла как вещественное доказательство находится у прокурора округа, и её предполагают исследовать в другом месте.

— Во всяком случае, — уточнил я, — можно с определённостью сказать, что он умер не от старости или какой-то болезни. А можно ли с той же уверенностью сказать, что он был отравлен, то есть умер насильственной смертью?

Доктор утвердительно кивнул.

— Да, с абсолютной уверенностью. Смерть от сильнодействующего яда. Гемолиз…

— Хорошо. А что вы скажете о враче, давшем в данном случае заключение о смерти в результате коронарного тромбоза?

Доктор выпрямился и застыл, словно его хватил столбняк.

— Я не уполномочен делать какие-либо заключения, мистер Гудвин.

— Я не прошу вас их делать, меня интересует ваше собственное мнение.

— У меня его нет.

— Вы хотите сказать, что оно у вас есть, но вы с ним ни за что не расстанетесь и оставите при себе как память о нашей встрече. Ну, ладно. Всё равно спасибо.

Покидая здание суда, я было подумал, не заглянуть ли ради шутки к адвокату Дервину и попросить ли у него телефон его приятеля Бена Кука. Но моя голова была занята делами поважнее. Когда я наконец снова добрался до клуба «Зелёные луга», было уже за полдень, и я начал подозревать, что день будет неудачным до конца, если мне не повезёт и я не встречусь с доктором Брэдфордом.

Мальчишки, подносчики мячей, вернулись с поля, и мастер представил их мне. Мы быстро договорились: я предложил им бутерброды, бананы и мороженое с пивом, если они посидят со мной где-нибудь в тенёчке. Там и перекусим и попьём пивка. Разумеется, я не оплачу им потерянное

время. Они согласились, мы раздобыли еду и нашли подходящее тенистое дерево.

Один из парнишек, худенький, бледный, с русыми волосами, чаще других обслуживал Мануэля Кимболла, а другой был подносчиком мячей у Питера Оливера Барстоу. Это был коренастый, с шустрыми глазами и веснушчатым лицом мальчуган, которого звали Майк Аллен. Мы устраивались под деревом и ещё не приступили к еде, как он вдруг сказал:

— Знаете, мистер, нам не платят.

— Что ты хочешь сказать? Что вы работаете бесплатно?

— Нам не платят, когда мы не на поле. Так что никакого потерянного времени у нас нет. Мы всё равно сейчас не работаем.

— Неужели? Что-то ты слишком честен. Будешь так продолжать, место в банке тебе обеспечено. Ну-ка, ешь свой сандвич!

Пока они ели, я как бы невзначай завёл разговор о Барстоу и игравшей тогда четвёрке. По тому, как мальчишки бойко затараторили, я понял, что всё это они повторяли уже раз сто перед прокурором Андерсоном, сыщиком Корбеттом, приятелями по работе, перед родными дома и одноклассниками в школе. Мальчишки были сло-

воохотливы и готовы отвечать на любой вопрос. Это не давало мне оснований надеяться, что они скажут что-то новое. В их сознании уже застыла некая картина, и они сами уже в неё поверили. Впрочем, я ничего особого и не ждал, но помнил поговорку Вулфа, что монетка, которую ищешь, может закатиться в самый тёмный уголок, куда не проникает свет. Версии, услышанные от Ларри Барстоу и Мануэля Кимболла, казалось, не могли иметь вариантов. Когда мальчишки всё съели, я, наблюдая за ними, пришёл к выводу, что бледнолицый уже ничего мне не скажет, и отпустил его. Майк остался. Это он обычно таскал на поле сумку Барстоу и собирал его мячи, к тому же он показался мне более смышлёным, и я надеялся, что, может, он что-нибудь заметил, например, как вёл себя доктор Брэдфорд, когда появился на поле. Но он меня разочаровал. Он только запомнил, как доктор запыхался от бега и как все его ждали. Когда Брэдфорд, осмотрев Барстоу, поднялся, то был очень бледен, но спокоен.

Я спросил о сумке с клюшками. Парнишка утверждал, что поставил её в машину Барстоу, прислонив к переднему сиденью.

— Ты был расстроен, Майк, и мог чего-то не запомнить, — убеждал его я. — В таких случаях

люди всегда нервничают и расстраиваются. Может, ты поставил сумку в другую машину?

— Нет, сэр, я не мог этого сделать. Другой машины там не было.

— Или взял чью-то другую сумку?

— Нет, сэр, я не растяпа какой-нибудь. Когда работаешь здесь, то глаз уже намётан, всегда проверяешь по головкам, все ли клюшки в сумке. Когда я поставил сумку в машину, я пересчитал клюшки и заметил, что все они новые.

— Новые?

— Да, сэр, новые.

— Почему? Разве Барстоу поменял клюшки?

— Нет, сэр. Жена ему подарила новый набор клюшек.

— Что?

— Да, сэр.

Мне не хотелось его пугать своей бурной реакцией на его слова. Поэтому я сорвал травинку и стал медленно её жевать.

— Откуда ты знаешь, что его жена подарила ему клюшки?

— Он сам мне сказал.

— Когда он сказал тебе это?

— Когда я подошёл к нему. Он пожал мне руку и сказал, что рад меня снова видеть. Я тоже был

рад, потому что в прошлом году он был моим корешем.

— Подожди, о чём ты говоришь, Майк? Что значит кореш?

Он улыбнулся.

— Мы так называем тех, кто, выбрав нас, уже не меняет.

— Понимаю. Ну и что дальше?

— Он сказал, что рад меня снова видеть, а когда я взял его сумку, то увидел, что все клюшки новые, от Хендерсона, высший класс. Он был рад, что клюшки мне понравились, и сказал, что это жена ему подарила их на день рождения.

Я протянул мальчишке оставшиеся два банана, и он стал снимать с них кожуру, а я молча смотрел на него. Спустя минуту я сказал:

— Ты знаешь, что Барстоу был убит отравленной иглой, которая выстрелила из ручки клюшки?

Он застыл с набитым ртом и молчал, пока наконец не прожевал.

— Я знаю. Это все говорят.

— А ты что, не веришь?

Он упрямо тряхнул головой.

— Пусть мне докажут.

— Почему ты так говоришь?

— Видите ли… — Он снова укусил банан. — Я не верю, что это возможно. Я держал в своих руках немало клюшек и не понимаю, как такое можно сделать.

Я улыбнулся.

— Ты великий скептик, Майк. Знаешь, что говорит мой хозяин по этому поводу? Он говорит, что скептицизм — это хороший сторожевой пёс, если знаешь, когда спустить его с поводка. Ты случайно не знаешь, когда у мистера Барстоу был день рождения?

Он этого не знал. Я ещё попытался расспросить его о чём-то, но ухватиться было не за что, да и перерыв кончался. На поле стали появляться игроки, и мой юный собеседник вскоре окончательно потерял ко мне интерес. Я только было собирался сказать ему, что наш пикник окончен, как он опередил меня. Вскочив с места так быстро, как позволяли ему его молодые ноги, он торопливо бросил:

— Простите, мистер, я там вижу моего игрока! — И был таков.

Я собрал обрывки бумажных пакетов и банановую кожуру и направился к зданию клуба. По сравнению с утром гостей в клубе прибавилось, и мне пришлось просить швейцара найти

управляющего, потому что сам уже не мог его разыскать. Управляющий был занят, но всё же проводил меня в библиотеку и сказал, что она в моём распоряжении. Я скользнул глазами по книжным полкам и сразу же нашёл красный том справочника «Кто есть кто в Америке». Отыскать в нём то, что было нужно, не составило труда, потому что я уже заглядывал в него в библиотеке моего шефа. Я прочёл:

> «Барстоу, Питер Оливер, писатель, педагог, физик; р. в Чэтхеме, штат Иллинойс, 9 апреля 1875 года…»

Поставив справочник на место, я вышел в холл, где были телефонные будки, и, позвонив Саре Барстоу, попросил разрешения заехать. Поместье Барстоу в двух милях от загородного клуба было всё равно по пути, а мне надо было выяснить детали новых обстоятельств, которые стали мне известны. Огибая веранду клуба и направляясь к тому месту, где я оставил свой родстер, я увидел на веранде Мануэля Кимболла. Он стоял в группе беседовавших людей и, увидев меня, кивнул в знак приветствия. Я тоже ответил ему кивком и по тому, как вся его компания повернулась и уставилась на меня, понял, о чём они разговаривали.

Через десять минут я уже был в поместье Барстоу.

Смолл провёл меня не в ту комнату, где я был вчера, а в одну из гостиных. Через несколько минут вошла Сара. Она была бледна, но, как я понял, полна решимости. Не желая того, я своим звонком встревожил её больше, чем нужно. Мне следовало бы сразу сказать ей о причине своего неожиданного визита — не в моих правилах пугать людей, когда это не нужно.

Я встал, она продолжала стоять.

— Я прошу у вас всего несколько минут, — сказал я. — Я бы не беспокоил вас, если бы не неожиданная информация, заинтересовавшая меня. День рождения вашего отца девятого апреля?

У неё был такой вид, словно ей не хватает воздуха. Она только кивнула.

— И в этот день ваша мать подарила ему новый набор клюшек?

— О! — вырвалось у неё, и она ухватилась рукой за спинку стула.

— Прошу вас, мисс Барстоу, успокойтесь и придите в себя. Я уверен, вы знаете, что Ниро Вулф не станет вам лгать, а пока он платит мне, считайте, что я — это он. Мы можем задавать вам любые

каверзные вопросы, но никогда не пойдём на откровенную ложь. Если вас мучили сомнения и вы полагали, что клюшка, при помощи которой был убит ваш отец, могла оказаться в том самом наборе, который ему подарила ваша мать, то выкиньте это из головы. У нас есть основания считать, что там этой клюшки не было и быть не могло.

Она смотрела на меня, губы её шевелились, но слов не было слышно. Боюсь, она не устояла бы на ногах, если бы не держалась за спинку стула. А уцепилась она за неё крепко.

— Может, то, что я вам сказал, что-то значит для вас, а может, не значит ничего, но я счёл нужным сказать вам это немедленно, как только узнал сам. Если это вам поможет, я буду очень рад, но хотел бы рассчитывать на взаимность. Как вы на это смотрите? Мне тоже иногда бывает нужна помощь. Скажите: то, что вы обратились к Ниро Вулфу с такой странной просьбой, связано с подарком вашей матери?

Она обрела наконец дар речи и произнесла:

— Я не верю, что вы можете сказать мне неправду. Это было бы слишком жестоко.

— Да, я не стал бы вам лгать. А если бы и пошёл на такое, то теперь вам бояться нечего, потому

что я знаю о подарке, и вы можете смело, не впадая в панику, ответить на мой вопрос. Значит, именно это так мучило вас всё время?

— Да, — ответила она. — То есть… Да, это.

— Понимаю, ваша матушка бывает непредсказуема, у неё странные фантазии в отношении вашего отца, она дарит ему набор клюшек к дню рождения… А что ещё?

— Ничего. — Она сняла руку со спинки стула, но тут же снова ухватилась за неё. — Мистер Гудвин, я, пожалуй, сяду, — тихо проговорила она.

Я поспешил к ней, взял её за руку, ногой осторожно пододвинул ей стул и не отпускал её руки, пока она не опустилась на него. Сев, она закрыла глаза. Я молча ждал, когда она придёт в себя.

— Вы правы, я должна успокоиться, — наконец сказала она. — Я нездорова. Всё от переутомления. Это началось давно. Я всегда считала свою мать прекрасным человеком, я по-прежнему так о ней думаю, более того, я уверена в этом. Но всё так ужасно! Доктор Брэдфорд думает, что теперь, когда умер отец, она выздоровеет и с ней никогда не повторятся эти… состояния. Но как бы я ни любила её, это слишком дорогая плата. Нам было бы куда лучше без современной психологии. Она раскрывает нам ужасные вещи о нас самих. По

настоянию отца я стала изучать её.

— Но теперь вы можете быть уверены хоть в одном и выбросить все сомнения из головы.

— Да. Но я ещё не способна осознать это, понимание придёт потом. Я хочу поблагодарить вас, мистер Гудвин, я очень виновата перед вами. Вы считаете, что моя мать не имела никакого отношения… что она не могла?..

— Я утверждаю, что девятого апреля, когда ваш отец получил в подарок набор клюшек, в этом наборе не было и не могло быть той клюшки, которая стала причиной его смерти. Она была изготовлена лишь месяц спустя.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен.

— Что ж, это честная сделка, — сказала она и, подняв на меня глаза, попыталась улыбнуться.

Я восхищался её мужеством, понимая, чего стоили ей сомнения и ночи без сна. Каждый, у кого есть хоть капля совести, на моём месте встал бы, откланялся и оставил её в покое. Но интересы дела превыше всего, и я не мог позволить себе упустить такой шанс. Она уже успокоилась, и было самое время попросить её о помощи, чтобы развязать ещё один крепкий узелок.

— Вы не могли бы мне сказать, кто вынул из

машины сумку с клюшками и куда она потом подевалась? — прямо спросил я.

— Её вынул из машины Смолл, — не колеблясь, ответила девушка.

Сердце радостно ёкнуло, как тогда, когда я увидел на лице Вулфа первые признаки того, что его хандра проходит. Теперь-то она мне всё расскажет, подумал я и, не давая ей опомниться, спросил:

— Куда он её отнес?

— Наверх, в кабинет отца.

— Кто взял её потом из кабинета?

— Я, в субботу вечером, после того, как нас посетил мистер Андерсон. В воскресенье его люди произвели у нас обыск. Они искали сумку с клюшками.

— Куда же вы её спрятали?

— Я отвезла её в Территаун, там села на паром и на середине реки бросила сумку в воду. Я предварительно набила её камнями.

— Вам повезло, что вас не выследили. Вы, надеюсь, хорошо осмотрели клюшку номер один, разобрали её на части?

— Мне было не до того, я очень спешила.

— Вы не осмотрели клюшку? Вы даже не вынули её из сумки?

— Нет.

Я изумлённо глядел на неё.

— Я был лучшего о вас мнения, мисс Барстоу. Не думал, что вы окажетесь столь глупой. Вы обманываете меня.

— Нет, нет, мистер Гудвин! Это правда.

Я всё ещё не мог прийти в себя.

— Значит, вы проделали всё это, даже не поинтересовавшись клюшкой? О, женщины! А что в это время делали ваш брат и доктор Брэдфорд? Играли в бильярд?

Девушка покачала головой:

— Они к этому не имеют никакого отношения.

— А теперь доктор Брэдфорд утверждает, как вы сказали, что вашей матери станет лучше…

— Если он так думает…

Она остановилась. Я совершил ошибку, упомянув о её матери. Она снова замкнулась. После минутного молчания она наконец подняла голову и посмотрела на меня. Я впервые увидел в её глазах слёзы, две слезинки, повисшие на ресницах.

— Вы просили, мистер Гудвин, сделать шаг вам навстречу. Я его сделала.

Она была похожа на испуганного ребёнка, который пытается продемонстрировать свою

храбрость. Я невольно протянул руку и ободряюще коснулся её плеча.

— Вы молодчина, мисс Барстоу. А теперь я оставлю вас в покое.

Я вышел в холл, взял свою шляпу и уехал. И всё же, повторял я себе по дороге, осталась куча всяких «но». И среди них — чувство, что, несмотря на дочернюю преданность Сары и тот факт, что девушка мне нравилась, я бы с удовольствием, по-отцовски, положил бы её себе на колени и отшлёпал как следует. Подумать только, даже не взглянула на клюшку! Но приходилось ей верить, и я действительно верил. Она ничего не придумала, так всё и было. Итак, прощай, клюшка. С большим трудом, правда, её можно было бы поднять со дна реки, но обошлось бы это в сумму большую, чем удалось бы выудить из Ниро Вулфа. Так что о клюшке придётся забыть.

Проезжая Уайт-Плейнс, я опять едва удержался от соблазна завернуть в окружную прокуратуру и предложить Андерсону пари на десять долларов, что сумка с клюшками, среди которых клюшка, убившая Барстоу, лежит на дне реки Гудзон на полпути между Территауном и Наяком. Неплохая мысль, думал я, прокурору ничего не стоит послать туда парочку катеров и кошками пошарить

по дну реки. Но судя по тому, как развивались события, этого, пожалуй, делать не стоило.

Я решил вернуться в Нью-Йорк другой дорогой, по шоссе Блюберри, и ради любопытства посмотреть на то место, где нашли тело Карло Маттеи. Не то чтобы я надеялся найти там булавку от галстука убийцы или его водительские права, валяющиеся на траве, просто я подумал, что не мешает ещё разок взглянуть на это место. Однако я и без того поломал распорядок дня, заехав в поместье Барстоу. Пожалуй, лучше всего позвонить Ниро по телефону уже из города.

Я выбрал кратчайший путь в Нью-Йорк. На Парк-авеню я позвонил шефу из аптеки. Около полудня он снова попытался связаться с Брэдфордом, но тот по-прежнему занят и к телефону не подходил. Вулф посоветовал мне нанести визит доктору. Я и без него уже понял, что означает эта постоянная занятость доктора Брэдфорда — всё кончится тем, что он куда-нибудь сбежит. Поэтому через десять минут я уже был на Сорок девятой улице. Машину я оставил за углом.

Клиника доктора Брэдфорда стоит того, чтобы о ней упомянуть. Вестибюль был достаточно просторным, чтобы высадить вдоль стен бразильский папоротник, а приёмная была просто

величественной, хотя мебель, ковры и картины отнюдь не были кричаще роскошными, наоборот, они свидетельствовали о вкусе и скромности. И тем не менее было ясно, что всё здесь делается с размахом, включая счета за приём. Приёмная оказалась совершенно пустой. Сестра в накрахмаленном белом халатике, сидевшая за столом, сообщила, что доктора Брэдфорда ещё нет. Она, казалось, была немало удивлена тем, что я этого не знаю. Затем она справилась, постоянный ли я пациент и бывал ли на приёме раньше, и соизволила наконец объяснить, что ранее половины пятого доктор приём не начинает. И вообще он не принимает без предварительной записи. Когда я заметил, что именно по этому поводу и хотел бы его повидать, она удивлённо подняла брови. Пришлось ретироваться.

Сначала я подумал, что, пожалуй, стоит подождать его здесь, но было лишь три часа, поэтому я сел в машину и стал обдумывать сложившуюся ситуацию, надеясь, что у меня родится какая-нибудь идея, как с пользой провести это время. Через минуту я нашёл ответ. Заглянув в один из ресторанчиков на Парк-авеню и полистав телефонную книгу, я сел в машину и нажал стартер.

Сначала я ехал по Шестьдесят девятой улице,

потом свернул на Пятую авеню и наконец, выехав на Сорок первую, взял курс в восточную часть города. Конечно, припарковаться в Нью-Йорке — целая проблема. Машины сплошной стеной стоят у края тротуара, уткнувшись друг другу в задний бампер. Пришлось ехать почти до Третьей авеню, пока наконец отыскалось местечко для моей машины. Пройдя назад два квартала, я нашёл нужный мне адрес. Это был совсем новый дом, высотой с милю. В справочнике было сказано, что то, что мне нужно, надо искать на двадцатом этаже. Лифт мигом доставил меня туда, и я легко нашёл дверь с табличкой «Медицинский вестник столицы». В приёмной за столом сидел молодой человек, что уже было приятным сюрпризом.

— Я хотел бы попросить вас об одолжении, если вы не очень заняты и согласны мне помочь, — обратился я к нему. — Мог бы я получить у вас сведения о конференциях или семинарах медицинских ассоциаций, состоявшихся в Нью-Йорке пятого июня сего года?

Он улыбнулся.

— Видит Бог, я не так уж занят. Разумеется, я готов вам помочь. Одну минуту. Вы сказали пятого июня?.. — Он отправился к стеллажам и снял с него один из журналов. — Это наш последний

выпуск, здесь должно быть то, что вам нужно.

Он стал листать журнал, потом остановился, разглядывая страницу. Я терпеливо ждал.

— За пятое июня таких сведений нет. Посмотрим в разделе последних новостей и объявлений. Вот, есть. Пятого июня в отеле «Никербокер» состоялась конференция Нью-Йоркской ассоциации невропатологов.

Я попросил разрешения взглянуть, и он передал мне журнал. Я пробежал глазами нужный мне абзац.

— Это всего лишь сообщение о конференции. Вы, разумеется, печатаете их заранее. А нет ли у вас чего-нибудь вроде отчёта или стенограммы?

Он покачал головой.

— Это появится в следующем номере. Что именно вас интересует? Возможно, это можно найти в газетах.

— Может быть. Сегодня я газет не видел. Меня интересует доклад доктора Брэдфорда. Собственно, меня интересует, был ли он на этом заседании. Вы случайно не знаете?

Он пожал плечами.

— Если вам так нужно узнать, почему не спросить у него лично?

Я ухмыльнулся.

— Не хочу его беспокоить по пустякам. Разумеется, это самый простой выход, но я случайно оказался рядом с вами и подумал, что, узнав это у вас, сэкономлю время.

— Подождите, я сейчас, — внезапно произнес молодой человек и исчез за дверью, ведущей во внутренние помещения редакции. Вернувшись, он сообщил: — Мистер Элиот утверждает, что доктор Брэдфорд не только был на заседании, но даже читал там доклад.

Мистер Элиот, как сообщил мне юноша, был редактором «Вестника». Я осведомился, не мог бы я поговорить с ним. Молодой человек тут же снова исчез за дверью, и через минуту в приёмную вошёл крупный краснолицый мужчина в жилетке.

— В чём дело? О чём идёт речь? — поинтересовался он.

Я объяснил ему. Он вытер лоб носовым платком и рассказал мне о конференции и о том, как доктор Брэдфорд прочитал чрезвычайно интересный доклад, неоднократно прерывавшийся аплодисментами. Сейчас он пишет об этом статью для августовского номера «Вестника». На мои уточняющие вопросы молодой человек ответил, что действительно имеет в виду доктора Натаниэля Брэдфорда, имеющего кабинет на Шестьдесят

девятой улице. Он знает доктора много лет. Разумеется, он не может сказать мне точно, в котором часу тот приехал в отель, но обед и конференция состоялись во второй половине дня. В семь вечера он видел доктора в ресторане, а в десять тридцать на трибуне конференц-зала.

Кажется, я ушёл, не попрощавшись. Возвращаясь, я, как последний мальчишка, испытывал бешенство от неудачи. Какого чёрта Брэдфорд оказался на этом заседании, да ещё читал там какой-то доклад, когда, по моим расчетам, он должен был в это время всадить нож в спину Карло Маттеи в округе Вестчестер!

Я думаю, не будь я так зол, я бы ещё год добивался встречи с доктором Брэдфордом. Но злость мне помогла. Когда я вновь появился в его приёмной, там было всего два пациента. Доктор в кабинете вёл приём. Я попросил у сестры листок бумаги, сел, подложил под него какой-то журнал и быстро набросал записку следующего содержания:

«Доктору Брэдфорду. В течение последних нескольких дней я считал вас убийцей, а теперь оказалось, что вы просто старый олух. Такой же комплимент хочется сделать миссис Барстоу, её сыну и её дочери. Мне понадобится всего три минуты, чтобы объяснить вам, почему я так думаю.

Арчи Гудвин по поручению Ниро Вулфа».

Доктор Брэдфорд уже принял первых двух пациентов, но за это время в приёмной появились новые. Я предупредил сестру, что сейчас моя очередь. Она рассердилась и принялась мне объяснять, что такое предварительная запись, но я бесцеремонно прервал её:

— Землетрясения не произойдёт, если вы передадите доктору эту записку. Поверьте, я очень спешу, дома меня ждёт маленькая сестричка. Не вздумайте читать записку, там неприличные слова.

Сестра с отвращением посмотрела на меня, но записку взяла и скрылась за дверью кабинета. Через минуту она уже стояла на пороге и называла мою фамилию. Я не оставил в приёмной свою

шляпу, а прихватил её с собой, на тот случай, если вызовут полицию.

Одного взгляда на доктора Брэдфорда было достаточно, чтобы понять, насколько нелепы и смехотворны были мои подозрения. Жаль, что я не увидел его раньше, тогда бы мне в голову не полез этот дурацкий бред. Он был высок ростом, очень серьёзен и необычайно вежлив. Настоящий джентльмен старой закваски, к тому же с бакенбардами. В прошлом веке случалось, что джентльмены с бакенбардами убивали ножом беззащитных жертв, но это было так давно. Сейчас представить такое невозможно. Ко всему прочему, доктор Брэдфорд был сед как лунь. Сказать по правде, каким бы бесспорным после посещения редакции «Медицинского вестника» мне ни казалось его алиби на пятое июня, я по-прежнему был склонен искать в нём уязвимые места, чтобы хоть за что-то зацепиться.

Я подошёл к его столу, а он молча смотрел на меня и ждал, когда сестра закроет за собой дверь.

— Вы Гудвин и тоже гений? — поинтересовался он.

— Да, сэр, — ухмыльнулся я. — Заразился от Ниро Вулфа. А-а, вспомнил: Вулф похвастался перед мисс Барстоу, что он гений, и она, разуме-

ется, рассказала вам. А вы, конечно, решили, что это шутка?

— Нет. Я человек широких взглядов. Но кем бы вы ни были, гением или упрямым ослом, я не могу из-за вас заставить своих пациентов ждать. Что означает ваша записка? Даю вам три минуты на объяснение.

— Вполне достаточно. Скажем так: Ниро Вулф располагает некоторыми фактами. На основании этих фактов он пришёл к заключению, как и почему умер Барстоу. Вскрытие подтвердило правильность его заключения и таким образом косвенно подтвердило правильность фактов. Следовательно, они стали неотъемлемой частью общей картины, и тот, кто убил Барстоу, должен соответствовать подтвержденным фактам. Никто из семейства Барстоу им не соответствует.

— Продолжайте.

— Продолжать?

— Это лишь общие слова. Уточните, что конкретно вы имеете в виду.

— Нет, увольте. — Я решительно тряхнул головой. — Гении так не работают. Вам не удастся вытряхнуть нас, как мешок из-под орехов. Во-первых, на конкретное подтверждение трёх минут мало. На это потребуется куда больше

времени. Во-вторых, ничто не делается за просто так. Что вас заставило перепутать тромбоз коронарных сосудов, скажем, с эпилепсией, а после этого бояться подходить к телефону в течение нескольких дней? Или вы считаете само собой разумеющимся, что Ниро Вулф тратит своё время и деньги на то, чтобы разогнать тучи, сгустившиеся над вашей головой? Не думайте, что он согласится разгребать ваши неприятности. Считаете, что я написал вам эту записку лишь для того, чтобы полюбоваться на ваши бакенбарды? Нет, вы порядочный нахал!

— Чёрт побери! — не выдержал старикан. — Ваше негодование очень эффектно и впечатляет, но это только слова. — Доктор посмотрел на часы. — Думаю, мне не надо говорить вам, мистер Гудвин, как вы меня заинтриговали. И хотя я по-прежнему считаю извлечение скандалов из могил недостойным способом зарабатывать на жизнь, я буду признателен вам и Ниро Вулфу, если ваше заявление будет подкреплено доказательствами. Вы могли бы прийти сюда в половине седьмого?

Я покачал головой.

— Я всего лишь посыльный. Ниро Вулф обедает в семь. Он живет на Западной Тридцать пятой улице и приглашает вас отобедать с ним сегодня.

Вы согласны?

— Разумеется, нет!

— Хорошо, тогда всё. — Мне уже порядком надоел этот замшелый столп общества. — Если вас от любопытства будет мучить чесотка, не вините нас. Особой нужды в ваших секретах у нас нет, просто хотелось по ходу дела во всём разобраться. Мои три минуты истекли.

Я повернулся, чтобы уйти, но не особенно спешил. Когда я коснулся дверной ручки, за спиной я услышал голос:

— Мистер Гудвин.

Не отпуская дверную ручку, я обернулся.

— Я принимаю приглашение мистера Вулфа, — произнёс доктор. — Буду у вас в семь.

— О'кэй. Я дам адрес вашей секретарше.

С этими словами я вышел.

Глава 12

Я часто гадал, сколько в Нью-Йорке найдётся людей, готовых дать Вулфу деньги взаймы. Я насчитал чуть больше тысячи, потом, подумав, ужал до тысячи. Конечно, тех, кто остался ему благодарен, гораздо больше, но есть и такие, у кого осталось достаточно причин ненавидеть его. Я понимал, что надо быть в определённых отношениях с человеком, прежде чем захочешь попросить у него денег, и, к тому же надо быть уверенным, что в ответ получишь деньги, а не недовольную гримасу или смущённое бормотание. Для этого должны быть взаимное доверие, доброжелательность, благодарность, не омрачённая сознанием обязательства, что всегда тяготит и оставляет чертовски неприятный осадок. Да, пожалуй, не более тысячи. Я не скажу, чтобы Вулф когда-нибудь злоупотреблял этим. Помню, пару лет назад, когда нам действительно понадобились деньги, я предложил обратиться к мультимиллионеру, который был обязан моему шефу такой безделицей, как собственная жизнь. Но Вулф, не задумываясь, отверг мою идею. «Нет,

Арчи, — сказал он. — В природе есть закон: преодолев инерцию, движущая сила возрастает. Начав брать деньги в долг, я кончу тем, что уговорю министра финансов отдать мне золотой запас страны». На что я ему ответил, что, судя по состоянию наших дел, мы нашли бы применение золотому запасу, и не только ему. Однако Вулф наотрез отказался брать деньги в долг.

Следует заметить, что после обеда в среду в мой список безоговорочно был внесён доктор Натаниэль Брэдфорд. Вулф очаровал его, как он это умеет, если захочет. До прихода доктора, между шестью и семью, я коротко информировал Вулфа о событиях дня. За столом я сразу заметил, что Вулф разделяет моё мнение, что доктор Брэдфорд вне подозрений. Мой хозяин держался на редкость непринуждённо. Обычно от моего намётанного взгляда не ускользает тот момент, когда в беседе Вулф вдруг переходит на официальный тон, всегда означающий одно — у его собеседника прибавилось шансов угодить за решётку, и не без его, Вулфа, помощи.

На этот раз хозяин и гость беседовали об альпийских садиках, экономике страны и политиках

из Таммани Холла[4]. Вулф выпил три бутылки пива, Брэдфорд — бутылку вина. Я пил молоко, правда, до обеда у себя в спальне подкрепился рюмочкой хлебной водки. Разумеется, я рассказал Вулфу, что думает старый доктор о профессии сыщика, и добавил от себя, как я расцениваю подобный выпад. На что Вулф ответил:

— Не принимай близко к сердцу, Арчи, это всего лишь пережиток фетишизации варварских предрассудков.

— Ещё одно эффектное изречение без всякого смысла.

— Ошибаешься, Арчи. Я не терплю дешёвых эффектов, пора бы знать. Создав манекен по своему образу и подобию и дав ему в нос, не будешь же ты ждать, что и у тебя пойдёт кровь из носа?

— У меня — нет, а вот ему, когда всё это закончится, я бы с удовольствием врезал.

Глядя на мою нехорошую ухмылку, Вулф скорбно вздохнул.

— Вот видишь, моё изречение не так уж лишено смысла.

После обеда, в кабинете, Вулф предупредил старого доктора, что, хотя у него есть вопросы,

---

[4] Примечания: 4
Штаб-квартира демократической партии в Нью-Йорке.

он всё же начнёт не с них, и рассказал всё: о Карло Маттеи, газетных вырезках, об испуге Анны Фиоре, когда он спросил о клюшке, о его, Вулфа, попытке заключить пари с окружным прокурором Андерсоном, о письме и ста долларах, которые получила Анна. Рассказал всё, что знал, и закончил словами:

— Начав свой рассказ, я не взял с вас обещания, что всё останется между нами, но теперь я прошу вас об этом, ибо здесь затрагиваются и мои интересы. Я хочу получить пятьдесят тысяч долларов.

Брэдфорд успокоился и размяк. Он всё ещё не понимал Вулфа, но уже не питал к нему недоверия и обиды, а от доброго вина вообще стал видеть в нём своего друга.

— Удивительная история, — заметил доктор. — Удивительная. Разумеется, я никому не расскажу, я ценю ваше доверие. Я не совсем понял отдельные детали и ещё кое-что, но прекрасно понял одно: правда о смерти Барстоу необходима вам для поисков убийцы Карло Маттеи. И, как я понимаю, вы сняли с Сары и Ларри груз гнетущего страха, а меня освободили от ответственности, которая оказалась большей, чем я вправе был на себя брать. Я благодарен вам, поверьте.

Вулф снисходительно кивнул.

— Разумеется, есть кое-какие нюансы, которые ускользнули от вас. Но главное мы установили: ни миссис Барстоу, ни её сын и дочь, а также вы, доктор Брэдфорд, не убивали Карло Маттеи, а роковая клюшка никак не могла попасть в сумку Барстоу. Правда, остаётся теоретическая возможность того, что вы убили Барстоу все вместе, сговорившись. В таком случае также теоретически можно предположить наличие соучастника, которому поручалось убрать Карло Маттеи.

Брэдфорд насторожился и уставился на Вулфа, но сразу успокоился.

— Ерунда. Вы сами в это не верите. — Он всё же не отрывал от Вулфа настороженного взгляда. — Действительно ведь, не верите? А почему?

— Мы ещё вернёмся к этому. А теперь ответьте: моя откровенность заслуживает ответной откровенности с вашей стороны?

— Я с вами вполне откровенен.

— Раз так, скажите, когда и как миссис Барстоу покушалась на своего мужа?

Было интересно наблюдать за Брэдфордом. Сначала он испугался, затем собрался и замер, но потом, сообразив, что выдаёт себя, изобразил искреннее удивление.

— О чём вы? Это просто смешно!

Вулф погрозил ему пальцем.

— Прошу не подозревать меня в какой-либо хитрости. Просто я ищу факты, которые подтвердили бы мой вывод. Но, кажется, прежде мне следует объяснить, почему я отказался от подозрений в отношении вас и семьи Барстоу. Знаете, я не чувствую, что вы виноваты. Да, не чувствую. Конечно, такое чувство или же отсутствие его можно объяснить. Давайте рассмотрим имеющиеся условия: жена, или сын, или же дочь терпеливо, тщательно и коварно готовят убийство главы семейства и хитроумное орудие, чтобы совершить его. Если это жена или дочь, нужен соучастник, чтобы убить Маттеи, нужен он и сыну, поскольку сам он Маттеи не убивал. Но Арчи Гудвин побывал в поместье. Многочасовое пребывание там в этом случае могло бы его насторожить, он что-нибудь заметил бы и рассказал мне. Вам, чтобы избавиться от Маттеи, тоже понадобился бы помощник. Я провёл с вами вечер, я вас уже знаю. И хотя вы вполне способны убить, но не таким причудливым способом, да и соучастнику вы никогда бы не доверились. Таков разумный ход мыслей.

— Тогда почему…

— Подождите, я ещё не закончил. Вы — опытный, знающий врач и тем не менее удостоверили смерть от сердечного тромба, когда налицо были другие симптомы. Вы, уважаемый, всем известный человек, рисковали своей репутацией. Следовательно, вы кого-то хотели прикрыть. И показания, которые дала Арчи Гудвину мисс Барстоу, подтверждают это. Увидев Барстоу мёртвым, вы сразу подумали, что его убила жена. А чтобы прийти к такому чудовищному выводу, нужны были весьма веские причины, не просто невротические срывы миссис Барстоу или её желание смерти мужа. Если бы все желания приводили к убийству, они совершались бы ежедневно на каждой кухне. У вас были другие, более серьёзные основания для подозрений: или вам было известно, что замышлялось убийство, или же миссис Барстоу уже когда-то делала попытку. Поскольку факты не подтверждают первого предположения, остаётся второе. Поэтому я вас спрашиваю: когда и как она пыталась это сделать? Прошу вас, дайте мне полностью отработать мою версию, чтобы потом мы могли предать её истории.

Брэдфорд задумался. От его спокойствия и благодушия ничего не осталось. Он слушал Вулфа, подавшись вперёд всем телом.

— Вы посылали кого-нибудь в университет? — быстро спросил он.

— Нет.

— Там знают. Ваша догадка верна. В ноябре прошлого года миссис Барстоу стреляла в мужа, но промахнулась. После этого у неё было нервное потрясение.

Вулф понимающе кивнул.

— Следовательно, это произошло в момент нервного припадка… Но я по-прежнему не совсем понимаю вас, доктор… Можно ли на основании временного нервного срыва делать заключение, что человек способен на тщательно подготовленные злодейские действия?

— Я таких выводов не делал. — Брэдфорд был в полном отчаянии. — Господи, передо мной лежал мёртвым мой лучший друг, по всем признакам отравленный. Как мог я тогда определить, чем и как его отравили? Я знал, что сказала день назад Эллен, то есть миссис Барстоу. И я поверил своим чувствам. Только мои чувства меня обманули. Я хотел тихо, без всякого шума похоронить его и, поверьте, не испытывал при этом угрызений совести. А потом неожиданное вскрытие и такие результаты… Я был испуган, ошарашен, потрясён, чтобы действовать разумно. Когда миссис

Барстоу предложила вознаграждение за поимку убийцы, я пытался отговорить её, но безуспешно. Иными словами, я струсил…

Я не заметил, как Вулф нажал кнопку звонка, но когда Брэдфорд закончил свою исповедь, Фриц уже стоял на пороге кабинета.

— Портвейн для мистера Брэдфорда и пиво для меня, — распорядился Вулф. — А ты, Арчи?

— Нет, спасибо, — отказался я.

— Я тоже не буду, — сказал Брэдфорд, — мне надо торопиться, скоро одиннадцать, а мне ехать за город.

— Но, доктор, — возразил Ниро, — вы мне ещё не сказали одной вещи. Всего пятнадцать минут, прошу вас. Пока вы лишь подтвердили несколько не столь уж существенных моих догадок. Вы заметили, как я старался завоевать ваше доверие и уважение? И всё для того, чтобы задать этот вопрос и получить на него честный и исчерпывающий ответ. Кто убил вашего друга Барстоу?

Поражённый доктор не верил своим ушам.

— Не думайте, что на меня так подействовало пиво, я просто весьма эмоционален, — пояснил Вулф. — Мне кажется, я был рождён актёром, — продолжал он. — Мой вопрос нуждается в соответствующей обстановке. Поверьте, доктор,

вопрос действительно серьёзный. Поэтому прошу вас достойно ответить на него. Но прежде отбросьте всякие страхи. Я имею в виду подозрения в отношении миссис Барстоу. Освободитесь от этого. Поверьте, несмотря на все ваши подозрения, миссис Барстоу не убивала своего мужа. Возникает закономерный вопрос: кто сделал это? Кто, набравшись дьявольского терпения, употребил свой извращённый ум злодея на то, чтобы изготовить смертоносную игрушку, убившую Барстоу? Ведь вы считаете себя самым старым и верным его другом, не так ли?

— Да, — согласился Брэдфорд. — Мы знали друг друга ещё мальчишками.

— Вы доверяли друг другу? Хотя ваши жизненные интересы были разными и время от времени разделяли вас, вы всегда оставались единомышленниками?

— Очень верно замечено. Наше доверие друг к другу ни разу не было поколеблено за все эти пятьдесят лет.

— Превосходно. Но кто мог убить его? Вот какого ответа я жду от вас, доктор. Возможно, он что-то сказал или сделал в прошлом, что могло породить у кого-нибудь навязчивую идею убить его. Возможно, вы слышали обрывки фраз, слова.

Поворошите вашу память, пусть она что-нибудь подскажет вам, ибо это может относиться к самому далёкому прошлому. И не бойтесь воспоминаний. Ведь я не прошу вас выносить обвинительный приговор. Опасность не в том, что может пострадать невиновный, а в том, что преступник избежит кары и будет гулять на свободе.

Фриц принёс портвейн и пиво, и доктор, откинувшись в кресле и держа стакан с портвейном в руке, любовался игрой света в его тёмно-рубиновой глубине. Он вдруг вскинул голову, кивнул в знак согласия с последними словами Вулфа и снова предался созерцанию вина в стакане. Вулф налил себе пива, подождал, пока осядет пена, и залпом выпил его. Я помнил, что где-то в карманах у него должен был находиться платок, но, увы, такое по его рассеянности случалось не всегда. Поэтому я поспешил вынуть из ящика стола запасной платок и протянул его хозяину. На такой случай у меня всегда припасены чистые носовые платки.

— Прошлое ничего мне не подсказывает, — наконец промолвил Брэдфорд. — Я удивлён и в некотором роде озадачен этим. С другой стороны, мне понятно, почему я так легко поверил, что

миссис Барстоу может быть… ответственной, вернее, не может… В моём подсознании отложилось, и я поверил, что никто другой не мог этого сделать. Теперь я всё больше понимаю, каким необыкновенным человеком был Пит Барстоу. Мальчишкой он был несколько несобранным, но став мужчиной, он всегда решительно отстаивал то, во что верил. Я не мог представить, что кто-то, мужчина или женщина, желал бы причинить ему зло. Таких просто нет.

— Кроме неё?

— Нет, даже она. Она стреляла в него с расстояния десяти шагов. Пуля пролетела мимо…

— Что ж, — вздохнул Вулф и выпил ещё один стакан пива. — Боюсь, мне не за что благодарить вас, доктор.

— Видимо, вы правы, — вынужден был согласиться тот. — Поверьте, я бы с радостью помог вам, если бы это было возможно. Вы не представляете, что творится у меня внутри. Теперь, когда я знаю, что Эллен вне подозрений, я совсем не осуждаю её за назначение вознаграждения. Более того, я увеличил бы сумму. Что это? Жажда отомстить за Пита? Как вы считаете? Я уверен, случись такое со мной, он тоже чувствовал бы себя так же.

С моей точки зрения, вечер был потерян впустую. В последние десять минут я даже задремал и почти не слышал, о чём шла беседа. Я решил, что теперь Вулфу придётся пустить в ход всё своё чутьё, чтобы раскрыть убийство, совершённое не иначе как призраком. Если всё не так, как он вычислил, то каким образом в теле Барстоу оказалась отравленная игла? Никто не хотел его смерти.

Вечер хоть и пропал, но под конец принёс мне некоторое удовлетворение. Брэдфорд, встав с кресла, направился к Вулфу, чтобы откланяться. Я заметил, что старикан несколько мнётся.

— Есть ещё один момент, который я хотел бы пояснить, мистер Вулф, — произнёс он. — Я… в некотором роде должен принести свои извинения за то, что неудачно высказался в присутствии вашего помощника. Крайне неумное и неуместное высказывание по поводу выкапывания скандалов из могил…

— Ничего не понимаю. Какие извинения? — На лице шефа возникло выражение искреннего удивления. — Собственно, при чём здесь я?

Единственным спасением для бедняги Брэдфорда было бегство. И он этим незамедлительно воспользовался.

Проводив достопочтенного старого джентльмена и закрыв дверь на засов, я, прежде чем вернуться в кабинет, зашёл в кухню за своим стаканом молока. На ходу я заметил Фрицу, что, поскольку он сегодня здорово опустошил запасы отличного портвейна, он может закрывать свою лавочку.

Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Я сел и стал небольшими глотками попивать молоко. Покончив с этим занятием и не зная, что делать дальше, я вдруг неожиданно для себя самого произнёс целую речь.

— Итак, леди и джентльмены, — начал я, — суть вопроса в том, что нет никакого, чёрт побери, смысла тратить гений, цена которому миллион долларов, на то, чтобы нюхом учуять такое явление, как отравленная игла в теле человека, игла, которой там, как выяснилось, не должно было быть, ибо на то не было никаких оснований. Однако можно поставить вопрос иначе: если что-то попадает туда, куда ему не следовало попадать, то что получается в таком случае? Если, скажем, сумка с клюшками находилась в доме Барстоу целые сутки до того, как произошло убийство, не следует ли из этого, что, возможно, у кого-то из слуг фантазия куда более буйная, чем у хозяйки

дома, миссис Барстоу? Разумеется, нельзя также игнорировать и мнение мисс Сары Барстоу, что подобное невозможно, и моё возражение, что такое нежелательно. Господи, до чего не хочется опрашивать прислугу! Но ничего не поделаешь, завтра с утра еду в поместье Барстоу и приступаю к опросу горничных. Ибо, похоже, дело обстоит так: или прощай пятьдесят тысяч долларов, или допрос на кухне. Иного не дано. Выходит, мы вернулись туда, откуда начали. — Я остановился.

— Продолжай, Арчи, — сказал Вулф, не открывая глаз.

— Не могу, противно. Знаете, что я вам скажу? Мы потерпели поражение. Тот, кто всадил в Барстоу отравленную иглу, умнее нас. Мы ещё пару дней будем водить всех за нос, допрашивая прислугу, занимаясь поисками того, кто поместил объявление в газете, и тому подобной чепухой, но то, что мы потерпели фиаско, так же бесспорно, как то, что вы доверху полны пивом.

Вулф открыл глаза.

— Я собираюсь теперь пить не более пяти кварт в день. Двенадцать бутылок. В бутылке менее пинты. А сейчас я иду спать. — Он начал свои обычные приготовления, чтобы подняться с кресла, и наконец поднялся. — Кстати, Арчи, ты

мог бы завтра встать пораньше? Надо попасть в гольф-клуб до того, как мальчишки выйдут на поле со своими корешами. Кажется, это единственный удачный эпитет из сленга, который ты мне принёс за последнее время. Может, тебе удастся прихватить и тех двух, что в это время находятся в школе. Было бы отлично, если бы все четверо были завтра у меня в одиннадцать утра. Предупреди Фрица, что у нас будут гости. Что едят мальчишки этого возраста?

— О, всё подряд, что дадут.

— Скажи об этом Фрицу.

Как только я убедился, что он благополучно втиснулся в лифт, я поднялся по лестнице к себе, поставил будильник на шесть утра и лёг спать.

Утром, ведя машину по шоссе Парквей на север, я не встречал утреннюю зарю песней. Я всегда рад, когда у меня есть дело, но на этот раз оно доброго слова не стоило. Мне не следует напоминать о том, что Ниро Вулф — чудо природы, но свидание с мальчишками — явный удар мимо лузы. Более чем когда-либо я теперь понимал, что мы зашли в тупик, раз Вулф не смог придумать ничего лучшего.

Но тут ход моих мыслей прервал полицейский. Шоссе, ведущее на север, в этот ранний

час обычно безлюдно, и я набрал скорость свыше пятидесяти миль в час. И тут же меня засёк ковбой на мотоцикле. Я подрулил к краю шоссе. Полицейский потребовал права, я послушно предъявил их. Полицейский полез в карман за штрафными квитанциями.

— Я понимаю, что превысил скорость, — деловито заговорил я. — Наверное, вам совсем не интересно знать причину, но я тороплюсь в Уайт-Плейнс на встречу с окружным прокурором, мистером Андерсоном. Важная информация по делу Барстоу, вы, должно быть, слышали. Прокурор ждёт…

Полицейский приготовил карандаш.

— Ваше удостоверение?

Я протянул ему свою визитную карточку.

— Я частный сыщик. Мой шеф, Ниро Вулф, начал всю эту заварушку.

Полицейский вернул мне мою визитку и права.

— Ладно, поезжайте. Только не вздумайте набирать высоту и прыгать через заборы.

После такого напутствия мне стало легче на душе. Может, в конце концов нам всё же повезёт.

Двух мальчишек я сразу нашёл в клубе, но мне понадобилось около часа, чтобы заполучить двух

остальных. Они учились в разных школах, и если одного не пришлось долго убеждать совершить прогулку в Нью-Йорк, другой, видимо, уже сейчас готовился к научной степени или, по меньше мере, играл роль первого ученика в классе и любимца учителя. Начал я с беззлобного подшучивания, а когда не помогло, стал напирать на справедливость, права человека и гражданский долг каждого. Это у них с директрисой школы имело больший успех. Не особо веря в нашу дальнейшую дружбу, я посадил его с другим парнишкой на заднее сиденье, а двух остальных рядом с собой, и мы покатили в Нью-Йорк. Теперь я следил, чтобы стрелка спидометра держалась на цифре сорок, ибо не мог рассчитывать на благосклонность прокурора Андерсона.

Без четверти одиннадцать мы были дома. Я провёл мальчишек на кухню и угостил их бутербродами, поскольку до ланча оставалось два часа. Я хотел подняться с ними на чердак и показать им оранжерею, но времени уже не оставалось. Я записал фамилию и адрес каждого. У одного из них, бледного худого паренька, обслуживавшего в гольф-клубе Мануэля Кимболла, было грязное лицо, и я отвёл его в ванную. Когда наконец появился Вулф, я уже вполне освоился с ролью

вожатого бойскаутов.

В кабинете я поставил четыре стула в ряд. Вошёл шеф с букетом орхидей. Поставив цветы в вазу, он опустился в кресло и перебрал почту на столе. Разумеется, войдя, он поздоровался с мальчиками, а теперь, удобно устроившись в кресле, внимательно их разглядывал. Мальчишки смущённо ёрзали на стульях.

— Прости, Арчи, но ты плохо подготовил сцену, — заявил Вулф и, повернувшись к тому, кто сидел с краю, пареньку с рыжей копной волос и голубыми глазами, спросил: — Как вас зовут, сэр?

— Уильям А. Райли.

— Благодарю вас. Не будете ли вы любезны передвинуться вместе с вашим стулом вот сюда, поближе к стене? Вот, теперь лучше. А вас как зовут? — обратился он к следующему.

Знакомясь с ребятами и меняя их местами, он наконец рассадил их так, как ему хотелось.

— Кто из вас не поверил, что Питер Оливер Барстоу был убит иглой, выброшенной из рукоятки клюшки? Не стесняйтесь, я просто хочу познакомится с вами. Так кто же?

— Я, — сказал коренастый Майк.

— А, Майк Аллен. Ты ещё так молод, Майк, и

привык, что в жизни всё идёт размеренно, изо дня в день. Тебе ещё предстоит узнать, что в ней случаются весьма странные вещи. Я хочу, господа, рассказать вам одну историю. Прошу внимательно выслушать меня, потому что мне бы хотелось, чтобы вы её поняли. Всё это произошло на самом деле. Однажды состоялась конференция психологов, их собралось не менее сотни. Психолог — это, как бы вам сказать, человек, наблюдающий и любопытствующий, как и почему ведут себя другие люди. Без ведома собравшихся было решено провести эксперимент: в зал неожиданно вбегает человек, бежит по проходу между креслами, а за ним гонится другой с пистолетом в руке. В другую дверь вбегает третий человек. Второй стреляет в первого, а третий сбивает его с ног и отнимает пистолет. Все трое убегают в разные двери. После этого поднимается один из присутствующих, успокаивает взволнованное собрание, говорит, что всё это было проделано нарочно, и просит коллег детально описать всё, что они видели. Все сделали это, их описания были прочитаны вслух и сравнены. Ни одно из них не было правильным и ни одно не походило на другие. Кто-то даже написал, что в первого стрелял третий человек. — Вулф умолк и обвёл взглядом слушавших его

мальчишек. — Это всё. Я не мастер рассказывать истории, но, может быть, вы уловили смысл. Вы понимаете, для чего я рассказал вам всё это?

Они закивали.

— Значит, понимаете. Не буду оскорблять вашу сообразительность опросом. Перейдём лучше к нашей истории. Мы будем обсуждать с вами смерть Питера Оливера Барстоу, точнее, то, что произошло на поле для гольфа у первой метки и чем всё это кончилось. В час дня у нас будет ланч, а затем мы снова вернёмся сюда и продолжим разговор. На это у нас уйдёт несколько часов. Это утомит вас, но голодными вы не будете. Если кому захочется вздремнуть, он сможет себе это позволить. Я подробно излагаю вам программу, чтобы вы поняли, каким сложным и запутанным является это дело и что нас ждёт. Мистер Гудвин слышал два стереотипа ваших рассказов. Другие два, думаю, мало будут отличаться. Стереотип — это что-то устоявшееся, застывшее, не способное меняться. Я не ожидаю, что вы измените свои рассказы о том, что произошло на поле у первой метки. Я прошу лишь забыть всё, что вы рассказывали раньше, о чём спорили и что обсуждали со своими родными и друзьями, забыть о том, что уже отпечаталось в мозгу, и просто вернуться

туда, где всё это случилось. Это очень важно. Я с удовольствием поехал бы с вами на место происшествия, но боюсь, что некоторые обстоятельства могут помешать этому. Вы должны воссоздать картину в своём воображении. Давайте попробуем вместе, мальчики. Вот мы стоим у первой метки, на месте первого удара. Воскресенье, полдень. Ларри Барстоу нашёл и привёл вас двоих, остальные двое — у Кимболлов, несут за ними сумки с клюшками. Поле для гольфа вам знакомо, как родной дом. Вы занимаетесь делом, к которому привыкли и которое хорошо знаете, поэтому делаете всё почти по привычке, автоматически. Через плечо у вас ремни сумок для клюшек. Вам, Майк Аллен, когда вы видите, как мистер Барстоу у первой метки делает пробный мах клюшкой номер два, не надо говорить, что следует делать. Вы подходите к нему, берёте его сумку с клюшками и передаёте ему драйвер, клюшку номер один.

Майк отрицательно помотал головой.

— Нет? А что же вы делаете? — удивился Вулф.

— Я в это время побежал за мячом.

— Ага. За тем, что он уже послал клюшкой номер два?

— Да, сэр.

— Хорошо. А что делали вы, Уильям Райли, пока

Майк бегал за мячом?

— Я жевал резинку.

— И ничего более? Я хочу сказать, что это всё, чем вы тогда занимались?

— Нет, я стоял и держал сумку старого Кимболла.

Слушая, как начал свой допрос Вулф, я боялся, что своим многословием он задурит им головы так, что они просто ничего ему не скажут. Однако вышло наоборот. Практически ничего не сказав, он дал им понять, что они все вместе могут доказать, насколько они умнее сотни психологов. Длинные слова и многословие Ниро Вулфа их ничуть не смущали.

А он шёл своим путём, дюйм за дюймом приближаясь к цели, то с помощью одного мальчишки, то с помощью другого, а то и всех их вместе, говорящих хором. Он позволял им вступать в длительные споры о преимуществах той или иной марки клюшек, а сам, закрыв глаза, делал вид, что с удовольствием слушает их. Потом он расспрашивал их о сверстниках, работающих в гольф-клубе, а также о тех, кто начал уже играть до того, как Барстоу и Кимболлы вышли на поле. Время от времени кто-нибудь из парнишек заговаривал просто об игре в гольф, но Вулф тут же

переводил разговор в нужное ему русло. Среди сумбура и отклонений от темы в этой беседе прослеживалась одна главная линия — Вулф не выпускал из виду ни одну из клюшек, которыми играла четвёрка Барстоу — Кимболл. Он постоянно имел точные сведения, где находились клюшки — в игре или в сумке.

На ланч Фриц подал запечённых в тесте цыплят и четыре арбуза. Когда к нам приходили гости, за столом обычно распоряжался я. Не переставая ухаживать за гостями, я сам едва успел отведать цыплят до того, как блюдо окончательно опустело. С арбузом оказалось проще: два арбуза мальчишкам, каждому по половине, а третий — нам с Вулфом. Четвёртый я отдал Фрицу, хотя подозревал, что он к нему не притронется. Тем лучше — останется про запас.

После ланча мы вернулись в кабинет и продолжили беседу. Я с удовольствием наблюдал, как Вулф прочистил мальчишкам мозги и они стали совсем другими. Они забыли, что кто-то пытается что-то выведать у них и им наеобходимо рыться в памяти. Это просто была ватага мальчишек, обсуждающих вчерашнюю игру в футбол. А Вулф, как судья, то и дело возвращал их то к одному моменту, то к другому, не позволяя ничего забыть

или упустить.

Даже таким окольным путём дело всё же шло. Вот уже Ларри Барстоу открывает игру первым ударом, за ним бьёт по мячу Мануэль Кимболл.

— И тогда ты подал мистеру Барстоу клюшку номер один. Ты уже установил его мяч для первого удара?

— Да, сэр… То есть нет, я в это время побежал за мячом, который он загнал в кусты во время разминки.

— Правда, Майк. Ты нам уже говорил это, ты искал мяч. Как же тогда ты мог поставить мяч для Барстоу?

— Он сам это сделал. Мяч откатился, и я подогнал ему, — вдруг уточнил Уильям Райли.

— Спасибо, Райли. Видишь, Майк, значит, не ты ставил ему мяч. А тебе не трудно было таскать тяжёлую сумку с клюшками, пока ты искал укатившийся?

— Нет, мы привыкли.

— Ты нашёл его?

— Да, сэр.

— И что ты с ним сделал?

— Я положил его в сумку, в отделение для мячей.

— Ты это утверждаешь как факт или как пред-

положение?

— Я положил его. Я хорошо помню.

— Сразу, как нашёл?

— Да, сэр.

— Значит, ты носил с собой сумку с клюшками, пока искал мяч? В таком случае ты не мог подать Барстоу клюшку, когда он начинал игру, потому что тебя не было рядом с ним. Он сам тоже не мог вынуть клюшку из сумки, потому что сумка была у тебя. Может, ты отдал ему клюшку раньше?

— Наверное, я так и сделал.

— Майк, нам нужно что-то более определённое, чем твоё «наверное». Так отдал ты ему клюшку раньше или нет? Вспомни, что ты говорил до этого…

Но тут неожиданно вмешался Уильям Райли.

— Эй, Майк! — воскликнул он возбуждённо. — Так вот почему он взял клюшку у старого Кимболла. Ведь тебя тогда не было, ты искал мяч!

— А-а! — выдохнул Вулф и закрыл на долю секунды глаза, но тут же снова открыл их. — Нет надобности кричать так, Уильям. Кто взял клюшку у мистера Кимболла?

— Барстоу.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я это знаю. Я собирался передать клюшку старшему Кимболлу, но в это время мяч Барстоу скатился с метки, я его поправил, а когда поднялся, старый Кимболл сказал Барстоу: «Возьмите мою клюшку», и я передал её Барстоу.

— Барстоу играл ею?

— Конечно. Он тут же сделал удар. Майк вернулся только тогда, когда Кимболл тоже начал игру и сделал свой первый удар.

Мне стоило больших усилий не вскочить со стула. Мне хотелось плясать и засунуть орхидею в петлицу куртки Уильяма Райли, обнять шефа хоть на четверть обхвата, ибо на большее рук у меня явно не хватит. Я боялся взглянуть на Вулфа, чтобы моё лицо не расплылось в широкой улыбке, грозящей мне вывихом скул.

Но Вулф уже занимался бледным худым парнишкой и тем, кто уже был «сознательным гражданином». Ни один из них не помнил, что Барстоу взял клюшку у Кимболла. Худой ответил, что в это время смотрел на поле, где Мануэль Кимболл загнал свой мяч в кусты, а законопослушный «гражданин» просто ничего не помнил. Тогда Вулф обратился к Майку. Тот не мог с уверенностью сказать, что клюшка номер один была в сумке, когда он искал мяч, и не помнил, чтобы

отдавал её Барстоу, как не помнил, чтобы получал её обратно и клал в сумку.

Во время этого разговора Уильям Райли с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться в разговор. Наконец Вулф повернулся к нему.

— Прости, Уильям. Не то чтобы я сомневался в твоей памяти или в том, что ты говоришь правду, но подтверждение никогда не помешает. К тому же может показаться странным, что ты только сейчас вспомнил эту маленькую, но очень важную деталь.

Мальчик обиженно запротестовал:

— Я не забыл её, просто не думал, что это так важно!

— Значит, в своих рассказах дома и с друзьями ты об этом не упоминал?

— Нет, сэр.

— Хорошо, Уильям. Может, я неправильно поставил вопрос, но я вижу, что ты предпочитаешь придерживаться главного, а не мелочей. Может, ты всё же обмолвился об этом, когда с тобой разговаривал мистер Андерсон?

Мальчишка покачал головой.

— Я не разговаривай с мистером Андерсоном. Со мной беседовал сыщик, задал пару вопросов, и всё.

— Понятно. — Вулф сделал глубокий вдох, очень медленно выдохнул и нажал кнопку звонка. — Время пить чай, господа, — сказал он.

Для него это означало пить пиво. Я собрал мальчишек и повёл их на кухню. Конечно, арбуз был целёхонек. Как я и думал, Фриц к нему не притронулся. Я разрезал его на четыре части и угостил ребят. Фриц по звонку хозяина уже устанавливал на подносе стакан и две бутылки. Когда он вышел в холл, я заметил, что он направился не в кабинет, а к лестнице наверх. Я посмотрел на часы. Без двух минут четыре. Чёрт побери, он, несмотря ни на что, и сейчас умудрился уложиться в регламент! Я оставил мальчишек доедать арбуз, а сам поспешил перехватить шефа, пока он не вошёл в лифт.

— Поблагодари мальчиков от моего имени, уплати им как положено, но не переплачивай, я человек прижимистый, — распорядился Вулф. — Развези их по домам. Позвони в контору Е. Д. Кимболла и узнай, когда он вернётся из Чикаго. Думаю, он всё ещё жив. Благодаря проницательности или везению он уехал за тысячу миль от своей судьбы. В случае, если он уже вернулся, немедленно привези его сюда. Медлить нельзя.

— Хорошо, сэр. Не кажется ли вам, что эти

новости, дойдя до ушей прокурора Андерсона, порядком огорчат его, а? Не предупредить ли мальчишек, чтобы помалкивали?

— Нет, Арчи. Всегда благоразумней полагаться на силу инерции. Это величайшая сила в мире.

Когда я вернулся в кухню, Фриц уже угощал всех яблочным пирогом.

Глава 13

Когда я развозил мальчишек в разные концы Вестчестера, у меня мелькнула нелепая мысль заехать к Мануэлю Кимболлу и спросить у него, хранил ли его отец свои клюшки в клубе и нет ли у Мануэля ключа от его шкафчика. Уверен, ему не удалось бы на сей раз ограничиться вскидыванием бровей вместо ответа. Я почти был уже готов пообещать ему пару тысяч вольт напряжения на электрическом стуле. Но тут же понял: раз так, то в наших интересах будет, если он останется в неведении. С другой стороны, чтобы арестовать и осудить Мануэля Кимболла, нужны более веские доказательства, чем то, что он действует мне на нервы.

Я поборол ещё одно искушение. Мне хотелось заглянуть к Андерсону и предложить ему пари на десять тысяч долларов, что никто не убивал Питера Оливера Барстоу. Но Вулф наверняка начал игру в прятки. В течение двух дней лишь он, я да ещё тот, кто сделал это, знали, что Барстоу был убит. Теперь опять мы двое, убийца да мальчишки, подносчики мячей в гольф-клубе, знали, что

Барстоу был убит случайно.

Когда я наконец высадил последнего мальчишку на его улице, я всё же завернул в клуб «Зелёные луга». Мне хотелось расспросить о шкафах в гардеробной, но, приехав в клуб, я вдруг испугался, что могу испортить всё дело. Все уже знают, что Барстоу не хранил свои клюшки в клубе, и мой интерес к шкафам может показаться подозрительным. Поэтому я немного поболтал с администратором, в ведении которого находились мальчишки, и зашёл поздороваться к управляющему. У меня была слабая надежда, что я могу здесь встретить здесь Мануэля Кимболла, но его нигде не было видно.

Мануэль говорил мне, что у его отца брокерская контора в Нью-Йорке на Перл-стрит. Когда после четырёх я позвонил туда, мне ответили, что мистер Кимболл прибывает экспрессом завтра, в пятницу. Не получи я такого известия, я, может быть, и начал бы свои расспросы в Вестчестере, пошатался бы, как стемнеет, вокруг дома Кимболлов, заглянул бы в окна. Но узнав, что Кимболл-старший возвращается завтра, решил, что лучше всего набраться терпения. Я сел в машину и отправился домой.

После ужина Вулф заставил меня ещё раз про-

читать мою запись встречи с Мануэлем и всё, что говорили о нём Ларри и Сара Барстоу, а такого было всего ничего. Мы с Вулфом ещё побеседовали, сопоставили наши впечатления, потом даже договорились до того, что подмена клюшек была сделана сознательно и убийцей Барстоу мог быть Кимболл-старший. Но, конечно, это была полная ерунда. Я позволил себе пару нелестных замечаний в адрес Мануэля, но, когда Вулф потребовал от меня более серьёзной характеристики, вынужден был сознаться, что у меня нет против него не только улик, но и причин для подозрения. С таким же успехом можно было подозревать любого из членов клуба, имеющего доступ к шкафам в гардеробной.

— И всё же, — не сдавался я, — будь он моим сыном, я бы отправил его в длительное путешествие, куда-нибудь подальше, и лучше всего в один конец.

Прежде чем мы разошлись по своим комнатам, Вулф набросал для меня программу действий на завтрашний день. Первый её пункт не привёл меня в восторг, но я понимал, что Вулф прав. Мальчишки, конечно, не удержатся и всё разболтают, это дойдёт до прокурора Андерсона, так что будет лучше, если мы расскажем ему сами,

и как можно раньше. Я успею выполнить эту миссию доброй воли и вовремя попаду в контору Кимболла, куда он приедет прямо с вокзала.

Итак, утром я снова катил по шоссе в Уайт-Плейнс и думал: вот бы здорово было, если бы на шоссе снова дежурил уже знакомый мне полицейский, который не преминул бы снова остановить меня за превышение скорости, а я назвал бы ему ту же причину и под его эскортом прибыл к прокурору Андерсону. Но у Вудленда я свернул на мост и дальше не встретил никого, кроме белки, перебежавшей дорогу.

По Главной улице я ехал в хвосте у трёх громоздких автобусов, словно пони, плетущийся за слонами во время циркового парада. И тут у меня родилась мысль, и, по-моему, неплохая. Вулф считал, что для того, чтобы позвать к себе в гости кого-нибудь, включая далай-ламу или Аль Капоне, ему стоит лишь отдать мне распоряжение, но я-то знал, чего это временами стоит. Никогда не знаешь, на кого попадёшь, иные упираются, как сороконожки, всеми конечностями. Теперь мне предстояло доставить хозяину важного торговца зерном, уведя его из собственной конторы в первый же день его прибытия в Нью-Йорк после недельного отсутствия. А пока я ехал на свидание

с прокурором, которое могло закончиться тем, что в контору Е. Д. Кимболла первым попаду не я, а сыщик Г. Р. Корбетт или кто-нибудь другой, что может быть ещё хуже. Это будет сюрприз. Поэтому я остановил машину, позвонил Вулфу и сказал ему, что, пожалуй, мы ставим телегу впереди лошади. Он поначалу упирался и убеждал меня, что нам выгодно, чтобы Андерсон узнал именно от нас то, что и без нас всё равно узнает. Но когда понял, что я буду стоять на своём до тех пор, пока таксофон не будет до отказа набит монетами, согласился и разрешил мне вернуться в Нью-Йорк, чтобы, отправившись на Перл-стрит, ждать там свою жертву.

На обратном пути я уже благодарил судьбу, что мне не встретился дорожный полицейский.

Когда я нашёл на Перл-стрит нужный дом и поднялся на лифте на десятый этаж, я понял, что брокерская фирма Е. Д. Кимболла занимается не только тем, что продаёт корм местным куриным королям. Его контора занимала половину этажа со множеством дверей и табличек. Часы на стене показывали без четверти десять. Если экспресс не опоздает, через пятнадцать—двадцать минут Кимболл будет здесь.

Я представился девушке за столом. Она куда-

то позвонила, провела меня в другую комнату и оставила наедине с мужчиной с квадратной челюстью, который сидел на стуле лицом к окну, положив ноги на подоконник. В этой позе он просматривал утреннюю газету. Сказав мне: «Одну минуту», он снял ноги с подоконника и сел прямо. Отбросив наконец газету, он повернулся ко мне.

— Мистер Кимболл будет с минуты на минуту, — пояснил я причину своего появления. — Без сомнения, у него накопилась масса дел за неделю отсутствия. Но прежде чем заняться ими, ему придётся уделить мне десять минут по очень важному для него личному делу. Я частный детектив, вот моя визитная карточка. Он не знает меня, но я работаю на Ниро Вулфа. Вы можете устроить мне свидание с мистером Кимболлом?

— Что вам угодно? — осведомился он. — По какому вы вопросу?

Я покачал головой.

— Дело личное и неотложное. Вам придётся поверить мне, глядя на мою честную физиономию. Если вы полагаете, что это рэкет, позвоните в городскую службу безопасности на Тридцать третьей улице. Они расскажут вам, что я в свободное время подрабатываю, сторожа коляски с младенцами.

Мистер Квадратная Челюсть улыбнулся.

— Даже не знаю. У мистера Кимболла много деловых встреч на сегодня, и первая назначена на десять тридцать. Я его секретарь. Я знаю о его делах даже больше, чем он сам. Можете обращаться прямо ко мне.

— Сожалею, но он мне нужен лично.

— Хорошо. Я попробую что-то сделать. Может, подождёте в приёмной? Нет, лучше здесь. Хотите газету?

Он бросил мне газету, встал, собрал со стола почту и бумаги и покинул комнату. За завтраком я бегло проглядел заголовки первой полосы, но прочесть газеты не успел. Просматривая сейчас утренний выпуск, я заметил, что сообщения о деле Барстоу переместились с первой страницы на седьмую и стали весьма краткими. Прокурор Андерсон заметил, что в расследовании наметился прогресс. Бедняга прогресс, подумал я, с тех пор, как я видел тебя в последний раз, ты ни на йоту не сдвинулся с места, состарился и покрылся морщинами, и у тебя уже начали выпадать зубы. Следователь по-прежнему не мог сказать ничего определённого о яде, но скоро всё будет известно. В заметке не было и намёка о подозрениях в отношении членов семьи Барстоу, и теперь, видимо,

никогда уже не будет, подумал я. Однако снова был сделан лёгкий щелчок по профессиональной репутации доктора Брэдфорда, и я подумал, что тому отныне будет не по себе каждый раз, когда он будет ставить диагноз «тромбоз коронарных сосудов». Я перешёл к спортивным новостям.

Дверь отворилась, вошёл секретарь.

— Мистер Гудвин, прошу вас, проходите.

В просторном кабинете, с окнами по обе стороны, старинной мебелью и громко тикавшими в углу напольными часами, за письменным столом сидел мистер Кимболл. Он был гладко выбрит, седоволос, не толст, но и не худ. Он выглядел несколько обеспокоенным, но обладал, видимо, определённой выдержкой, поскольку на лице его была улыбка человека, превозмогающего зубную боль и внезапно услышавшего смешной анекдот. Почему он улыбается? — подумал я. Может, его позабавило то, что ему рассказал обо мне его секретарь? А потом понял: эта улыбка была на его лице всегда.

— Вот этот человек, мистер Кимболл, — представил меня секретарь.

Мистер Кимболл что-то буркнул и спросил меня, по какому я делу. Я объяснил, что по сугубо личному.

— В таком случае переговорите с моим секретарем, чтобы мне не пришлось перепоручать ему, — сказал мистер Кимболл и засмеялся. Секретарь тоже улыбнулся. Я глядел на них с недоброй ухмылкой.

— Я прошу всего десять минут, — настаивал я. — Если не возражаете, я сразу же начну. Ниро Вулф хотел бы видеть вас у себя сегодня в одиннадцать утра.

— Боже милостивый! — весело изумился Кимболл. — Он кто — король Англии?

Я кивнул.

— Что-то в этом роде. Знаете, мистер Кимболл, всё пойдёт быстрее и лучше, если вы выслушаете меня. В воскресенье, четвёртого июня, внезапно умер Питер Оливер Барстоу. Он играл в этот момент в гольф в компании со своим сыном, вами и вашим сыном. В четверг, восьмого июня, вы уехали в Чикаго. В следующее воскресенье, одиннадцатого июня, стали известны результаты вскрытия. Я уверен, вы читали об этом в чикагских газетах.

— А, вот оно что. — Он поскучнел. — Я так и думал, что, как только вернусь, расспросов не избежать. Я читал всю эту чушь об отравленной иголке и прочем. — Он повернулся к секрета-

рю. — Помнишь, я писал тебе об этом, Блэйн?

Секретарь кивнул.

— Да, сэр. Но у вас в одиннадцать тридцать встреча с представителем Окружного прокурора Вестчестера. Я не успел вас предупредить.

— Это не чушь, мистер Кимболл, — произнёс я. — Барстоу был убит отравленной иглой, которая вылетела из рукоятки клюшки. Это доказано. А теперь послушайте меня. Представьте, что вы стоите у стартовой линии и готовы сделать удар по мячу. У каждого из вас есть свой кэдди, мальчишка, подносящий мячи, таскающий сумку с клюшками. Не отвлекайтесь, следите за моими словами, это всё очень серьёзно. Вот здесь стоите вы. Ларри Барстоу делает свой удар, за ним ваш сын Мануэль, готовится к подаче мяча Питер Оливер Барстоу. Вы стоите рядом с ним, помните? Его мяч откатывается от метки, и ваш кэдди ставит его на место, потому что мальчишки, помогающего Барстоу, нет, он ищет мяч, который Барстоу загнал куда-то во время разминки. Помните? Барстоу готов подать мяч, но у него нет клюшки номер один, потому что она в сумке, с которой его кэдди ушёл искать мяч. Вы тогда говорите Барстоу: «Возьмите мою», и ваш кэдди, устанавливающий мяч Барстоу на метке, поднимается и

протягивает Барстоу вашу клюшку номер один. Вы помните это? Барстоу вашей клюшкой сделал удар по мячу, но вдруг вздрогнул и потёр рукой низ живота, сказав при этом, что его, должно быть, укусила оса. А эта самая «оса» вылетела из ручки вашей клюшки, мистер Кимболл. Через двадцать минут Барстоу был уже мёртв.

Кимболл слушал, нахмурив брови. На его лице теперь не было ни ироничного удивления, ни улыбки. Он всё больше хмурился, а когда наконец заговорил, то, к моему удивлению, снова произнёс всё то же слово:

— Чушь!

— Нет, не чушь, — снова возразил я. — И не станет чушью оттого, что вы снова и снова будете это повторять. Дело не в этом, а в том, что Барстоу воспользовался вашей клюшкой. Вы помните это?

— Да, помню, — кивнул он. — Но, откровенно говоря, я забыл об этом, а теперь, когда вы напомнили, я отчётливо вспомнил ту сцену. Всё было именно так, как вы…

— Мистер Кимболл, — прервал его секретарь, не забывающий о своих обязанностях. — Было бы лучше, если бы вы… Воспоминания, знаете, это такое дело…

— Что было бы лучше? Нет, Блэйн, я предвидел, что возникнут неприятности. Разумеется, Барстоу бил по мячу моей клюшкой. Почему я не должен об этом говорить? Я едва был с ним знаком. А вот история с отравленной иглой — это чушь. Но от этого неприятностей не убавится.

— Вас ждёт нечто большее, чем неприятности, мистер Кимболл. — Я придвинулся вместе со стулом поближе. — Давайте посмотрим. Полиции ещё не известно, что Барстоу воспользовался вашей клюшкой. Не знает об этом и окружной прокурор. Я не предлагаю вам утаивать от них это, всё равно они узнают. А пока вы считаете отравленную иглу чушью, полиции уже достоверно известно, что это неоспоримый факт. Они знают, что Барстоу был убит отравленной иглой, выпущенной из стреляющего устройства, вмонтированного в рукоятку клюшки и сработавшего в тот момент, когда он ударил по мячу. Если полиции станет известно, что это была ваша клюшка, как вы думаете, что они сделают? Разумеется, они не арестуют вас, обвинив в убийстве, но заставят подыскать более подходящее слово для определения этого факта, чем «чушь». Мой вам совет: повидайтесь с Ниро Вулфом. Можете привести с собой своего адвоката, если хотите, но главное

— действуйте немедленно.

Кимболл задумчиво тянул себя за нижнюю губу. Неожиданно он проговорил:

— Господи, помилуй!

— Вот именно, сэр.

Он взглянул на секретаря.

— Ты знаешь, Блэйн, я всегда недолюбливал адвокатов.

— Да, сэр.

Кимболл встал.

— Хорошенькое дельце. Я всегда говорил тебе, Блейн, что есть лишь одно дело в мире, которое я умею делать: торговать. Я отличный торговец, и это странно, ибо я мягкий и слабый человек. В личных делах я теряюсь и не знаю, как поступить. — Он начал расхаживать взад и вперёд по кабинету. — Да, вы правы — это хуже, чем неприятность. Господи, как бы ты поступил на моём месте, Блэйн?

Я бросил взгляд на секретаря. Тот замялся, но тут же сказал:

— Если вы хотите повидаться с Ниро Вулфом, я готов пойти с вами. Но на вашем месте я взял бы с собой адвоката.

— Какие у меня встречи?

— Обычные, сэр. Ничего особенного. В одинна-

дцать тридцать у вас свидание с человеком из окружной прокуратуры.

— Это может подождать. Сам придумаешь причину. Биржевые новости?

— С утра твёрдые цены на всё, начинает снижаться на хлопок.

Кимболл повернулся ко мне:

— Где этот Ниро Вулф? Привезите его сюда.

— Это невозможно, мистер Кимболл. Он… — Однажды Вулф узнал, что я представил его инвалидом, и мне не хотелось бы, чтобы он снова всыпал мне, как в тот раз. — Он — эксцентричный гений, мистер Кимболл. А живёт недалеко, на Тридцать пятой улице. У меня внизу машина, и я буду рад вас отвезти.

— Я лишь однажды в своей жизни встречал гения, — проворчал Кимболл. — Это был аргентинский ковбой, гаучо. Ладно, подождите меня в приёмной.

В приёмной я сидел как на иголках. Встреча с Е. Д. Кимболлом, его внешность и разговор с ним слегка отрезвили меня. Теперь я понял то, что должен был понять ещё вчера, как только узнал, что его клюшка стала роковым орудием убийства. С той минуты, как на сцене появился Кимболл-старший, мы ступили на дорогу, веду-

щую к финишу. Это было подобно тому, как если бы покойник был чудом возвращён к жизни, чтобы ответить нам на вопрос, кто убил его. Надо было немедленно доставить Кимболла в дом Вулфа и тут же запереть все входы и выходы. Это надо сделать до того, как Корбетт или кто-то другой получит шанс увидеть его. Откуда я знаю, что это не Блейн Квадратная Челюсть сделал эту зловещую клюшку и сунул её в сумку Кимболла? Покуда здесь, в приёмной, ёрзаю от волнения на стуле, он там, в кабинете, может, уже воткнул нож в спину бедняге Кимболлу, как сделал это с Карло Маттеи…

Было без десяти одиннадцать. Я вскочил и стал мерить шагами приёмную. Человек Андерсона — наверняка Корбетт — будет здесь в одиннадцать тридцать, а может, ему взбредёт в голову прийти сюда раньше. Я хотел было попросить секретаршу позвонить Блейну, как дверь кабинета открылась и появился Кимболл, готовый к выходу: на нём была шляпа. От сердца отлегло. Кимболл кивнул мне, я бросился к двери в коридор и услужливо распахнул её перед ним.

У лифта, заметив отсутствие секретаря, я спросил:

— Мистер Блэйн не едет с вами?

Кимболл помотал головой.

— Он больше нужен здесь, а я без него обойдусь. Мне нравится ваше лицо. Я заметил, если мне понравилось лицо человека, мы обычно с ним всегда поладим. Доверие к человеку — это прекраснейшее чувство в мире.

Да, подумал я про себя. Такой преуспевающий торговец, как он, может себе это позволить.

Машину я оставил к полуквартале отсюда. Я старался избегать улиц с интенсивным движением и в одиннадцать пятнадцать уже открыл перед Кимболлом входную дверь особняка на Тридцать пятой улице.

Я провёл посетителя в гостиную, попросил его подождать, пока доложу, а сам, прежде чем отправиться на кухню, проверил, хорошо ли запер входную дверь. Фриц пёк пирожки с вишнями и только что вынул противень из духовки. Я схватил горячий пирожок и, чёрт побери, обжёг язык.

— У нас пять человек к ланчу, — произнёс я. — Не подсыпай яду больше, чем нужно, слышишь? Да не впускай в дом кого попало. Если что покажется не так, зови меня.

Вулф был в кабинете. Увидев его, я застыл в отчаянии. Он производил уборку стола. Един-

ственный ящик его стола, широкий, но довольно мелкий, был выдвинут. С тех пор как Фриц стал приносить ему пиво в бутылках, а не разливное в кувшине, как прежде, у шефа появилась привычка, открыв бутылку, бросать крышки в ящик стола. Фрицу было запрещено открывать любые ящики в кабинете хозяина, а я, решив, что Вулф собирает крышки для какой-то одному ему известной цели, решил не вмешиваться. Теперь я увидел, что ящик наполовину освобождён и вынутые крышки разбросаны по столу. Вулф методично сортировал их по кучкам.

— Мистер Кимболл в гостиной. Может, он войдёт и поможет вам в вашей работе?

— Чёрт! — Вулф растерянно посмотрел на крышки, а потом на меня. — Не может ли он подождать немного? — со вздохом произнёс он.

— Конечно. Вас устроит, если он придёт на следующей неделе?

Вулф опять вздохнул.

— Проклятье. Веди его сюда.

— А этот металлолом так и будет лежать на столе? Ну, ладно. Я предупредил его, что у вас есть причуды. — Я говорил это, понизив голос, и понизил его почти до шёпота, когда вкратце проинформировал Ниро о Кимболле и моём раз-

говоре с ним. Он кивнул в знак одобрения, и я пошёл за мистером Кимболлом.

На лице у гостя опять было знакомое выражение весёлой озабоченности. Я представил их друг другу, подвинул Кимболлу кресло для гостей и, после того как они обменялись приветствиями, сказал Вулфу:

— Если я вам не нужен, сэр, я займусь составлением отчёта.

Он кивнул, и я уселся за свой стол, заваленный бумагами. Я прятал под ними блокнот, которым незаметно пользовался в таких случаях. Я наловчился стенографировать почти дословно самую быструю речь, искусно делая вид, что занят поисками счёта недельной давности из гастрономической лавки.

— Вы абсолютно правы, мистер Кимболл, — говорил Вулф. — Терпение помогает человеку овладеть временем. Но есть много способов отнять его у человека: стихийные бедствия, голод, войны, брак и, пожалуй, наилучший из всех — смерть, потому что ставит точку сразу на всём.

— Господи! — Кимболл явно нервничал. — Почему этот способ следует считать наилучшим?

— В прошлое воскресенье, неделю назад, вы были очень близки к разгадке этого. — Вулф уко-

ризненно погрозил ему пальцем. — Вы, занятый человек, только что вернувшийся из недельной деловой поездки, всё же выкраиваете в то же утро время, чтобы встретиться со мной. Почему?

Кимболл с удивлением смотрел на Вулфа.

— Об этом я прежде всего хотел спросить вас.

— Хорошо, я скажу вам. Вы пришли, потому что растерялись. А это нежелательное состояние для человека, находящегося в смертельной опасности. На вашем лице, правда, нет страха, только растерянность. И это странно после всего, что рассказал вам мистер Гудвин. Он сообщил вам, что четвёртого июня, двенадцать дней назад, Питер Оливер Барстоу был убит по чистой случайности и эта же самая случайность спасла жизнь вам. Вы приняли это известие с недоверием, выраженным в весьма грубой форме. Почему?

— Потому что это нелепость. — Кимболл уже терял самообладание. — Чепуха.

— Прежде вы говорили — чушь. Почему?

— Потому, что это чушь! Я пришёл не для того, чтобы вести подобные споры. Когда полиция, столкнувшись с трудностями, не может объяснить то, что недоступно её пониманию, она даёт волю фантазии, лишь бы оправдать себя. Хорошо, я это понимаю. Я считаю, что каждый должен

заниматься своим делом, как умеет, но зачем заставлять меня участвовать в этом? Увольте. Я занятой человек, у меня есть дела посерьёзней. Вы ошиблись, мистер Вулф, я пришёл к вам не потому, что я в смятении, и, разумеется, не затем, чтобы вы меня пугали. Я пришёл потому, что полиция собирается втянуть меня в свои нелепые истории, а это может повредить мне, создать шумиху вокруг моего имени, чего я, разумеется, допустить не хочу. Ваш помощник дал мне понять, что вы можете помочь мне избежать этого. Если вы готовы, я заплачу вам за это. Если нет, я найду кого-нибудь другого.

— М-да! — Вулф откинулся на спинку кресла и, чуть прикрыв глаза, изучал лицо брокера. Наконец он покачал головой. — Боюсь, я не смогу помочь вам избежать неприятностей с полицией, мистер Кимболл. В лучшем случае я мог бы помочь вам избежать смерти. Но и в этом я не вполне уверен.

— Я никогда не надеялся её избежать.

— Не уклоняйтесь от сути вопроса. Я говорю о нависшей над вами угрозе насильственной смерти. Я ещё не распрощался с вами и продолжаю отрывать вас от важных дел не только потому, что вижу, как вы, словно глупец, идёте навстречу

смертельной опасности. Я воздерживаюсь от христианских порывов, ибо считаю, что человека нельзя спасать принудительными методами. В данном случае мною движет ещё и личный интерес. Миссис Барстоу предложила награду в пятьдесят тысяч долларов тому, кто найдёт убийцу её мужа. Я намерен найти его. А чтобы сделать это, я должен знать, кто пытался убить вас четвёртого июня и, бесспорно, попытается снова сделать это, если его не остановить. Если вы поможете мне, это пойдёт на пользу и вам и мне. Если нет, тогда только ошибка убийцы при второй, успешной попытке сможет помочь мне уличить его и отдать в руки правосудия за оба преступления. Я согласен на любой вариант.

Кимболл недоуменно покачал головой, но не встал, а продолжал сидеть в кресле, не выказывая никакой тревоги, лишь интерес.

— Вы прекрасно говорите, мистер Вулф. Не думаю, что вы можете быть мне полезным, потому что вы, как и полиция, верите во всякие неправдоподобные истории. И тем не менее вы прекрасный оратор.

— Благодарю вас. Вам нравятся люди, умеющие хорошо говорить?

Кимболл согласился:

— Я люблю всё хорошее. Хорошую речь, хорошую торговлю, хорошие манеры, хорошую жизнь. Я не имею в виду богатство, роскошь. Я сам пытался жить хорошо и хочу верить, что все этого хотят. Некоторым это не удается, но я верю, что они всё же стремятся. Когда мы ехали в машине с вашим помощником, я думал об этом. Я не хочу сказать, что то, что он мне говорил, не произвело на меня впечатления. Конечно, произвело. Но когда я настаивал, что это чушь, я искренне верил в то, что говорю, и придерживаюсь такого убеждения и сейчас. Тем не менее он заставил меня призадуматься. А что, если действительно кто-то хотел меня убить? Кто бы это мог быть?

Вулф негромко спросил:

— Да, кто?

— Никто, — подчёркнуто произнёс Кимболл.

Я подумал, что, если этот человек превратится в труп, как Барстоу, я уволюсь.

— Как-то мне довелось встретить человека, который убил двух своих коллег только за то, что им больше, чем ему, повезло в торговле лошадьми, — заметил Вулф.

Кимболл рассмеялся:

— Хорошо, что он торговал лошадьми, а не зерном! Если бы этот метод усреднения прибыли

получил всеобщее распространение в бизнесе, я был бы убит не единожды, а миллион раз. Я отличный торговец, это единственное, чем я могу гордиться. Я люблю зерно. А вы, наверное, любите фантастические ситуации, эффектные убийства. Что же, это ваш бизнес. Я же люблю пшеницу. Представляете, мировой запас пшеницы составляет семьсот миллионов бушелей! И я знаю, где в эту минуту находится каждый бушель из этих семисот миллионов. Обратите внимание, каждый бушель.

— У вас одного небось около сотни бушелей, не так ли? — полюбопытствовал Вулф.

— Представьте, ни одного. Я сейчас не делаю ставок. Завтра, возможно, или через неделю. Я совершил немало сделок, и все удачные. Я всегда играю по правилам. Вот о чём я думал, когда ехал к вам. Я не знаю всех деталей дела Барстоу, лишь то, что писали в газетах. Насколько я знаю, клюшку не нашли. Думаю, её никогда и не было. Даже если клюшка будет найдена и окажется той, что я дал Барстоу, чтобы сделать первый удар, всё равно я не поверю, что кто-то собирался с её помощью убить меня. Я всегда придерживался правил, я играл честно, как в делах, так и в личной жизни.

— Есть множество способов причинить зло, — пробормотал Вулф. — Прямо, косвенно, материально, духовно…

— Я никому не причинял зла.

— Вы так думаете? Знаете, суть святости в покаянии. Если позволите, приведу в пример себя. Кому я причинил зло? Просто не знаю, почему в вашем присутствии меня тянет на покаяния… Забудьте об убийстве Барстоу, тем более что для вас это просто чушь. Забудьте о полиции, мы найдём способы избавить вас от их надоеданий. Мне нравится беседовать с вами, если, конечно, вам позволяют ваши неотложные дела. Надеюсь, я не отрываю вас от какого-нибудь срочного дела?

— Нет, не отрываете. — Кимболл был крайне польщён. — Срочные дела я решаю немедленно. Моя контора целую неделю прекрасно обходилась без меня, поэтому лишний час моего отсутствия делу не повредит.

Вулф понимающе кивнул.

— Хотите стакан пива?

— Нет, спасибо. Я не пью.

— Понятно. — Вулф нажал кнопку звонка. — В таком случае, вы необыкновенный человек, сэр. Вы приучили себя к воздержанию, вы — прекрасный бизнесмен, к тому же ещё и философ.

Один стакан пива, Фриц. Но мы говорили о зле, и я грозил вам исповедью. Итак, кому я причинил зло? Это риторический вопрос. Я не разбойник, мне присущи романтические порывы, и при этом я порой удивляюсь, что всё ещё жив. Год назад человек, сидевший в кресле, в котором сейчас сидите вы, поклялся убить меня при первом удобном случае. Я вышиб из-под него, что называется, фундамент его благополучия и сделал это из чисто корыстных целей. В нескольких кварталах отсюда живёт замечательная умная женщина, чей аппетит и настроение существенно улучшились бы, если бы она получила известие о моей смерти. Я мог бы до бесконечности приводить подобные примеры. Но есть и такие, в которых трудно сознаться и которые трудно простить. Спасибо, Фриц.

Вулф вынул из ящика открывалку, открыл бутылку, бросил крышку в ящик и снова задвинул его. Наполнив стакан пивом, он залпом выпил его.

— В каждом деле свой риск, и об этом следует помнить, — заметил Кимболл.

Вулф кивнул.

— В вас опять заговорил философ. Бесспорно, мистер Кимболл, вы — человек образованный и

начитанный. В таком случае вам будет понятно некое необъяснимое состояние, побуждающее вас решаться на действия, которые при других обстоятельствах безоговорочно считались бы достойными осуждения. В этом доме на верхнем этаже живёт женщина, которая не может желать мне смерти только потому, что в её сердце нет места злобе и ненависти. Каждый день, каждый час я причиняю ей страдания. Я знаю это, и это мучает меня. И всё же я продолжаю приносить ей горе. Вы должны понять, насколько темны и мучительны такие психологические состояния, и поэтому поймёте глубину моих страданий, если я вам скажу, что эта женщина — моя мать.

Я, добросовестно всё записывавший, при этих словах с удивлением посмотрел на шефа, ибо он говорил так убедительно, а голос его был таким тихим и ровным, что создавалось полное впечатление огромных усилий, с которыми он пытался скрыть то, что творится у него в душе. На мгновение я даже посочувствовал бедной старушке, хотя лично каждый месяц отчислял от нашего дохода некую сумму и отсылал её в Будапешт, где и проживала родная мать моего хозяина.

— Господи! — невольно воскликнул Кимболл.

Вулф выпил ещё стакан пива и печально пока-

чал головой.

— Теперь вы понимаете, почему я могу перечислить все виды зла и с уверенностью сказать, что все они мне знакомы?

Поначалу казалось, что Кимболл не клюнет на это. Лицо его выражало лишь самодовольное сочувствие. Более того — на губах было подобие довольной ухмылки.

— Не понимаю, из чего вы заключили, что я образованный человек, — вдруг сказал он.

Вулф удивлённо вскинул брови.

— А разве это не так?

— Если вы так считаете, то это большой комплимент. Я бросил школу — это было в Иллинойсе, — когда мне исполнилось двенадцать лет, а затем и совсем сбежал из дома. Да и дома по сути у меня не было, жил у дяди с тёткой. Мои родители умерли. С тех пор я не учился. Если я образован, то это моя собственная заслуга.

— Что ж, и это неплохо, — сказал Вулф низким, приглушённым почти до шёпота голосом. Он как бы приглашал: «Продолжайте». — Вы — ещё одно доказательство тому, что Нью-Йорк — хорошая школа для мальчишки такого возраста, если, конечно, у него есть смекалка и характер.

— Возможно. Могло бы получиться и так, но

только я не поехал в Нью-Йорк. Я отправился в Техас. После года бродяжничества на пограничной территории штата я перебрался в Галвестон, а оттуда в Бразилию и Аргентину.

— Вот как! Смекалки у вас хватило, а по образованию получились космополитом.

— Да, пришлось немало поездить. Я провёл в Южной Америке двадцать лет, преимущественно в Аргентине. Когда вернулся в Штаты, впору было идти снова в школу учить английский. Я жил… по-разному все эти годы. Навидался и натерпелся всего, не раз попадал в передряги, но чтобы я ни делал, я строго придерживался честных правил игры. Приехав в Штаты, занялся торговлей мясом, потом перешёл на зерно. Здесь я и нашёл себя. Это деятельность требует от человека умения предвидеть и смелости, чтобы предвидение стало реальностью. Так гаучо объезжают лошадей.

— Вы были гаучо?

— Нет, я всегда был торговцем. Я был рождён им. Не знаю, поверите ли вы в то, что я сейчас вам скажу. Не то чтобы я стыдился этого, нет. Сидя в кабинете и следя за конъюнктурой на десятках зерновых рынков — а каждый из них не знает, в какую сторону я ринусь, — я иногда с гордостью вспоминаю то время. Я два года был разъездным

торговцем.

— Не может быть!

— Да. Три тысячи миль в сезон, не слезая с лошади. По моей походке это заметно до сих пор.

Вулф с восхищением смотрел на своего собеседника.

— Настоящий кочевник! Разумеется, вы тогда ещё не были женаты?

— Да, я женился позднее, в Буэнос-Айресе. Тогда у меня уже была своя контора на Авенидо де Майо…

Он вдруг замолчал. Вулф налил себе ещё пива. Кимболл следил, как он это делает, но мысли его были далеко. Что-то заставило его прервать свой рассказ и перенестись в совсем иные места.

Вулф понимающе смотрел на него, потом тихо произнёс:

— Воспоминания… Понимаю.

Кимболл кивнул:

— Да, воспоминания. Странная вещь. Господи, неужели я вспомнил это лишь потому, что вы заговорили о том, как мы умеем причинять зло, о разных способах делать это, способах изощрённых, роковых… Нет, тут совсем другое, зло причинили мне, и не было никакой изощрённости. У меня тоже возникают состояния, о которых

вы говорили, но в них, увы, нет романтики.

— Зло причинили вам?

— Да. Одно из самых ужасных, какое только можно причинить. Это было тридцать лет назад, но память об этом не перестает меня мучить. Я женился на красивой девушке, аргентинке. У нас родился сын. Ему было два года, когда однажды, вернувшись из поездки на день раньше, я застал моего друга в постели с моей женой. Мальчик играл рядом на полу. Я не отступил от правил. Я уже тысячу раз повторял себе, что и сегодня поступил бы так же. Я выстрелил дважды.

— Вы убили их, — тихо промолвил Вулф.

— Да, я убил их. Кровь пролилась на пол и попала на игрушки сына. Я оставил его. Сам не знаю, почему не убил его тоже, поскольку не был уже уверен, что это мой сын. Я оставил его сидеть на полу, ушёл и напился. Напился в последний раз.

— Вы вернулись в Штаты?

— Через какое-то время, месяц спустя. Я не думал бежать. В Аргентине не бегут после такого. Но я свернул все свои дела там и навсегда покинул Южную Америку. Я вернулся туда лишь четыре года назад.

— Покидая Аргентину, вы взяли мальчика с собой?

— Нет. Я вернулся для того, чтобы сделать это. Когда я оставил его, родственники моей жены забрали его к себе. Они жили в пампе. Там я и встретил свою жену. Мальчика звали Мануэль. Это имя моего друга. Я сам выбрал его, сам назвал сына в честь друга. Я вернулся в Штаты один и все двадцать шесть лет жил один, решив, что рынок куда лучше жены. Но, видимо, всё это время меня мучили сомнения, или человек к старости становится добрее. Возможно, я почувствовал одиночество или старался убедить себя, что у меня всё же есть сын. Четыре года назад, когда я прочно встал на ноги, я вернулся в Буэнос-Айрес. Я нашёл сына в полном порядке. Когда семья жены разорилась, он был ещё совсем юнцом, после их смерти он пережил тяжёлые времена, но в конце концов ему повезло. Когда мы с ним встретились, он был одним из лучших лётчиков аргентинской армии. Мне пришлось уговаривать его изменить свою жизнь. Поначалу он попробовал работать в моей конторе, но это было не его дело, и вот теперь на деньги, которые я ему дал, он намерен заняться авиацией. Я купил участок в Вестчестере, построил дом, и тешу себя надеждой, что когда мой сын женится, ему не придётся совершать поездки, которые вдруг могут окон-

читься, как когда-то моя.

— Ваш сын, конечно, знает… о матери?

— Не думаю. Хотя мы об этом никогда не говорили. Надеюсь, он не знает. Не потому, что меня мучает раскаяние, сейчас я поступил бы так же. Я не прикидываюсь, что в Мануэле нашёл именно такого сына, о каком мечтал. Он аргентинец, я из Иллинойса. Но он носит моё имя, и у него голова на плечах. Он, я надеюсь, женится на американской девушке, и тогда можно будет сравнять счёт.

— Несомненно. — Вулф так и не притронулся к стакану с пивом, пена в нём осела, цветом оно напоминало остывший чай. Наконец он взял стакан и выпил. — Да, мистер Кимболл, вы изложили свою точку зрения — вам причинили зло. Но вы, как бы это выразиться, сами приняли меры. Зло было также причинено вашему сыну, но теперь вы с лихвой возместили это. Ваша исповедь, пожалуй, лучше моей. Но если ваш сын всё ещё страдает от причинённого ему зла?

— Нет!

— А если такое возможно?

Я увидел, как Кимболл опустил глаза. Я понимал его. Я знал, как иногда бывает трудно выдержать взгляд Ниро Вулфа. Но казалось, что

Кимболл, прожжённый делец, застрахован от такого. А вот нет, дрогнул. И не пытался скрыть этого.

Кимболл внезапно встал.

— Нет, не страдает, — произнёс он. — Я не воспользовался вашим признанием в своих целях, как вы, мистер Вулф.

— У вас есть ещё возможность, — хладнокровно ответил Вулф. — Можете использовать любые свои преимущества. Давайте начистоту: невиновному нечего меня бояться. — Он глянул на часы. — Через пять минут у меня ланч. Приглашаю вас разделить его со мной. Я в друзья не навязываюсь, просто к вам и к другим в вашем положении у меня нет неприязни. Тридцать лет назад, мистер Кимболл, вас постигло горькое разочарование, и вы действовали решительно. А сейчас растерялись. Давайте подумаем вместе, что можно сделать. Оставайтесь.

Но Кимболл отказался. Мне показалось, что впервые он выглядел испуганным. Ему хотелось как можно скорее убраться отсюда, но я не понимал почему.

Вулф попытался ещё раз уговорить его остаться. Но у Кимболла не было желания. Испуг исчез, он стал сама любезность. В который уже раз, кар-

тинно ужаснувшись по поводу того, что так задержался, он упрекнул Вулфа, что тот так и не сказал ему, как избавиться от надоеданий полиции, и, выразив надежду, что разговор останется между ними, откланялся.

Я проводил его до входной двери и предложил отвезти в контору, но он отказался, сказав, что поймает такси. Я смотрел ему вслед со ступеней крыльца и убедился, что его ноги сохранили кривизну, отличающую опытных наездников.

Вернувшись и не найдя хозяина в кабинете, я прошёл в столовую. Вулф уже усаживался в кресло, а Фриц стоял наготове рядом. Когда Вулф устроился, я тоже сел. Я знаю, что он не любит говорить о делах за столом, но почему-то чувствовал, что на этот раз он изменит своему правилу. И он действительно это сделал. Однако всё вышло не так, как я ожидал.

За столом он любил говорить пространно и медленно на любую тему, пришедшую ему в голову, обращаясь не только к самому себе, но и ко мне тоже. Я, полагаю, был неплохим слушателем. Но в этот день за столом он не промолвил ни слова, лишь в перерывах между глотками пива задумчиво выпячивал и втягивал губы. Он даже забыл прокомментировать, как обычно,

кулинарные достоинства блюд, приготовленных Фрицем. Это дало мне повод многозначительно подмигнуть Фрицу, убиравшему чашки после кофе. Он понимающе кивнул в ответ, что, мол, не обиделся на хозяина.

Вернувшись в кабинет, Вулф так же молча опустился в кресло. Я навёл порядок на своём столе, вынул из-под груды бумаг исписанные листки блокнота и скрепил их вместе. Затем сел и приготовился ждать, когда к хозяину вернётся рабочее настроение. Спустя какое-то время он шумно, как кузнечные мехи, вздохнул, отодвинул кресло, открыл ящик стола и стал рыться в крышках от пивных бутылок. Я молча следил за ним. Наконец, задвинув ящик, он сказал:

— Мистер Кимболл — несчастный человек, Арчи.

— Он обманщик.

— Возможно. И тем не менее он несчастный человек. Он осаждён со всех сторон. Его сын хочет убить его и не намерен отступать от своего. Если Кимболл признается в этом самому себе, он — конченный человек, и он это знает. Его сын, а затем и будущие наследники рода Кимболлов — это всё, ради чего он живёт. Он не может признаться в этом и, видимо, не сделает этого

никогда. Но если он не признается, более того, ничего не предпримет, он обречен, ибо вскоре умрёт, и скорее всего страшной смертью. Эту дилемму ему не решить, она слишком сложна и отягощена обстоятельствами. Он нуждается в помощи, но не осмеливается просить о ней. Причина тому та же, что и у всех смертных, — вопреки всему он надеется. Надеется, что, не признавшись, может позволить себе уповать на авось. Ведь его сын уже пытался убить его и по чистой случайности убил Барстоу. Может, Кимболл-младший поймёт, что это не простая случайность, а знак свыше. Может, его ещё можно переубедить: отец готов поговорить с ним как мужчина с мужчиной, и тогда сын всё поймёт, пойдёт на разумную сделку с судьбой и подарит отцу жизнь взамен той, которую нечаянно отнял у другого. Тогда Кимболлу удастся дожить до того дня, когда он сможет покачать внука на коленях. А пока состоится эта сделка, самая значительная из всех его сделок, Кимболл-старший будет в постоянной опасности. Это может напугать любого, даже того, кто моложе и честнее его. Но он не просит помощи, поскольку если попросит, то выдаст сына, подвергнет его опасности ещё большей, чем та, что грозит ему самому. Великолепная

дилемма. Я редко сталкивался с таким выбором даже не из двух зол, а из двух полных катастроф. Это так обескуражило Кимболла, что он совершил то, что редко совершал ранее, — повёл себя как идиот. Он выдал сына, однако не обезопасил самого себя. Он не скрыл того, что пряталось за его страхом, а отрицал сам страх.

Вулф замолчал. Он откинулся на спинку кресла, опустил подбородок на грудь и сцепил пальцы на животе.

— Ладно, — сказал я. — С Кимболлом ясно, теперь как насчёт Мануэля? Я говорил вам, что он действует мне на нервы. Это в общем-то неважно, но не напечатать ли мне для вас список всех улик, которые свидетельствуют, что он убил Барстоу?

— Проклятье, — вздохнул Вулф. — Я знаю, что картину для прочности надо покрыть лаком. Но банка пуста, Арчи. Вернее, она исчезла. У меня ничего нет.

Я понимающе кивнул.

— Могу я внести предложение? Рядом с Плезантвилем в Армонке имеется аэродром. Что, если съездить туда и порасспросить?

— Можно. Но я сомневаюсь, что он пользовался общедоступными аэродромами. Он предпочитает осторожность. Прежде чем ты туда отправишься,

попробуем вот что. Записывай.

— Много?

— Нет, всего несколько слов.

Я взял блокнот и карандаш.

Вулф стал диктовать:

— «Каждого, видевшего меня и мой самолёт на лугу в понедельник, пятого июня, во второй половине дня, прошу отозваться. Заключил пари, выигрыш пополам!».

— Здорово! — воскликнул я. — Но он мог сесть и на поле для гольфа.

— Слишком людное место, — возразил Вулф, — и неизбежно кто-нибудь возмутился бы этим. Пусть будет луг. Должно быть конкретное место. По дороге завезёшь в редакцию «Таймса». И чётко договорись, чтобы все ответы направлялись нам. Объявление можно поместить и в другие газеты, на тех же условиях. Мануэль Кимболл — человек достаточно хитроумный и стоит того, чтобы мы приняли меры предосторожности. Если он увидит объявление, он постарается сам получить все ответы.

Я встал.

— Ладно. Я пошёл.

— Подожди. Уайт-Плейнс будет до Армонка или после?

— До.

— Тогда зайдёшь к Андерсону. Расскажешь ему обо всём, кроме Карло Маттеи и Аргентины. Сделай ему такой подарок, это будет красивый жест. Также скажи, что Кимболл-старший находится в опасности и нуждается в охране. Кимболл, разумеется, будет это отрицать, и все меры предосторожности окажутся напрасными. И всё же когда кто-то вмешивается в дела, замышляемые преступником, как это делаем мы с тобой, есть вещи, которыми не следует пренебрегать.

Я сам прекрасно знал всё это, тем не менее произнёс:

— Давать Андерсону информацию — всё равно что давать чаевые контролёру в метро.

— Я думаю, недалёк тот час, — заметил Вулф, — когда мы представим ему счёт.

Глава 14

Поскольку я заехал в редакции нескольких газет, чтобы поместить наше объявление, а загородное шоссе в летнее время, да ещё в пятницу, порядком перегружено, я добрался до Уайт-Плейнс лишь к четырём пополудни. Я решил не предупреждать Андерсона и Дервина о своём приезде — мой путь на Армонк всё равно лежал через Уайт-Плейнс.

Но оба оказались на месте. При моём появлении девушка-секретарь улыбнулась, что меня обрадовало, ибо если тебя забывают, то это значит, что ты потерял очарование. Не спросив ни моего имени, ни к кому я пришёл, она соединилась с кем-то по коммутатору.

— Похоже на возвращение блудного сына в отчий дом, не так ли? — пошутил я.

— Скорее, на заклание тельца, — не задумываясь, ответила она.

Почти сразу же отворилась дверь кабинета прокурора и вышел Дервин.

— Что вам угодно? — спросил он, сделав пару шагов мне навстречу.

Я усмехнулся.

— Горячие новости. Можете вызвать вашего друга Бена Кука, только поторопитесь. — Я не любитель конфронтаций, поэтому тут же объяснил ему цель моего визита: — Я должен сообщить мистеру Андерсону нечто очень нужное, а может, и вам, если угодно.

Я так до сих пор и не узнал, чем занималась прокурорская команда в Уайт-Плейнс всю неделю после того, как было произведено вскрытие. Поступали, правда, туманные намёки. Например, Андерсон поведал, что Корбетт побывал в Холландском университете. Может, они там и нашли какие-нибудь жареные факты вроде сплетен о том, что Барстоу оставлял симпатичную студентку на целый час после лекций, но, насколько я понял, это ни на йоту не приблизило их к цели. Мне трудно было поверить, что Андерсон не знал даже о сумке с клюшками, подаренной Барстоу его женой ко дню рождения.

От них я узнал лишь одну стоящую новость — заключение Нью-Йоркской лаборатории. Специалист, производивший анализы, совершенно определённо утверждая, что в крови убитого обнаружен змеиный яд. Это заставило Андерсона и Дервина забыть о клюшках и с энтузиазмом пере-

ключиться на мокассиновых змей. Мне стыдно в этом признаться, но и я был втянут в это и потратил вместе с ними на всякие догадки несколько часов. В окрестностях Вестчестера вполне могли водиться мокассиновые змеи, и почему бы одной из них было не заползти на площадку для гольфа и не ужалить Барстоу? Было над чем поломать голову. О результатах анализов они пока в газеты не сообщали, да и мне рассказали об этом, лишь получив от меня свою долю информации. Но даже если бы в гольф-клубе «Зелёные луга» все площадки для гольфа кишели змеями, всё равно Андерсону и Дервину было бы трудно примириться с тем фактом, что Ниро Вулф смог так точно предугадать результаты вскрытия.

Когда Дервин ввёл меня в кабинет Андерсона, тот был не один. У него находился посетитель, с виду не очень похожий на сыщика, скорее адвокат. Я сел на стул и положил шляпу на колени.

— С чем пожаловали? — нелюбезно осведомился Андерсон.

Мне этот человек был решительно неприятен. Всё в нём меня отталкивало своей грубостью и примитивностью — и внешность, и манеры. Лучшим видом общения с ним было бы дать ему в нос. Вот Дервин — другое дело. Конечно, я и к

нему не питал особой симпатии, но он хотя бы обладал чувством юмора.

— С информацией от Ниро Вулфа, — ответил я на вопрос. — Пожалуй, это стоит застенографировать.

Тут, конечно, не обошлось без насмешек и грубостей с его стороны, но я решил всё стерпеть ради дела и держал себя в руках. Что толку придумывать остроумные, разящие наповал ответы, если я не могу воспользоваться самым убедительным из них? Наконец, когда он понял, что так мы с места не сдвинемся, он вызвал стенографиста.

Я рассказал им о подарке на день рождения, о том, где теперь находится сумка с клюшками Барстоу и как она туда попала, рассказал, почему и как Кимболл отдал Барстоу свою клюшку для первого удара. Я предложил им поинтересоваться клюшками Кимболла и узнать, где он их хранит, а также теми людьми, кто мог иметь к ним доступ. Я знал, что это ничего не даст, потому что у Мануэля было множество других возможностей получить доступ к клюшкам отца, но всё же подкинул им эту мысль. Затем я передал прокурору просьбу Вулфа обеспечить безопасность Кимболла-старшего, особо подчеркнув это. Я сказал, что, по мнению Вулфа, ответственность

за безопасность граждан, чья жизнь под угрозой, полностью лежит на властях, которые для того и существуют, чтобы их защищать. Он же, Ниро Вулф, не может отвечать ни перед самим собой, ни перед другими, если с мистером Е. Д. Кимболлом что-либо случится, а это может произойти в любую минуту.

Когда я закончил, Андерсон стал задавать мне вопросы. Я отвечал, но не на все. Это тянулось довольно долго, пока я наконец с вежливой улыбкой не сказал:

— Мистер Андерсон, кажется, вы пытаетесь меня перетянуть на свою сторону.

Он тоже был вежлив.

— И безуспешно, мистер Гудвин, — любезно ответил он. — Буду с вами откровенен. Когда вскрытие подтвердило догадку мистера Вулфа, я был уверен, что он знает, кто убийца. Когда же было объявлено о вознаграждении и оказалось, что он до сих пор его не получил, я понял, что он не знает, кто убил Барстоу. Нам известно всё, что вы предпринимаете, и даже больше. Неясна лишь одна деталь — как Вулф пришёл к своей догадке. Мне хотелось бы это знать, хотя я не считаю, что это так уж важно, поскольку он благодаря этому всё же не продвинулся вперёд. Я готов выслушать

вас. Со своей стороны я сам расскажу всё, что мы знаем. Например, сегодня утром мы получили заключение из лаборатории: анализ показал наличие змеиного яда в крови Барстоу.

— Спасибо. Это позволяет мне не читать вечерние газеты.

— В газетах этого не будет. Могу рассказать вам ещё кое-что.

И он рассказал о поездке Корбетта в университет и о прочей ерунде, а закончили мы лекцией о мокассиновой змее. Думая о том, как наконец добраться до Армонка и по дороге поскорее выбросить из головы чепуху о змеях и змеином яде, я поблагодарил Андерсона, встал, надел шляпу и вдруг заметил, что он обиделся. Но мне было уже не до этого. Напомнив ему ещё раз о необходимости обеспечить безопасность Е. Д. Кимболла, я откланялся.

Поскольку я не знал, как долго задержусь в Армонке, я решил прежде завернуть в поместье Барстоу. Из телефонной будки на Главной улице я позвонил Саре. Она была дома. Через двадцать минут я уже сворачивал на подъездную аллею поместья. Тот же дворецкий, узнав меня, вежливо кивнул и открыл ворота. На террасе кто-то пил чай, видимо, гости. Я прошёл к боковому входу, и

Смолл снова провёл меня в солярий, сказав, что мисс Барстоу сейчас будет. Он спросил меня, не желаю ли я чаю.

— Вам это самому пришло в голову? — поинтересовался я.

Дворецкий и бровью не повёл.

— Мисс Барстоу велела, сэр, — невозмутимо ответил он.

— Я так и подумал. Предпочитаю молоко.

Через минуту он появился снова, со стаканом молока. Я не успел допить и до половины, как вошла Сара. По телефону я сказал, что это визит вежливости и тревожиться не следует. Глядя на неё, на легкость и непринуждённость её движений, на её молодость и свежесть, я подумал, что, если бы она держала клинику для разбитых сердец, я бы стал её первым пациентом, если бы не был занят чем-нибудь поважнее.

— Вы хорошо отдохнули за то время, что мы не виделись, — заметил я.

Она улыбнулась.

— Мне кажется, что я только и делала, что спала. Садитесь, прошу вас.

Я сел, продолжая держать в руке стакан.

— Спасибо за молоко, мисс Барстоу, очень вкусное. Сожалею, что оторвал вас от гостей, но я

ненадолго. Я только что был у прокурора Андерсона, мы побеседовали, я рассказал ему о подарке вашей матери и о вашей поездке в Территаун. Подождите, не заводитесь с пол-оборота. Я ничего не собираюсь предпринимать. Это просто стратегический ход, из тех, что приводят генералов к поражению. Всё уже выяснилось. В сумке, которую подарила вашему отцу ваша мать, были настоящие клюшки. Никто не злоумышлял против вашего отца. Его смерть — случайность.

Потрясённая, она смотрела на меня, не в силах что-либо оказать. Я ждал, когда она успокоится.

— Значит, это не убийство?.. Ниро Вулф ошибся! Но тогда как же…

— Ниро Вулф не ошибся. Произошло это, как вы помните, у первой метки. Когда пришёл черёд начать игру вашему отцу, его мальчишки с клюшками не оказалось рядом, поэтому Е. Д. Кимболл, игравший после вашего отца, предложил ему свою клюшку для первого удара. Именно она и убила вашего отца. Это роковая случайность. Никто не собирался его убивать.

— Мой отец… — промолвила она. — О, я знала своего отца…

Я кивнул.

— Я уверен, вы хорошо его знали, мисс Барстоу.

Вот и всё, что я хотел вам сказать. По телефону мне не хотелось говорить об этом, потому что я не знаю, когда Андерсон намерен предать это гласности. Так что всё, что я вам сказал, — конфиденциально. Я не хотел бы, чтобы вы расспрашивали Андерсона о моём разговоре с ним. И, пожалуйста, не думайте, что я обманываю вас. Если его вдруг разберёт любопытство и он начнёт выспрашивать у вас, зачем и почему вы так поступили с сумкой, пошлите его ко всем чертям. Теперь это уже никого не интересует. Именно на этот случай я и решил вам всё рассказать. Я прекрасно понимаю, что такое лежать ночью без сна и гадать, кто убил твоего отца. Так вот, вашего отца никто не убивал. Но лучше, чтобы об этом пока знала лишь ваша семья. — Я встал. — Вот и всё.

Подняв на меня глаза, она спросила:

— Вы уже уходите? Я посижу здесь ещё немного. Благодарю вас, мистер Гудвин. Вы не допили молоко.

Я взял стакан, допил молоко и покинул комнату. Я надеялся, что, несмотря на такой хлопотный день, всюду успею.

Когда я прибыл в Армонк, было уже около шести, хотя солнце стояло ещё высоко. На взлётной

полосе аэродрома стояли два самолёта, третий шёл на посадку. Забор и стены деревянных ангаров украшали рекламные щиты: «Полёты — 5 долларов», «Попробуй небеса». Аэродром был неказист по части наземных построек и удобств, но взлётная полоса была широкой, чистой и ровной, как блин на сковороде.

Я припарковался у края дороги и через ворота направился к ангарам. Кругом не было никого, кроме пилота только что севшего самолёта и двух его пассажиров. Я прошёлся вдоль ангаров, заглядывая в каждый, и в одном из них увидел двух парней, игравших в орлянку. При моём появлении они прекратили игру. Я поздоровался.

— Привет, — сказал я и улыбнулся. — Сожалею, что помешал. Я ищу лётную карту, вернее, папку с картами. Может, я неточно выразился, я не лётчик.

Один из парней был совсем ещё юнцом, другой, в комбинезоне механика, выглядел постарше. Он выслушал меня и покачал головой.

— Мы не продаём лётные карты.

— Я не собираюсь их покупать. Я ищу карту в красной папке, которую мой брат оставил здесь неделю назад, точнее, в прошлый понедельник, пятого июня. Возможно, вы помните. Узнав, что я

еду в Беркшир и буду проезжать мимо, он попросил меня заехать сюда и взять карту. Он совершил посадку у вас на своём личном самолёте часов в шесть вечера и улетел в десять. Он уверен, что оставил карту где-то здесь.

Механик покачал головой.

— Он не садился на нашем поле, сэр.

Я изобразил удивление.

— Конечно, садился! Он-то хорошо знает, на каком аэродроме сел.

— Может, где-то он и садился, только не на нашем аэродроме. Вот уже месяц, как здесь не было ни одной чужой машины, только наши. Разве что ещё одна, двукрылая, утром неделю назад.

— Странно, — продолжал недоумевать я. — Вы уверены? Может, вас в тот день здесь не было?

— Я всегда здесь, мистер. Я ночую здесь. Но вашему брату обязательно надо найти карту. Он без неё будет как без рук.

— Похоже на то. А есть здесь поблизости другие аэродромы?

— Не так уж и близко. Один в Денбери, другой в Поукипси.

— Что ж, тем хуже для него. Извините за беспокойство. Очень вам признателен.

Я ушёл, сел в машину и стал думать, что делать

дальше. Механик не производил впечатление человека, которого за пять долларов можно уговорить держать язык за зубами. Он говорил то, что было, вернее, не пожелал сказать того, чего не было. Итак, Армонк отпадает. Поукипси тоже. Хотя Мануэль и долетел бы туда минут за двадцать, но ему не удалось бы вовремя вернуться на то место, где он оставил машину, а потом успеть доехать до места встречи с Карло Маттеи. Их встреча должна была состояться где-то у станции метрополитена в центре Нью-Йорка в семь тридцать вечера. Из Поукипси он не успел бы. Денбери тоже отпадает.

Я включил мотор и повернул на север. Мне не хотелось делать этого, ибо было шестнадцатое июня, годовщина спасения маленького Томми Уильямсона, день, когда в кабинете Вулфа он был торжественно возвращён родителям. Этот день мистер и миссис Уильямсон и их сын Томми, ставший уже на четыре года старше, отмечали за праздничным столом у Вулфа. Каждый год они пытались пригласить его к себе, и всё напрасно. Супруги Уильямсоны мне нравились, да и Томми тоже, но меня больше беспокоило, как воспримет моё отсутствие Фриц, всегда придававший этому дню особое значение. Разумеется, он знал, что ми-

стер Уильямсон владеет сетью отелей и, видимо, хотел ему доказать, как много тот теряет оттого, что рестораны его отелей практически ничем не могут похвастаться. Нет блюд, о которых Сол Пензер сказал бы: «Пальчики оближешь». Одна пятая всего, что наготавливал на этот день Фриц, предназначалась мне, а я вместо того, чтобы уплетать за обе щеки да расхваливать, маялся среди кустарников и пальм в каком-то Денбери, глядя в тарелку с печёнкой и ветчиной, явно поджаренными на разном масле.

В этом Денбери всё сразу пошло наперекосяк. После неудачного обеда я сразу же отправился на местный аэродром. Там никто ничего не смог мне сказать. Я пошатался вокруг, пока наконец, когда уже стемнело, не появился какой-то тип, который поверг меня в полное отчаяние. Он вёл журнал полётов, но мог бы и не делать этого, заявил он, потому что с точностью до минуты помнит, начиная с Пасхи, когда садилось солнце в тот или иной день. Уезжая из Денбери, я был уверен, что Мануэль Кимболл никогда там не бывал. И хотя ночь была великолепной, возвращаясь в Нью-Йорк, я почти не замечал этого.

Конечно, Уильямсоны давно уехали, а Вулф уже лёг спать. На комоде меня ждала записка:

«Арчи, если ты ничего не узнал, попробуй утром связаться с газетой, где печаталось объявление о квалифицированном мастере по металлу. А если твоя вежливость и обаяние всё ещё действуют на мисс Фиоре, привези её к нам завтра к одиннадцати утра.

Н. В.»

Я не люблю есть на ночь и позволяю себе это лишь в крайних случаях. Но я всё же пошёл на кухню за стаканом молока. Я с грустью посмотрел на остатки пиршества, как какой-нибудь бедняга на могилу рано ушедшей возлюбленной. Затем я поднялся к себе и лёг спать.

Я проснулся поздно. За завтраком Фриц рассказывал мне, как прошёл обед, на который я не успел, но я проявил к этому весьма вялый интерес. Вчерашние обеды мало меня интересовали. Просматривая газеты, я искал объявление, которое поместил накануне. Оно было напечатано и смотрелось совсем неплохо.

Прежде чем уйти из дома, я заглянул в кабинет и навёл там порядок, хотя в этот день мы никого не ждали. Когда я думал о Мануэле Кимболле, среди прочих деталей меня смущала одна: своё

объявление о мастере по металлу он передал в одну из рекламных контор газеты «Таймс» в деловой части города. Не удобней ли было бы отнести его в контору газеты где-нибудь в районе Таймс-сквер или на Сто двадцать пятой улице? Но это была всего лишь деталь, о которой размышляешь на всякий случай, если больше не за что зацепиться.

Вот какую задачу мне предстояло выполнить: зайти в указанную рекламную контору в деловой части города и попытаться выяснить, какая из девушек оформляла заказ на объявление два месяца назад, кто подал объявление, как он выглядел и кому затем направлялись ответы. Это примерно похоже на попытку выяснить у спасателя на пляже Кони-Айленд, не купался ли там в день Независимости лысый мужчина. Я зашёл по пути в прокуратуру и уговорил Перли Стеббинса с его бляхой составить мне компанию для пущей солидности. В выигрыше от этого визита остался, пожалуй, только он, поскольку мне пришлось угостить его виски. Просматривая подшивки за два месяца, я узнал лишь, что объявление появилось в газете шестнадцатого апреля; это вполне совпадало по времени. Но эта информация не стоила рюмки виски.

Я отвёз Перли обратно во дворец правосудия, а сам отправился на Салливан-стрит.

Миссис Риччи наотрез отказалась впустить меня в дом. Она сама открыла дверь и недовольно поморщилась, увидев меня. Я улыбнулся и сказал, что хочу пригласить Анну Фиоре на прогулку. Я вёл себя как истый джентльмен и терпеливо выслушал все обвинения в мой адрес, но, когда она попыталась захлопнуть дверь, чуть не прищемив мне нос, перешёл к делу:

— Позвольте, миссис Риччи, одну минуту, переведите дух и выслушайте то, что я вам скажу. У Анны неприятности, не с вами, а с полицией, понимаете, с полицией. Она рассказала нам кое-что, что может для неё плохо кончиться, если полиция узнает. Они пока не знают, и мы не хотим, чтобы они узнали, но у полиции есть подозрения. Мой хозяин хочет научить Анну, как себя вести с ними. Он должен это сделать. Неужели вам хочется, чтобы Анна попала в тюрьму? Забудьте все ваши женские обиды!

Она враждебно смотрела на меня.

— Вы лжёте!

— Нет, никогда. Спросите Анну. Позовите её сюда.

— Оставайтесь на крыльце и не вздумайте

входить в дом.

— Хорошо.

Она захлопнула дверь. Я сел на верхнюю ступеньку лестницы и закурил. Была суббота, на улице царили толчея, шум и гам, как в первый раз. В меня угодил чей-то мяч, уши лопались от крика ребятни, но в целом было даже интересно наблюдать за жизнью итальянского квартала. Когда я загасил окурок, за спиной послышался звук отворяемой двери, и я встал.

Вышла Анна в жакете и шляпке. За нею на пороге стояла миссис Риччи.

— Я позвонила мисс Маттеи, — сказала она. — Она говорит, что вам можно доверять, но я всё равно не очень-то верю. Если с Анной что-нибудь случится, мой муж убьёт вас. У неё нет ни отца, ни матери, девушка она хорошая, хотя и ветер в голове.

— Не беспокойтесь, миссис Риччи. — Я с улыбкой посмотрел на Анну. — Ты хочешь прогуляться?

Она кивнула, и я повёл её к машине.

Если мне когда-либо придётся кого-нибудь убить, то моей жертвой непременно будет женщина. Я встречал немало упрямых мужчин, людей, которые знали то, что мне было нужно,

но отказывались говорить, и в ряде случаев я не мог их заставить, как ни старался. Но несмотря на упрямство, в них всё же сохранялось что-то человеческое. Они всегда давали мне надежду, что стоит только найти ключик к ним, и они откроются. Однако при встрече с некоторыми из женщин я сразу понимал, что все усилия заставить их разговориться будут напрасными. Лица их тут же принимали выражение, способное любого довести до бешенства. Я уверен, многие делали это просто назло. На лице мужчины ты читаешь, что он умрёт, но не скажет. А женщина прямо даёт понять, что вполне могла бы сказать, да не скажет, и всё тут.

Я сидел и наблюдал в течение часа, как Ниро Вулф пробует свои психологические приёмы в разговоре с Анной Фиоре. И если она вышла из этой передряги живой, то только благодаря мне. Я понимал, что нельзя убивать курицу, несущую золотые яйца, даже если эта курица не желает нестись. Конечно, я не был уверен, что именно Анна Фиоре — та самая курица, которая осчастливит нас золотым яйцом. Думаю, не был уверен в этом и Вулф, но других несушек у нас не имелось.

Когда мы с Анной прибыли на Тридцать пятую

улицу, не было ещё одиннадцати, и нам пришлось ждать, когда Вулф спустится из оранжереи. Беседу с ней он начал просто и непринуждённо, будто сам собирался рассказать ей что-то, а от неё ему ничего и не нужно. Он просто хотел её кое о чём предупредить. Человек, приславший ей сто долларов, и есть убийца Карло Маттеи. Он коварен и опасен, и он знает, что ей известно то, что он хотел бы сохранить в тайне. Поэтому он захочет избавиться от неё тоже. Он говорил Анне, что мисс Маттеи хорошая женщина и её брат Карло тоже хороший человек и не заслужил смерти от руки убийцы. Поэтому убийца должен быть пойман и наказан.

Глядя на лицо Анны, я понял, что нас что-то ожидает.

Вулф углубился в тонкости личных договорённостей между людьми. Он объяснил подробно, что договорённость чего-то стоит лишь тогда, когда она добровольна. Анна же не договаривалась с убийцей, что будет молчать. Он просто прислал ей деньги и объяснил, как она может ими распорядиться. Он дал ей возможность выбора. Она могла сжечь деньги, если бы так решила. Она может сделать это даже сейчас.

Вулф полез в ящик, вынул пять новых двадца-

ток и разложил их веером перед Анной на столе.

— Вы можете сжечь свои купюры, мисс Фиоре. Это будет святотатством, я знаю, и, чтобы не видеть этого, я уйду из комнаты, но мистер Арчи поможет вам это сделать. Сожгите ваши банкноты и возьмите взамен мои. Вы понимаете? Я даю их вам, вот они лежат на столе. У вас при себе эти сто долларов?

Она кивнула.

— В чулке?

Девушка чуть приподняла край юбки, повернула ногу и показала под обтягивающей тканью юбки небольшую выпуклость.

— Вытащите их оттуда, — велел Вулф.

Девушка спустила чулок, достала пачку двадцаток и тоже развернула их. Затем бросила на меня взгляд и улыбнулась.

— Вот спички, — сказал Вулф, — а вот поднос. Я ухожу, а мистер Арчи поможет вам сжечь ваши двадцатки и взамен даст новые. Он с удовольствием это сделает. — Вулф бросил строгий взгляд в мою сторону.

— Начинай, Анна, — приступил я к делу. — Я знаю, у тебя доброе сердце. Мистер Маттеи был добр к тебе, и ты должна отплатить ему тем же. Мы вместе сожжём эти деньги, не так ли?

Но я допустил ошибку, попытавшись протянуть руку к деньгам. Двадцатки в мгновение ока снова оказались в чулке.

— Не бойся, Анна, — сказал я. — И не будь глупой. Никто не притронется к твоим деньгам, пока я здесь. Можешь сжечь их сама, я не буду тебе помогать.

— Никогда, — ответила Анна.

Я понимающе кивнул.

— Ты говорила это прежде, но теперь всё изменилось. Теперь ты должна сжечь их, чтобы получить другие.

Она покачала головой. Надо было видеть её лицо.

— Я не сделаю этого, — сказала она. — Я знаю, мистер Арчи, вы считаете меня не очень умной. Может, это и так, потому что все так говорят. Но я не дура, я хочу сказать, не такая дура. Это мои деньги, и я никогда их не сожгу. Я не буду тратить их до тех пор, пока не выйду замуж. А это не так уж глупо.

— Ты никогда не выйдешь замуж, ибо этот человек убьёт тебя, как убил мистера Маттеи.

— Он не убьёт меня.

Я в отчаянии подумал: «Господи, если он не сделает этого, то это сделаю я».

Вулф решил изменить тактику. Он прибег к хитрости и стал расспрашивать Анну о её родителях, детстве, обязанностях и распорядке дня у миссис Риччи, интересовался её мнением то об одном, то о другом. Она успокоилась и охотно отвечала, но настораживалась каждый раз, когда он спрашивал о работе. В первый раз Вулф напугал её, когда спросил что-то об уборке комнаты Карло Маттеи. Она тут же закрылась, как улитка в своём домике. Тогда он стал подбираться издалека, обходным манёвром, но опять неожиданно наткнулся на стену. Она отлично умела молчать, я мог бы восхищаться ею, если бы у нас было время. Глупая или нет, но она почти безошибочно реагировала на всё, что было связано с Карло Маттеи, словно что-то срабатывало у неё внутри, и по интуиции, пожалуй, могла бы поспорить с самим Вулфом.

Но он не сдавался. Он спокойно и неторопливо расспрашивал Анну о вещах, казалось бы, случайных, и, зная его необыкновенное терпение и упорство, я подумал, что недели через две он своего добьётся.

Но дверь в кабинет внезапно отворилась, на пороге появился Фриц. Когда Вулф кивком пригласил его войти, Фриц закрыл за собой дверь в холл и на подносе подал хозяину визитную кар-

точку. Вулф взял её, прочитал, и я заметил, как у него слегка раздулись ноздри.

— Приятный сюрприз, Арчи, — промолвил он и через стол протянул мне визитную карточку. Я взял её и прочитал. Вот это да! Мануэль Кимболл собственной персоной.

Глава 15

Я стремительно поднялся. Вулф продолжал сидеть, по привычке выпячивая и втягивая губы, а потом сказал:

— Проводи джентльмена в гостиную, Фриц. В холле слишком темно, там даже лица не разглядишь. И ещё: подними в гостиной шторы на окнах и открой дверь в холл, чтобы было больше воздуха.

Фриц вышел.

— Благодарю вас, мисс Фиоре, — сказал Вулф девушке ещё более тихим голосом, чем обычно. — Вы были очень терпеливы и вели себя разумно. Не обидитесь, если на сей раз не мистер Арчи отвезёт вас домой? У него много дел. Вас отвезёт Фриц, он отлично водит машину. Арчи, договорись с Фрицем, потом проводишь нашу гостью до выхода, и сразу же возвращайся.

— Понял. Пойдём, Анна.

— А не может ли мистер Арчи… — попыталась возразить девушка.

— Не надо, не говори ничего, Анна, — прервал я. — Я отвезу тебя домой в другой раз. А теперь

пойдём.

Я провёл её на кухню и объяснил Фрицу, какое его ждёт удовольствие. Кажется, мне никогда не было так жаль бедную Анну, как в этот момент, когда я увидел, что Фриц даже не покраснел. Это было ужасно. Но сокрушаться было некогда. Пока Фриц снимал фартук и надевал сюртук, а затем шляпу, я обдумывал дальнейший ход.

— Анна, не желаешь повеселиться, а? — предложил я. — Ты сегодня говорила о замужестве, и я вдруг подумал, каким должен быть тот, кто тебе приглянется и за кого ты захочешь выйти замуж. У нас в гостиной сидит молодой мужчина. Мне кажется, это именно тот, кто может тебе понравиться. Давай посмотрим, если хочешь. Он очень красивый. Когда мы пойдём через холл к выходу, мы незаметно задержимся у двери гостиной и ты посмотришь на него. А потом, когда мы выйдем на крыльцо, ты мне скажешь, понравился он тебе или нет. Хочешь посмотреть?

— Я знаю таких… — начала было Анна.

— Ладно, потом. Не надо говорить, а то он услышит твой голос и поймёт, что мы им интересуемся. Ты готов, Фриц?

Мы вышли в холл. Фриц, согласно инструкции, оставил дверь в гостиную открытой. Я постарался

провести Анну подальше от открытой двери. Нам хорошо был виден Мануэль Кимболл. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу. Услышав наши шаги, он посмотрел в сторону открытой двери, но в холле было темно, и он не мог нас видеть. Я держал Анну за локоть и не сводил глаз с её лица, пока она смотрела на Кимболла. Минуло несколько секунд, я осторожно повёл её в сторону входной двери. Открыв её, нас уже ждал Фриц.

Когда мы вышли на крыльцо, я захлопнул дверь.

— Ну как, Анна, он тебе понравился? — спросил я.

— Нет, мистер Арчи. Если вас интересует…

— Хорошо, в другой раз. Ты молодчина, Анна, до свидания. Фриц, не переживай, если ужин сегодня немного задержится. У меня такое чувство, что мы не скоро освободимся, к тому же мы не ждём гостей.

Я вернулся в дом и проследовал по холлу прямо в кабинет Вулфа. Он не шелохнулся в кресле.

— Она никогда не видела его, или она первоклассная актриса и самой Лин Фонтэйн[5] даст сто очков вперёд, — заявил я.

---

[5] Примечания: 5
Голливудская кинозвезда.

Вулф чуть кивнул.

— Пригласить его? — спросил я.

Снова кивок.

Я прошёл в гостиную через дверь из кабинета. Мануэль Кимболл поднялся с кресла, повернулся в мою сторону и отвесил лёгкий поклон.

— Простите, что заставили вас ждать, — произнёс я. — Молодой леди, нашей клиентке, не просто было объяснить, что для того, чтобы вернуть ей мужа, нам недостаточно лишь свистнуть. Прошу, проходите.

Вулф и на этот раз пренебрёг формальностями и при появлении гостя остался сидеть, сложив руки на животе. Я представил ему Кимболла.

— Как поживаете, мистер Кимболл? — осведомился шеф. — Извините, что приветствую вас сидя. Я не груб, поверьте, просто неповоротлив. Садитесь.

Я не заметил у Мануэля Кимболла никаких признаков волнения, он был чрезвычайно собран. Его чёрные глаза показались мне ещё меньше, чем в первый раз, когда я его увидел. В них была какая-то особая сосредоточенность, и поэтому теперь они не бегали, как тогда, будто хотели всё увидеть и всё заметить. Он был мускулист и подтянут, как легкоатлет, одет в отлично сшитый

костюм, с жёлтой бабочкой и таким же жёлтым платком в кармашке. Меня он словно не замечал. Как только он уселся в наше красное кресло для гостей, всё ещё хранившее тепло Анны Фиоре, он уставился на Вулфа и больше не отрывал от него глаз.

— Хотите пива? — предложил Вулф.

— Нет, благодарю, — покачал головой гость.

Я понял намёк и тут же отправился на кухню. Я поставил на поднос две бутылки пива из холодильника и стакан, стараясь поспешать, ибо ничего не хотел пропустить из их беседы. Вернувшись, я поставил поднос перед Вулфом, сел за свой стол в углу и стал озабоченно шуршать бумагами.

Говорил Мануэль Кимболл:

— …рассказал мне о своём вчерашнем визите к вам. У нас с отцом нет друг от друга секретов. Зачем вы сказали ему такое?

— Ну что ж, — промолвил Вулф и выдвинул ящик стола, чтобы взять открывалку. Открыв бутылку, он бросил крышку в ящик и налил пиво в стакан. Какое-то время он смотрел на пузырьки пены, потом перевёл взгляд на гостя. — Во-первых, мистер Кимболл, вы не можете знать, всё ли вам рассказал отец из того, что я ему говорил.

Поэтому не будем столь категоричны. Ваш тон похож на угрозу. За что именно вы собираетесь отчитать меня? Что такого я сказал вашему отцу, чего, по-вашему, не следовало говорить?

Мануэль улыбнулся и стал ещё более холоден и официален.

— Не искажайте мои слова, мистер Вулф. Я не собираюсь предъявлять вам претензии, просто прошу объяснить некоторые ваши заявления, которые я считаю недопустимыми. Я имею на это право, как сын человека, который уже в летах. Я никогда ещё не видел моего отца таким напуганным, и напугали его вы. Вы сказали ему, что причиной смерти Барстоу была клюшка, которую тот взял у моего отца.

— Да, сказал. И это правда.

— Значит, вы признаётесь, что сказали это? Но ведь это абсурд! Ваш помощник, который, как я понимаю, записывает наш разговор, надеюсь, запишет ваше признание. Я никогда не верил в выдумку об отравленной игле, убившей Барстоу. А сейчас верю ещё меньше. Какое вы имеете право сочинять подобные небылицы и причинять душевные страдания сначала семье Барстоу, а теперь и моему отцу? Это действия, дающие основания для судебного преследова-

ния, не так ли? Мне придётся посоветоваться со своим адвокатом. Это неправомерные действия с вашей стороны, и они должны быть немедленно пресечены.

— Не знаю, — задумчиво произнёс Вулф, а я отдал должное наблюдательности и уму Мануэля, сообразившего в первые же пять минут, чем я занимаюсь за своим столом. Не многим это удавалось.

Вулф выпил пиво и вытер платком губы.

— Я, право, не знаю, можно ли подобные действия считать неправомерными. Думаю, убийца сможет предъявить мне обвинение в клевете. Но, кажется, вы не это имели в виду, не так ли?

— Я имел в виду лишь одно. — Маленькие глазки Мануэля превратились в точки. — Этому следует положить конец.

— Но, мистер Кимболл, — запротестовал Вулф, — дайте мне шанс оправдаться! Вы обвинили меня в изобретении всяких нелепостей. Но я ничего не изобретал. Изобретение, выдающееся, оригинальное, я бы сказал талантливое — а я слов на ветер не бросаю, — принадлежит не мне. Я обнаружил его случайно. Если бы всё, что вы мне сказали, прозвучало из уст самого изобретателя, я бы посчитал его скромнейшим из людей. Нет,

сэр, не я изобрёл эту злосчастную клюшку.

— Её никто не изобретал. Где она, покажите мне её?

— Увы. — Вулф повернул руки ладонями вверх. — Но я надеюсь увидеть её.

— Где доказательства того, что она существует?

— Игла, которая была с силой выброшена из неё в момент удара по мячу и застряла в теле Барстоу.

— Гм. Почему именно из клюшки и при первом ударе?

— Чисто случайно совпало, что в этот момент пролетела оса, и Барстоу решил…

— Не убедительно, мистер Вулф. — В маленьких, пристально глядящих на Вулфа глазках Кимболла была насмешка. — Именно это я называю небылицами. Если у вас нет других доказательств, кроме этого, повторяю, я имею право потребовать, чтобы вы взяли свои слова обратно. Сегодня утром я был у мистера Андерсона, окружного прокурора в Уайт-Плейнс. Он разделяет моё мнение. Я требую, чтобы вы взяли свои слова обратно и извинились перед моим отцом. А также перед семьёй Барстоу, если вы им об этом сказали, а я подозреваю, что вы сделали это.

Вулф медленно покачал головой и, помолчав, с сожалением промолвил:

— Очень плохо, мистер Кимболл.

— Согласен. Но вы сами заварили кашу, вам и расхлёбывать.

— Вы неправильно поняли меня. Я имел в виду, очень плохо, что вам придётся иметь дело со мной. Я, пожалуй, единственный в этой части света человек, с которым вам не справиться, несмотря на вашу смелость и ум. Вам чертовски не повезло, что я оказался вашим оппонентом. Однако каждый из нас поставил перед собой задачу, соразмерную его силам. Прошу простить, что избрал обход с фланга, ибо вы не пожелали встречи лицом к лицу. Сомневаюсь, что вы сами верили в успех своей лобовой атаки на меня. Едва ли вы такого плохого мнения обо мне. Просто вам хотелось скрыть истинную цель вашего прихода, а она, похоже, в том, чтобы разузнать, какие у меня доказательства и насколько они веские. Однако вы и без этого уже знаете о них, иначе как бы я смог предугадать то, что показало вскрытие? Прошу, дайте мне закончить. Да, мне известно когда, где и кем была изготовлена клюшка с вмонтированным пусковым устройством. Я знаю, где сейчас находится тот, кто изготовил её. Я знаю,

какими будут ответы на моё объявление, которое я поместил сегодня утром. Вы, должно быть, уже читали его.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Мануэля, не изменился голос, когда он наконец заговорил, глядя прямо в глаза Вулфу:

— Если всё это вам уже известно, в чём я, однако, позволю себе усомниться, не следует ли вам передать эту информацию окружному прокурору?

— Да, следует. Вы хотите, чтобы я сделал это?

— Хочу ли я? Разумеется, если она у вас имеется.

— Хорошо. — Вулф укоризненно погрозил ему пальцем. — Я сейчас скажу вам, мистер Кимболл, что вам надо сделать. Этим вы окажете мне услугу. По дороге домой вы завернёте к мистеру Андерсону и расскажете об имеющейся у меня информации, а также посоветуете ему прислать кого-нибудь за ней. А теперь, прошу извинить, я опаздываю на ланч. Позвольте сделать вам комплимент: любого другого на вашем месте я попытался бы задержать ещё немного в надежде выведать побольше. Но в данном случае разумнее будет отправиться на ланч.

Мануэль уже встал.

— Хочу предупредить вас, мистер Вулф, что от вас я направляюсь прямо к адвокату. Он свяжется с вами.

Вулф кивнул.

— Разумеется, это лучший ход в данной ситуации. Самый простой, но и самый лучший. Ваш отец не понял бы вас, если бы вы этого не сделали.

Мануэль Кимболл повернулся и вышел. Я встал, чтобы соблюсти приличия и проводить его, но, когда я вышел в холл, его уже и след простыл.

Я вернулся в кабинет. Вулф, сидел, откинувшись в кресле и закрыв глаза.

— Этот парень, похоже, явился сюда, чтобы узнать, может ли он продолжать и далее, пока к концу недели не расквитается с собственным отцом.

Я сказал всё это довольно громко, чтобы разбудить шефа, если он заснул. Но Вулф, вздохнув, открыл глаза и помотал головой.

— Ланч, Арчи.

— Не раньше, чем через десять минут. Фриц вернулся только в час дня.

— Анчоусы с зеленью отвлекут нас.

Он встал, и мы проследовали в столовую.

Я знал, что за её порогом дела Барстоу — Ким-

болл на данный момент не существует. Вернее, не существует Вулфа, который этим делом занимается, по крайней мере, для меня. За столом, чрезмерный в еде, он был предельно скуп на слова. Вернувшись в кабинет, он снова уселся в кресло. Я же за своим столом приводил в порядок какие-то мелкие дела, но их было не так уж много. Я то и дело бросал взгляды на шефа, гадая, когда он снова вернётся к жизни. Несмотря на закрытые глаза он, видимо, чувствовал мои взгляды, потому что неожиданно вспылил:

— Чёрт побери! Да перестань ты шуршать своими бумажками!

Я встал.

— Так и быть, прощаю вам эту грубость. Но куда мне прикажете деваться? Вы что, язык проглотили?

— Куда хочешь. Пойди прогуляйся.

— А когда вернуться?

— Когда хочешь, это не имеет значения. К обеду.

— А вы будете вот так сидеть и ждать, когда Мануэль прикончит старого Кимболла?

— Иди, Арчи.

По всему было видно, что он так настаивает на этом, потому что уже половина четвёртого, а

в четыре он поднимается в оранжерею к своим орхидеям.

Видя его настроение, я взял в холле шляпу и отправился в кино, чтобы хорошенько всё обдумать. Но чем больше я думал, тем беспокойней было на душе. Визит Мануэля Кимболла и вызов, брошенный им, иначе это не назовёшь, почти достигли цели. Во всяком случае, я так считал. Я знал, что пока мы ещё не готовы сообщить миссис Барстоу, куда направить чек на пятьдесят тысяч долларов, но до моего сознания ещё не дошло, как мало в нашем распоряжении фактов. Кое-что из того, что мы узнали, могло иметь важное значение, но у нас, как и вначале, не было доказательств убийства, не говоря о том, что мы до сих пор не знали, кто его совершил. Но и это не всё. Сейчас мы не знали с чего начать, от чего оттолкнуться, чтобы пойти вперёд. Если это сделал Мануэль, как уличить его в этом? Найти клюшку? Шансов почти никаких. В воображении я уже видел, как он низко летит на своём самолёте над рекой или другим водоёмом и бросает в воду клюшку, привязав к ней здоровенный кусок свинца, чтобы сразу пошла на дно. Узнать, как он добыл яд? Тоже маловероятно. Он, видимо, вынашивал этот план несколько лет, а если даже

не лет, то уж месяцев наверняка. Он мог привезти яд из Аргентины, когда приехал сюда вместе с отцом. Впрочем, он мог получить его оттуда в любое время. Как установить, что он убийца? Заставить его каким-то образом позвонить миссис Риччи, чтобы она узнала его голос? Да, неплохо бы это сделать. Для присяжных это неоспоримая улика даже без всяких совещаний.

Я просидел в кинотеатре целых три часа, так и не увидев того, что было на экране. В результате всё закончилось головной болью.

Я так и не узнал, что делал Вулф в субботу и воскресенье. Может, тоже бился головой об стенку, как и я. Он не был общителен в эти дни. Может, он ждал, когда Мануэль сделает первый шаг? Но этот шаг мог оказаться убийством отца. Где мы тогда оказались бы? Андерсон нам не подмога, и хотя мы с Вулфом не надели бы траура по Е. Д. Кимболлу, но наверняка стали бы оплакивать пятьдесят тысяч, проплывшие мимо носа. Что касается Е. Д. Кимболла, то, по-моему, четвёртого июня он уже получил своё и должен был благодарить судьбу, подарившую ему лишних две недели жизни. Но Вулф ждал не таких результатов. Я был в этом уверен, судя по тому, что он сказал о Мануэле в воскресенье в полдень. Лишь тогда он немного

раскрылся и начал говорить, но не конкретно по делу. Он просто философствовал.

Всё воскресенье шёл дождь. Я написал пару писем, просмотрел две воскресные газеты и провёл два часа в оранжерее в обществе садовника и орхидей. Настроение у меня было прескверное. Проклятый дождь шёл не переставая. Я бы плевал на погоду, если бы было чем заняться. Но слоняться без дела по мрачному притихшему дому и слушать беспрестанный шум дождя не способствовало улучшению моего самочувствия. Поэтому я был рад, когда в половине седьмого кое-что наконец нарушило гнетущую монотонность моего существования.

Я был в кабинете шефа и листал газеты, когда вдруг раздался телефонный звонок. Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы встать с кресла и взять трубку. К своему удивлению, я услышал в ней голос Вулфа. Он первым поднял трубку, хотя и был в оранжерее. Обычно он делал это лишь тогда, когда знал, что меня нет дома.

— Вулф слушает.

— Это Даркин, мистер Вулф. Всё в порядке. Она утром пошла в церковь, а когда вернулась, спустя какое-то время снова вышла в кондитерскую лавку, чтобы купить себе мороженого. Сейчас

она уже дома. Думаю, больше никуда не пойдёт, уже поздно.

— Спасибо, Фред. Подежурь до десяти, так будет лучше. У Сола дежурство завтра с семи утра, ты его сменишь в два часа пополудни.

— Хорошо, сэр. Будут ещё распоряжения?

— Нет, всё.

Я с такой силой бросил трубку на рычаг, что это неизбежно, как я надеялся, должны были ощутить барабанные перепонки моего хозяина.

Когда через полчаса он сошёл вниз, я даже не взглянул на него, углубившись в чтение какого-то журнала и надеясь, что от злости не держу его вверх ногами. В такой позе я просидел ещё полчаса, время от времени перелистывая страницы. Внутри всё кипело.

— Идёт дождь, Арчи, — неожиданно сказал Вулф.

Я даже не поднял головы.

— Отстаньте. Я читаю.

— Да ещё такой порывистый ветер, — невозмутимо продолжал шеф. — Как ты думаешь, Арчи, может, всё же стоит съездить в редакции и забрать ответы на объявление, если они уже поступили?

Я отрицательно качнул головой.

— Нет, сэр, не стоит. Такое перенапряжение мне не под силу.

Щёки Вулфа пошли складками.

— Я замечаю, Арчи, что затяжной дождь действует на тебя куда хуже, чем на меня. Или ты просто берёшь с меня пример?

— Нет, сэр. Это не дождь, и вы, чёрт побери, прекрасно это знаете! — Я бросил журнал на пол и уставился на него, не скрывая раздражения. — Итак, вы считаете, что лучший способ поймать хитрого и умного убийцу — это устроить на Салливан-стрит детскую игру в «блошки»? Вы хотя бы предупредили меня об этом! Я бы тогда упоминал Даркина в своих молитвах. Выходит, я только на это и гожусь. Что собирается там делать Даркин? Поймать Анну с клюшкой?

Вулф укоризненно погрозил мне пальцем.

— Возьми себя в руки, Арчи. Нечего меня поддевать и нечего придираться. Я всего лишь гений, а не Господь Бог. Гений может разгадывать неразрешимые загадки и делать их достоянием гласности. Один только Господь может их нам загадывать. Я прошу прощения, что не сказал тебе о Даркине. Моя голова была слишком занята. Я позвонил ему вчера, когда ты ушёл на прогулку. Он не собирается ловить Анну, он охраняет её.

Когда она в доме, она в относительной безопасности, когда же выходит, может случиться всякое. Я не думаю, что Мануэль Кимболл будет предпринимать решительные шаги до тех пор, пока не убедится, что ему не грозит расплата за первую попытку. Следует отдать ему должное, всё было задумано и выполнено превосходно. А что касается нас с тобой, Арчи, то у нас нет иного шанса, кроме мисс Фиоре. Умный — это слишком мало для оценки Кимболла-младшего. По-своему он даже уникален. Лучший способ победить плохое настроение в дождливый день — это поразмышлять над хитроумным планом нашего героя. Он не оставил нам шансов, кроме одного — мисс Фиоре. Даркин должен сохранить её для нас.

— Хорошо сказано — сохранить. Поместить в стеклянную банку и закупорить крышкой.

— Что ж, банку всегда можно и откупорить. Что мы и сделаем. Но пока это подождёт. Мы должны узнать всё, что произошло пятого июня. Кстати, у нас где-нибудь записан телефон Марии Маттеи? Отлично. К слову, мы ещё не знаем, что так неистово охраняет от нас Анна Фиоре. Если это пустяк, мы откажемся от кавалерийской атаки и перейдём к осаде. Человек, замысливший такое непростое дело, как убийство, не может всё

предусмотреть до мельчайших мелочей, они-то и будут его ахиллесовой пятой. Он, конечно, постарается их получше замаскировать, и тут главное — терпение и большая изобретательность. Что касается молодого Кимболла, то их ему не занимать. Если мисс Фиоре прячет от нас жемчужину, которую мы ищем, я искренне надеюсь, что он об этом не узнает. Если же узнает, девушка обречена.

— Даже если её охраняет Даркин?

— Трудно уберечь человека от внезапного удара молнии. Мы только увидим, как она сверкнет. Я объяснил это Фреду Даркину. Если Мануэль просто убьёт девушку, мы тут же схватим его. Но я уверен, что он на такое не пойдёт. Вспомни обстоятельства, при которых он послал ей эти сто долларов. В тот момент он не мог предполагать, что Анна знает что-то, что может связать его с Барстоу, иначе он поостерёгся бы делать этот нелепый жест и не послал бы ей деньги. Видимо, он знал всего лишь имя девушки. Может, Карло Маттеи упомянул Анну в разговоре, сказал что-то о её характере, о каких-нибудь мелочах, которые она могла заметить и которые могли привести к Мануэлю Кимболлу. Поэтому после убийства Маттеи он решил рискнуть сотней долларов,

чтобы подстраховаться. Если моё предположение верно и мисс Фиоре ничего не знает помимо того, что уже известно Мануэлю Кимболлу, нам предстоит длительная осада. Сол Пензер отправится в Южную Америку, я уже предупредил его вчера по телефону. Твоя программа действий в этом случае будет сложной и довольно трудоёмкой. Жаль, конечно, но у нас не будет прямых улик против Мануэля Кимболла. Первую часть загадки мы разгадали благодаря роковому для Мануэля повороту событий и моей, казалось бы, неоправданной настойчивости при допросе мисс Фиоре по всяким пустякам.

Вулф умолк. Я встал и потянулся.

— Этот тип паршивый мексикашка, вот всё, что я могу сказать, — заявил я.

— Нет, Арчи. Мистер Кимболл — аргентинец.

— Для меня он даго[6]. Пойду выпью молока. Принести вам пиво?

Он отказался.

Я встал и ушёл на кухню. Мне сразу стало легче. Временами самоуверенность шефа раздражала меня настолько, что у меня начиналась мигрень, но бывало, что она действовала как успокаи-

---

[6] Примечания: 6
Презрительная кличка мексиканца *(ам.)*

вающее прикосновение женских пальчиков к усталому лбу. Сегодня был именно такой случай. Насладившись молоком и печеньем, я отправился в кино и на этот раз видел всё, что происходило на экране. Когда я возвращался домой, дождь лил по-прежнему.

Утро следующего дня выдалось на редкость удачное. Даже в Нью-Йорке после хорошего дождя воздух бывает свежим и ароматным, словно в лучах яркого солнца растворяются и исчезают миазмы огромного города — смрад выхлопных газов, запах скученности и нищеты из открытых окон, дверей, узких дворов-колодцев и лифтовых шахт. В такое умытое дождём утро дышится легко. Я решил воспользоваться этим в полную меру. В половине девятого я уже миновал Бронкс и свернул на главное шоссе.

За это время я успел объехать все редакции и собрать около двадцати ответов на наше объявление. Половину можно было сразу выбросить — их авторами были или мошенники, или люди, ищущие лёгкой наживы, или острячки-самоучки. Остальные вполне добросовестно сообщали факты, не имеющие никакого отношения к тому, что нас интересовало. Очевидно, пятого июня был особо удачный день для пилотов-любителей,

ибо немало их посадило свои самолёты на лугах. Однако три письма заслуживали внимания — в них были ответы на все вопросы, которые нас интересовали. Получалось, что их авторы одновременно видели посадку интересующего нас самолёта на лугу вблизи Хоторна. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, подумал я.

Но это была та правда, которая была мне нужна. В миле от Хоторна, следуя указаниям одного из писем, я свернул с шоссе на просёлочную каменистую дорогу, ведущую в гору. Вскоре эта дорога с размытыми колеями, которая сузилась настолько, что грозила превратиться в тропку или исчезнуть совсем, привела меня к дому. Там я справился, как проехать к Картерам. Оказалось, ещё выше в гору, и я продолжил свой путь.

Дом Картеров на самой вершине холма производил впечатление постройки, готовой рухнуть в любую минуту. Его не штукатурили бог знает сколько, может, с самой войны, вокруг него вместо травы буйно разрослись сорняки. Однако местная собачонка встретила меня дружелюбно и радостно, а бельё на верёвках сияло белизной.

Я нашёл миссис Картер за домом, где она заканчивала стирку. Это была сухощавая подвижная женщина, у которой не хватало переднего зуба.

— Миссис Т. А. Картер?

— Да, сэр.

— Я по поводу вашего ответа на моё объявление в субботней газете. О посадке самолёта. Ваш ответ очень подробный. Значит, вы видели, как я сел?

Она кивнула.

— Конечно, видела. Правда, я сама не читала объявления, но Минни Уотер видела его, а так как я ей рассказывала о самолёте, она сразу вспомнила и принесла объявление в субботу вечером. Хорошо, что я ей рассказала. Конечно, я видела, как вы сели.

— Не думал, что отсюда будет видно.

— Ещё как. Идёмте, сами убедитесь. Это очень высокий холм. — И она повела меня через двор и заросли кустарника за домом. — Вот какой вид отсюда, — с гордостью сказала она. — Мой муж говорит, что такой вид миллион долларов стоит, если его показывать туристам. Видите, там водохранилище. Похоже на озеро, не правда ли? — Она указала рукой. — А вот поле, на которое вы сели. Я подумала, что-то случилось, поломка какая. Я видела много самолётов в воздухе, а вот чтобы сел на землю, видела в первый раз.

Я кивнул.

— Очень хорошо, спасибо за такое подробное

письмо. Мне, пожалуй, и спрашивать нечего. Вы увидели меня в десять минут седьмого, как я вышел и пошёл через поле к дороге. Вы пишете, что вернулись в дом, взглянуть на обед на плите, после уже не видели меня. Когда стемнело, мой самолёт всё ещё оставался на лугу. В половине десятого вы легли спать, а утром самолёта уже не было. Так?

— Да, так. Я решила написать всё, что видела и что было, потому, что…

— Совершенно правильно. Мне кажется, вы любите, чтобы всё было точно, миссис Картер? Вы описали мой самолёт лучше, чем я сам смог бы это сделать. Да ещё с такого расстояния. У вас хорошее зрение. Кстати, вы не можете мне сказать, кто живёт вон в том белом доме внизу?

— Конечно. Там живет мисс Уэлман, художница из Нью-Йорка. Арт Баррет, который отвёз вас в Хоторн, работает у неё.

— Да? Ну конечно же. Это именно то место. Премного благодарен, миссис Картер, вы поможете мне выиграть пари. Главное — узнать, сколько ещё человек видело меня.

Я решил тут же дать ей пять долларов. Видит Бог, она в них нуждалась, к тому же она не оставила Мануэлю Кимболлу ни малейшего шанса. Я

не знал, насколько серьёзно Вулф подозревал его, но отлично понимал, что, пока не будет точно установлено всё, что произошло пятого июня, шеф будет откладывать решающий разговор с Анной Фиоре. Я никогда не доверял чувствам в такой степени, как Ниро Вулф. Они часто уводили меня в сторону, заставляя высокопарно изъясняться, за что мне потом бывало стыдно, и я тут же спешил опереться на факты. Поэтому я подумал, что услуга миссис Картер стоит дороже, чем пять долларов. С Мануэлем Кимболлом всё было ясно. А вот как добыть достаточное количество улик — это уже другое дело.

Миссис Картер, зажав в руке пять долларов, поспешила к дому, заявив, что бельё само не постирается. Я постоял ещё какое-то время, разглядывая луг внизу. Так вот где Мануэль Кимболл посадил свой самолёт. Через это поле он прошёл к белому дому и попросил здешнего жителя отвезти его в Хоторн. Там, в нескольких милях от собственного дома, он заблаговременно оставил свою машину либо ту, что нанял в ближайшем гараже, и в ней отправился в Нью-Йорк. По пути он, видимо, остановился в Уайт-Плейнс, позвонил Карло Маттеи и договорился о встрече. Его уже тревожило то, что Маттеи отказался от мыс-

ли уехать в Европу. А когда они встретились в половине восьмого вечера и Маттеи показал ему вырезку из утренней газеты о смерти Барстоу и, может, завёл разговор о том, как трудно в таких случаях держать язык за зубами, для Мануэля этого оказалось достаточно. Покружив ещё немного с Маттеи в машине по окрестностям, он отыскал наконец уединённое местечко и там всадил бедняге нож в спину. Удар пришёлся прямо в сердце. Не вынимая ножа из раны, чтобы не испачкать кровью сиденье, он ездил по округе, пока не нашёл то, что ему было нужно. Вытащив из машины убитого, Кимболл поволок его в заросли кустов, где и оставил. Сев в машину, он вернулся в Хоторн, где взял такси, которое отвезло его в тот же белый дом в долине. Если бы ему понадобилась помощь, чтобы взлететь, он мог воспользоваться помощью Арта Баррета и таксиста. Около десяти вечера Мануэль совершил посадку на собственном аэродроме, а механику Скиннеру сказал, что ночью летать куда интересней, чем днём.

Ничего сверхъестественного во всём этом не было, кроме одного — незаурядной сообразительности Карло Маттеи, который, прочитав сообщение о смерти Барстоу, тут же всё понял. Но я не стал сосредоточиваться на этом, ибо, может,

ещё раньше что-то насторожило Маттеи или сама оригинальность механизма, за изготовление которого ему так хорошо заплатили, заставила его призадуматься.

Я решил не прощупывать Арта Баррета. Я мог бы тоже представиться ему лётчиком-любителем, как представился миссис Картер, но ничего сверх того, что я уже знал, он мне всё равно не сказал бы, так что не стоило ломать голову, как к нему подступиться. Пока мне и без этого хватало дел. Два других ответа на объявление тоже могли подождать. Я хотел поскорее вернуться на Тридцать пятую улицу, поскольку помнил обещание Вулфа тут же приступить к откупориванию банки, то есть Анны Фиоре, как только мне удастся разобраться, где Мануэль Кимболл приземлился вечером пятого июня.

Я задержался на минуту у верёвки с бельём, чтобы попрощаться с миссис Картер, развернул машину и, медленно ведя её по огороженной валунами дороге, стал спускаться с холма на шоссе. Непроизвольно я начал что-то напевать под нос, чему сам немало удивился. Я получил доказательства, что мы на верном пути, хотя до цели, увы, ещё далеко. И всё же я пел.

На Фордхэм-роуд я остановился, позвонил Вул-

фу и коротко проинформировал его. Он уже был в кабинете. Когда я стоял перед светофором на Тридцать шестой улице, на городских часах пробило полдень.

Я остановил машину у подъезда. Когда я вошёл, Вулф, как всегда, сидел за столом в кресле, а Фриц устанавливал перед ним поднос с двумя бутылками пива.

— Добрый день, друг Гудвин, — оригинально поприветствовал меня Вулф.

— Что? — изумился я и вдруг понял: я забыл снять шляпу. Я тут же вернулся в холл и бросил шляпу на крюк вешалки.

— Я бы не раздражался по таким пустякам, — сказал я, садясь перед ним и улыбаясь во весь рот. — Разве я не говорил вам, что Мануэль Кимболл — паршивый мексикашка? Признаю, ваше объявление в газете было верным ходом.

Вулфа, казалось, мало интересовало, о чём я говорю, но он вежливо кивнул.

— Нашёл этот луг?

— Я всё нашёл. Даже женщину, которая видела, как он сел, и точно может сказать, какие части самолёта окрашены в красный цвет, а какие в синий. Нашёл и человека, который отвозил его в Хоторн. В общем, узнал всё, что только можно.

— Ну? — Он даже не смотрел на меня.

— Что значит «ну»? Вы опять хотите меня обидеть. В чём дело?

Он предупреждающе поднял ладонь:

— Спокойнее, Арчи. Твои успехи заслуживают того, чтобы отпраздновать, но тебе придётся извинить меня за то, что откладываю это до лучших времен. Твоё столь внезапное возвращение помешало мне сделать один весьма важный звонок. Я как раз собирался найти номер телефона, когда вошёл ты. Может, поможешь мне? Ты знаешь телефон Барстоу?

— Конечно. Что-то важное? Соединить?

— Да, и не клади отводную трубку. Мне нужна мисс Сара Барстоу.

Я отошёл к своему столу, справился на всякий случай с записной книжкой и позвонил. Мне ответил дворецкий Смолл. Я попросил к телефону мисс Барстоу. Как только она взяла трубку, я кивнул Вулфу. Он взял трубку своего аппарата, а я свою так и оставил прижатой к уху.

— Мисс Барстоу? — начал хозяин. — Говорит Ниро Вулф, доброе утро. Я позволю себе осведомиться, получили ли вы орхидеи? Никаких орхидей не получали? Простите, значит, произошла какая-то ошибка. Разве не вы оказали мне

честь прислать записку сегодня утром с просьбой послать вам орхидеи? Не посылали никакой записки? Нет, нет, не беспокойтесь, здесь просто какое-то недоразумение. Простите за беспокойство, до свидания.

Мы одновременно положили трубки. Вулф откинулся на спинку кресла. Я торжествующе улыбался.

— Стареем, сэр. В молодости мы никогда не посылали девушкам орхидей, если они сами об этом не просили.

Щёки Вулфа не дрогнули. Он задумчиво выпячивал и втягивал губы. Рука его по привычке потянулась открыть ящик стола, но он тут же её отдёрнул, даже не коснувшись ручки.

— Арчи, ты много раз слышал, как я говорил, что я артист. Мне кажется, моя слабость — делать заявления, не лишённые драматического эффекта. Тем более не следует отказываться от них, когда обстоятельства того требуют. Так вот: в этой комнате витает смерть.

При этих словах я непроизвольно оглянулся, но он тут же пояснил:

— Нет, пока никаких трупов. Смерть ждёт своего часа. Она ждёт меня, возможно, всех нас, не знаю. Утром, когда я был в оранжерее, Фриц

передал мне вот эту записку.

Он полез в карман, вынул листок бумаги и протянул его мне.

Я стал читать. Записка была следующего содержания:

> «Дорогой мистер Вулф!
>
> Неделю назад в Вашем доме мистер Гудвин преподнёс мне две необыкновенной красоты орхидеи. Не будет ли дерзостью с моей стороны просить Вас о шести или восьми таких же орхидеях? Они так прекрасны. Посыльный подождёт, если Вы будете столь великодушны и удовлетворите мою просьбу. А я от всей души благодарю Вас.
>
> ***Сара Барстоу».***

— Не похоже на неё, — убеждённо сказал я.

— Возможно. Ты знаешь её лучше, чем я. Я, разумеется, помню, как она вернулась сюда из оранжереи с брассокаттлеями труфотиана в руках. Теодор и я срезали для неё ещё дюжину и положили в коробку, а Фриц отнёс вниз. Когда сегодня в одиннадцать я вошёл в кабинет и сел за стол, я почувствовал, что воздух хранит следы чьего-то присутствия. Ты знаешь мою

обострённую чувствительность на посторонних, вот почему я ограждаю свои нервы от них. Я знал, что сегодня был посетитель, и это встревожило меня. Я вызвал Фрица. Действительно, к нам заходил молодой человек, он принёс записку и остался ждать орхидеи. При нём была продолговатая фибровая коробка с ручкой, как у чемодана. Уходя, он унёс её с собой. Фриц, провожая его к выходу, видел её у него в руках. Но по меньшей мере минут десять посетитель оставался один в гостиной, ждал ответа. Дверь из гостиной в кабинет не была заперта, а дверь из кабинета в холл была закрыта. — Вулф вздохнул. — Увы, мисс Барстоу не писала мне никакой записки.

Я вскочил и бросился к нему.

— Немедленно уходите отсюда!

Он покачал головой.

— Уходите, — настаивал я. — Я могу в случае чего отскочить, а вы — нет! Чёрт побери, быстрее же! Я знаю, как обращаться с бомбами. Фриц! Фриц!

Фриц влетел в кабинет.

— Наполни кухонную мойку доверху водой, — распорядился я. — Мистер Вулф, ради бога, уходите, она может взорваться в любую секунду! Я сейчас постараюсь обнаружить её.

Я слышал, как Фриц пустил воду в кухне. Но Вулф не двинулся с места, а я, чёрт побери, не мог бы сдвинуть его, даже если бы попробовал. Он продолжал качать головой и даже погрозил мне пальцем.

— Арчи, пожалуйста… Прекрати панику! Ничего не трогай. Никакой бомбы здесь нет. Бомба шипит или тикает, у меня отличный слух. К тому же у мистера Кимболла не было времени, чтобы изготовить хорошую бомбу, а на плохую он не согласился бы. Это не бомба. Я тут поразмыслил, да и моё чутьё кое-что мне подсказало. Подумай сам: когда мистер Кимболл был у меня, в этом кабинете, он мог заметить мою особенность — я не делаю резких движений, ничего, что даже отдалённо можно было бы назвать резким движением. Кроме одного, и это он заметил. Я открываю ящик стола и сую туда руку. Если тебе это ровным счётом ничего не говорит, то ему — очень многое. Давай проверим.

Я буквально прыгнул на него, решив, что он немедленно откроет ящик стола, но он жестом остановил меня. Он просто собирался встать с кресла.

— Принеси из холла мою палку из красного дерева. Проклятье, делай, что тебе говорят!

Я выбежал в холл, схватил палку и бегом вернулся в кабинет.

Вулф уже встал и обошёл вокруг стола. Теперь он стоял с другой его стороны прямо напротив своего кресла. Протянув руку через стол, он пододвинул к себе поднос с бутылками и стаканом.

— А теперь, — сказал он, — проделаем следующее. Нет, прежде закрой дверь в холл. — Я закрыл дверь и вернулся к столу. — Спасибо. Теперь возьми палку за другой конец, протяни её через стол и попытайся ручкой палки достать ручку ящика стола. Как только сделаешь это, толкни палку вперёд и открой ящик. Нет, подожди. Открывать надо медленно, постепенно, а не рывком. Открыв, сразу же освободи палку, на тот случай, если она понадобится для другой цели. Начинай.

Я начал. Изогнутый конец палки легко зацепился за ручку ящика, но под таким углом мне трудно было выдвигать ящик постепенно, и я нажал посильнее. Ящик выдвинулся так внезапно, что я чуть не выронил палку. Я поднял её повыше, чтобы освободить от ручки ящика… и вдруг в испуге заорал:

— Берегитесь!

У Вулфа в каждой руке было по бутылке с пивом. Он держал их за горлышки и мгновенно с треском

опустил одну из них на стол, но промахнулся. То, что появилось из ящика, отличалось молниеносной быстротой. Голова показалась уже снаружи, но большая часть туловища и хвост оставались в ящике. Я изо всех сил пытался попасть палкой по голове, но подлая тварь увёртывалась. Стол был залит пивом и усыпан осколками стекла. Я готов был обратиться в бегство, прихватив с собой Вулфа, но он, изловчившись, нанёс второй удар прямо по голове гадины и размозжил её. Длинное коричневое тело ещё извивалось какое-то время, но это был конец. Вторая бутылка с пивом тоже разлетелась вдребезги, обрызгав нас пивом с ног до головы. Вулф, отступив шаг назад, вынул носовой платок и вытер лицо.

— Боже мой! — испуганно воскликнул вошедший в комнату Фриц.

— Да, видишь, Фриц, какой беспорядок мы тут устроили, — произнёс я. — Ты уж извини нас, придётся убирать.

Глава 16

Я попытался снова:

— Фэ-э-р-де-ланс.[7]

Вулф одобрительно кивнул.

— Теперь лучше. Больше в нос. Нет, ты не лингвист, Арчи. Дефект произношения не есть нечто механическое. Чтобы иметь настоящее французское произношение, надо не только испытывать антипатию к самым святым предрассудкам англосаксов, но и глубоко презирать их. А вот ты обходишься без презрения, даже не понимаю как. Да, Фер-де-ланс, Botrops firox по-латыни. После южноамериканской гремучей змеи это самая ядовитая.

С моей помощью Фриц навёл порядок в кабинете, затем занялся приготовлением ланча. Когда тело змеи перестало подавать признаки жизни, я растянул её на всю длину прямо на полу в кухне и измерил: шесть футов три дюйма. Туловище было толщиной с моё запястье, окраска — грязно-коричневая в желтизну. Даже мёртвой она

---

[7] Примечания: 7

Fer-de-lance *(фр.)* — буквально «остриё копья»; вид очень ядовитой американской копьеголовой змеи ботропс.

выглядела зловеще. Проделав все измерения, я поднялся и ткнул пару раз в змею измерительной линейкой. Я гадал, что теперь с ней делать, и спросил об этом стоявшего рядом Вулфа. Не выбросишь же её в мусорный бак. Может, бросить куда-нибудь в реку?

Щёки Вулфа сморщились.

— Нет, Арчи, жалко. Достань картонную коробку, набей её стружкой, сделай аккуратную посылку и отправь мистеру Мануэлю Кимболлу. Фриц отвезёт её на почту. Это облегчит совесть мистера Кимболла-младшего.

Я так и сделал, и это отнюдь не отразилось на моём аппетите. После ланча мы стали ждать прихода Марии Маттеи. Вулф пригласил её сразу же после моего звонка с Фордхэм-роуд.

— Он получил эту змею, конечно, из Южной Америки, — глубокомысленно заметил я.

Вулф удовлетворённо откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он был доволен, что змею прикончил его удар, хотя и жалел о пролитом пиве.

— Да, видимо, оттуда, — буркнул он под нос. — Близкая родственница гремучих змей, одна из немногих, что нападают без предупреждения. Всего неделю назад я видел её в одной из книг,

которые ты мне достал. Этот вид в изобилии водится в Южной Америке.

— В теле Барстоу был обнаружен змеиный яд.

— Да. Такое подозрение возникло, как только начались затруднения с анализами. Игла, видимо, была обильно смазана ядом. Но, увы, Арчи, всё это предположения, и они ничего нам не дадут, если Анна Фиоре не оправдает наших ожиданий и придётся перейти к длительной осаде. Если запастись терпением, многого можно добиться и оставить кое-что в резерве. Как ты думаешь, в поместье Кимболлов есть какая-нибудь яма, куда он носил крыс для своей питомицы? Но как ему удалось получить яд? Если он сам добывал его, то не иначе как заставляя змею вонзать зубы в банан. Хотя едва ли. Возможно, какой-нибудь приятель прислал ему яд из Аргентины? Такое вполне вероятно. Молодой, смуглый, красивый, как описал его Фриц. Это он принёс записку от мисс Барстоу. Умеющий обращаться со змеями, в обыденной жизни он может оказаться простым билетёром в кинотеатре на Сотой или Шестидесятой улице, как ты думаешь? Или же моряк с одного из латиноамериканских судов, посланный Кимболлу самой судьбой, прибывший не далее как вчера в Нью-Йорк? Трудные вопросы,

но на каждый из них можно найти ответ. Похоже, Мануэль организовал доставку змеи заранее, как некий запасной вариант. Если устройство, созданное человеком, не сработает, можно воспользоваться тем, что создала сама мать-природа. Когда змея была доставлена, она могла внезапно понадобиться для другого, срочного дела. Жажда мести уступила место трезвой осторожности. Что ж, с этим планом ему тоже не повезло.

— Если не повезло один раз, можно тут же повторить, — заметил я.

Вулф погрозил мне пальцем.

— Ошибаешься, Арчи, сильно ошибаешься. Месть умеет ждать. Мистер Мануэль Кимболл не относится к числу нетерпеливо-импульсивных личностей. Даже в силу обстоятельств решившись на отчаянный поступок, он и здесь не будет действовать сгоряча. До прихода Марии Маттеи осталось полчаса. Ты успеешь получить инструкции. Бери блокнот.

Я сел за свой стол и минут двадцать записывал всё, что он мне говорил. После первых двух минут на моём лице появилась улыбка, не сходившая с него всё время, пока шёл инструктаж. Всё было безукоризненно продумано, с учётом всех деталей. Вулф даже предусмотрел, что делать,

если Мария Маттеи откажется или ей не удастся убедить Анну. В этом случае план действий остаётся прежним, но меняются персонажи. Тогда я должен взять на себя Анну.

Вулф позвонил Берку Уильямсону и тот взялся устранить все возможные препятствия. В шесть вечера должен явиться Сол Пензер, он возьмёт машину и получит инструкции. Когда мы с Вулфом закончили, мне осталось уточнить лишь самую малость. Я снова пробежал глазами всё, что записал. Вулф уже отдыхал, насладившись пивом, и делал вид, что недоволен собой.

— Ладно, успокойтесь, вы — гений, — утешил я его. — Если Анна что-то утаивает, то теперь ей это уже не удастся.

Он рассеянно кивнул.

Мария Маттеи была точна. Я с нетерпением ждал её, поэтому опередил Фрица и сам открыл дверь. Она была вся в чёрном, и если бы встретилась мне на улице, я не узнал бы её, так она изменилась. Воодушевлённый планами Вулфа, я собирался встретить её улыбкой, но вовремя опомнился. Ей было не до улыбок, да и мне тоже, как только я её увидел. Её вид сразу отрезвил меня и напомнил, что может сделать с человеком смерть родного брата. Она постарела лет на де-

сять, в её живых глазах не было прежнего блеска — они угасли.

Я провёл её в кабинет хозяина, усадил в кресло и отошёл к своему столу.

Поздоровавшись с Вулфом, она неожиданно сказала:

— Вы, наверное, хотите получить свои деньги?

— За что? — спросил Вулф.

— За то, что нашли моего брата Карло. Но его нашли не вы и не полиция. Его нашли мальчишки. Поэтому я вам ничего не заплачу.

— Ваше право, мисс Маттеи, — со вздохом сказал Вулф. — Я, признаться, даже не думал об этом, и мне жаль, что вы подняли этот вопрос. Он навёл на меня грустные размышления. Но ладно, забудем об этом. Позвольте задать вам вопрос. Хотя я понимаю, насколько тяжело вам отвечать на него, но это необходимо. Вы видели вашего брата?

Её потускневшие неживые глаза были устремлены на Вулфа. Я увидел, насколько ошибался: жизнь не угасла в них, она просто отступила куда-то вглубь, ждала своего часа.

— Я видела его, — тихо проговорила она.

— И, возможно, видели рану на спине? Рану, нанесённую ножом убийцы?

— Да, видела.

— Хорошо. Если у меня появилась бы возможность найти убийцу вашего брата и передать его в руки правосудия, но для этого понадобилась бы ваша помощь, вы оказали бы её мне?

Угасшие глаза на мгновение вспыхнули, но тут же снова померкли.

— Я заплачу вам деньги, мистер Вулф, — произнесла Мария Маттеи.

— Уверен, что заплатите. Но давайте пока забудем о деньгах. Мне нужна помощь иного рода. Вы достаточно умны и привыкли принимать лишь разумные решения. Возможно, необходимость неразумных решений приведёт вас в смятение, однако это всё, что есть в нашем распоряжении на данный момент. Поэтому будет лучше, если я всё вам объясню. Человек, убивший вашего брата, разыскивается мною и ещё кое-кем за другое преступление. Более громкое, но не менее прискорбное. Я знаю, кто убийца, но мне нужна ваша помощь.

— Знаете? Кто он, скажите мне! — Мария Маттеи рванулась к нему. На этот раз блеск не исчез из её глаз.

Вулф укоризненно погрозил ей пальцем.

— Спокойнее, мисс Маттеи. Боюсь, вам придётся

забыть о мести. Помните, люди цивилизованные и осторожные совершают убийства при особых обстоятельствах, которые могут позволить им избежать личной ответственности. Итак, продолжим. Вы можете мне помочь, и вы должны мне верить. Мистер Даркин, муж вашей приятельницы Фанни, подтвердит вам это. Более того, он нам будет помогать. Мне надо поговорить с мисс Анной Фиоре, девушкой, которая работает в меблированных комнатах, где жил ваш брат. Вы знаете её?

— Конечно, знаю.

— Она вам доверяет?

— Трудно сказать. Она довольно скрытная.

— А есть что скрывать? Благодарю, мисс Маттеи, вы весьма деликатно объяснили ситуацию. Но всё же, не могли бы вы сегодня вечером в моём автомобиле с моим шофером заехать к мисс Фиоре и уговорить её совершить с вами небольшую прогулку? Придумайте любой предлог, главное, чтобы она не отказалась.

Мария Маттеи посмотрела на него и после минутного раздумья утвердительно кивнула.

— Она согласится, хотя это может показаться ей странным. Я должна что-то придумать…

— У вас будет на это время. Я предпочитаю,

чтобы вы сами придумали повод для прогулки, так будет лучше. Вот и всё, что от вас потребуется. Мой человек поведёт машину. Во всём остальном строго следуйте моим указаниям, вернее, указаниям мистера Гудвина. Арчи, пожалуйста… — Вулф оперся руками о край стола, отодвинул кресло и встал. — Прошу прощения, что покидаю вас, мисс Маттеи, но это время я провожу в оранжерее. Когда вы закончите, мистер Гудвин проводит вас туда, если вы пожелаете посмотреть на цветы.

С этими словами он покинул комнату.

Мне так и не пришлось показать Марии Маттеи оранжерею с орхидеями. Лишь к пяти часам я закончил свой инструктаж, а впереди было ещё немало других дел. Мария выслушала меня внимательно, без возражений. Тем не менее пришлось кое-что повторить, а кое-что отрепетировать даже трижды, прежде чем я решил, что теперь она не позабудет что-нибудь от волнения. Мы с ней решили, что ей лучше договориться с Анной заранее. Я проводил Марию и посадил её в такси, которое должно было доставить её на Салливан-стрит.

Затем я занялся другими делами. Надо было приготовить нож, маски, пистолет, позвонить

в гараж и заказать машину, поскольку мы не могли воспользоваться нашей — Анна узнала бы её, — и, наконец, я разыскал Билла Гора и Орри Кетера. Я порекомендовал их Вулфу, и он дал добро. Даркину он велел быть у него в семь вечера.

Закончив всё и зная, что времени в обрез, в половине седьмого я наспех поужинал на кухне, пока Вулф в кабинете наставлял Сола Пензера. Уходя, Сол заглянул в кухню и, состроив мне гримасу, словно одной его физиономии было недостаточно, крикнул:

— Наворачивай энергичней, Арчи, может, это твой последний ужин!

С полным ртом я не мог достойно ему ответить, поэтому ограничился лишь коротким:

— Усохни, креветка.

Билл Гор и Даркин пришли вовремя, Орри немного задержался. Я объяснил им план действий, а с Орри ещё и повторил кое-что, потому что от него многое зависело. Прошло два года с тех пор, как мы с ним ходили на задание вместе, и всё это напомнило мне старые добрые времена. Было приятно снова видеть, как он кривит свои тонкие губы и, оглядываясь по сторонам, ищет, куда бы сплюнуть жвачку.

Вулф ещё ужинал, когда мы без пяти восемь

покинули дом.

Гараж прислал мне чёрный «Бьюик», который, разумеется, напоминал наш «родстер», только тем, что тоже имел четыре колеса и мотор. Орри сел рядом со мной, а Гор и Даркин — на заднее сиденье. Я подумал: как жаль, что всё это лишь инсценировка, ибо в этой компании я мог бы задержать не только автобус дальнего следования, но и фургон с контрабандным виски. Орри посоветовал повесить на радиатор дощечку с надписью «Разбойники с большой дороги», на что я механически улыбнулся. Я был уверен, что всё пройдёт нормально. Вулф верно подметил, что Анна умом не блещет. Однако я успел убедиться, что она в пределах своих способностей иногда замечает то, что недоступно иному умнику.

Нам надо было на запад, поэтому я взял курс на Соумилл-Ривер-роуд. Поместье Уильямсонов находилось в самой глубине округа, к востоку от Территауна. Вынырнув из лабиринта городских улиц, мы выехали на боковое шоссе. Я хорошо знал эти места, не хуже родной Тридцать пятой улицы. Четыре года назад я бывал здесь часто. Я рассчитывал, что к половине десятого мы будем на месте, но пробка у Йонерса задержала нас, и мы прибыли с опозданием на несколько минут.

Стемнело, я решил включить фары. Мы ехали по парку по той самой аллее, где я когда-то нашёл миссис Уильямсон в глубоком обмороке. Пришлось, помню, отнести её к пруду, чтобы привести в сознание.

Наконец я остановил «Бьюик» у крыльца и, оставив своих друзей в машине, поднялся на крыльцо и позвонил. Мне открыл Тензер, дворецкий, который узнал меня. Мы обменялись рукопожатиями. Я сказал, что в дом заходить не стану, мне всего лишь на минутку нужен хозяин. Берк Уильямсон тут же вышел ко мне, мы дружески поздоровались, и он в который раз выразил сожаление, что меня не было в пятницу на традиционном обеде. Я тоже сказал, что очень огорчён.

— Я немного опоздал, мистер Уильямсон, и зашёл, чтобы проверить, всё ли готово, — произнёс я. — Надеюсь, в парке не будет служанок, вышедших половить светлячков? Мы можем начинать?

— Всё в порядке, — рассмеялся он. — Ничто не помешает исполнению вашего зловещего плана. Можно нам спрятаться в кустах и посмотреть, как всё это будет происходить?

Я покачал головой.

— Лучше оставайтесь дома. Я вас сегодня больше не увижу, ибо мне сразу же придётся исчезнуть. Вулф позвонит вам завтра, чтобы поблагодарить.

— Не стоит. Это я его вечный должник, и что бы я для него ни сделал, всё будет мало.

Я развернул машину и поехал назад по аллее к тому месту, которое приметил заранее, на полпути к въезду в поместье, в трёхстах ярдах от шоссе. Там по обеим сторонам аллеи рос густой кустарник, за ним поднимались деревья. Здесь было достаточно темно, что и требовалось. Аллея сужалась, и её вполне можно было заблокировать, лишь припарковав наш «Бьюик» у её края.

Я так и сделал и выключил фары. Мы вышли. Было около десяти вечера, через пятнадцать минут должна была появиться машина с Анной и Марией. Я раздал оружие, вручил Орри нож, мы все надели маски. Ну и вид у нас был! Я не мог удержаться от улыбки, слушая шуточки Орри, хотя, по правде сказать, находился в довольно взвинченном состоянии. Всё должно было пройти, как задумано. Я проинструктировал ребят ещё раз, и все заняли свои места в зарослях кустарника. Было уже совсем темно. Началась шутливая перекличка из кустов, но я быстро прекратил это,

ибо боялся, что не услышу шум приближающейся машины.

Через несколько минут послышался шорох шин медленно движущейся машины. Из-за кустов мне не были видны огни фар, но наконец они блеснули, и водитель, увидев издали наш «Бьюик», замедлил ход. Едва машина затормозила, я выскочил из кустов, прыгнул на широкую подножку лимузина Вулфа и сунул дуло пистолета прямо в лицо Солу Пензеру, сидевшему за рулём.

Мои напарники, как по сигналу, присоединились ко мне. Рядом со мной на подножку встал Билл Гор и тоже сунул пистолет в открытое окно машины. Орри и Даркин пытались открыть заднюю дверцу кузова. Мария Маттеи пронзительно кричала. Анны Фиоре не было слышно.

— А ну выходите, да побыстрее! — громко приказал Орри. — Если не хотите, чтобы я вас продырявил!

Анна вышла и стояла, прижавшись к подножке. Билл Гор залез в машину и вытащил оттуда Марию.

— Заткнись, чего орёшь! — рявкнул на неё Орри. А мне крикнул: — Если шофёр будет валять дурака, врежь ему. Погаси фары.

— У меня её сумочка! — заявил Даркин. — Ого,

тяжёленькая!

— Держи её при себе, а бабе заткни рот, чтоб не орала!

Даркин, подкравшись к Анне, заломил ей руки за спину, а Орри поднёс фонарик к её лицу. Она была бледна, губы плотно сжаты. Она не издала ни единого звука. Орри, играя фонариком, светил ей в лицо, сам скрываясь в темноте.

— А, это ты! Наконец-то попалась. Значит, будешь рассказывать направо и налево о привычке Карло Маттеи делать вырезки из газет, будешь болтать по телефону о чём не следует? Будешь, говори? А, не будешь больше. Нож, что схлопотал Маттеи, сгодится и для тебя. Передашь ему привет от меня.

Он выхватил длинный нож и взмахнул им в воздухе несколько раз. Блики света, упавшие от фонарика, заставили лезвие зловеще сверкнуть. Орри был великолепен. Мария Маттеи отчаянно закричала и бросилась на него, чуть не вырвавшись из рук Билла Гора. Но Билл — двести фунтов веса, одни мускулы и ни дюйма жира — быстро справился с ней. Даркин, оттащив Анну Фиоре подальше от ножа, крикнул Орри:

— Брось свои штучки! Ты же обещал, что больше не будешь.

Орри перестал играть ножом и снова направил луч фонарика в лицо девушке.

— Ладно, — свирепо прорычал он. — Где сумка? Я ещё к тебе вернусь. Давай сумку, нечего трясти головой. Где она? Где те сто долларов, что я тебе послал? Нет? Ну-ка, держите её, сейчас поищем, где она их прячет.

Он попытался дотянуться до её чулок. Анна, похожая на ощетинившуюся кошку, вырвалась из рук Даркина и издала вопль, который наверняка услышали в Уайт-Плейнс. Орри схватил её за рукав и, не рассчитав, наполовину оторвал его, но Даркин уже овладел положением. Анна, поняв, что убежать не удастся, перешла к защите, пустив в ход ноги и зубы. Глядя на это, я был рад, что взял столько помощников. Наконец Даркин кое-как утихомирил её, держа за руки и не давая ей возможности вцепиться в кого-нибудь зубами. Орри так и не удалось залезть ей в чулок, и он просто содрал его. Я понял, что операцию надо заканчивать, не то Анну придётся связывать, поэтому велел Солу дать задний ход, чтобы проехал мой «Бьюик». Даркин на руках донёс сопротивляющуюся Анну до лимузина Вулфа и втолкнул её туда. Орри не отступал от них, требуя у Анны деньги:

— Ты оставила их, ты не сожгла, как тебе было велено, да? Будешь теперь держать язык за зубами?

Я бросился к своему «Бьюику» и завёл мотор. Остальные тоже заняли свои места в машине. Когда мы тронулись, я слышал голос Марии Маттеи, что-то кричавшей нам вслед, но Анны не было слышно. Закладывая лихие виражи на поворотах, я выехал на шоссе и дал полный газ.

Доехав до Соумилл-Ривер-роуд, я свернул на юг и сбавил скорость до сорока миль в час. Билл Гор на заднем сиденье задыхался от смеха. Орри, сидевший рядом, хранил молчание.

— Ты достал деньги? — спросил я.

— Да, достал. — Голос его мне не понравился. — Я придержу их у себя, пока не узнаю, как Ниро Вулф решает вопросы социального страхования своих сотрудников.

— Она нанесла тебе увечья?

— Она укусила меня дважды. Эта девчонка сражалась за них, как за собственную жизнь. Если бы я знал, что мне предстоит поймать тигра голыми руками, поверь, я нашёл бы отговорку, чтобы не участвовать.

Билл Гор опять расхохотался, а я решил, что всё прошло не так уж плохо. Вулф будет доволен. Я

опасался лишь одного — как бы перепуганная нападением Анна не замолчала окончательно. Но я почему-то верил, что этого не случится. Вулф хорошо придумал, что обратился к Марии и та согласилась помочь. Правда, потом не очень-то будет приятно отвозить домой Анну, потерявшую свои сто долларов. Теперь же нам осталось решить главную задачу: узнать, что утаивает от нас Анна. Как скоро нам это удастся? Выполним ли мы до конца всё, что задумал Вулф, а если выполним, то чем обрадует нас мисс Фиоре?..

Мне надо было как можно скорее вернуться в особняк на Тридцать пятой улице, поэтому я не стал развозить по домам моих попутчиков. Билл Гор вышел на Девяностой улице, а Даркина и Орри я высадил у станции метро на Таймс-сквер. Поскольку «Бьюик» не следовало оставлять у крыльца, я отвёл его в гараж, а домой отправился пешком.

Мне не очень нравилась идея Мануэля Кимболла по поводу того, какие подарки следует посылать Ниро Вулфу, поэтому, уезжая, велел Фрицу закрыть дверь на засов. Теперь же мне пришлось звонить в дверь, чтобы он впустил меня. Была полночь, но Фриц открыл сразу.

Вулф сидел в кабинете, жевал печенье и делал

пометки в каталоге цветов. Войдя, я остановился и ждал, когда он удостоит меня взглядом. Выдержав положенное время, он наконец сказал:

— Ты вовремя.

Я кивнул.

— И не на щите, что характерно, а вот Орри досталось. Она укусила его, и Даркина тоже. Сущий дьявол. В остальном всё прошло как по маслу. Они скоро будут здесь. Я пойду к себе и переоденусь для следующего действия. Можно выпить стаканчик молока?

— Добро, — сказал Вулф и вернулся к изучению каталога.

Я взял стакан с молоком с собой наверх и, раздеваясь, а затем облачаясь в пижаму, попивал молоко маленькими глотками. Следующее действие нашего спектакля предполагало немало всякой суеты, но меня мирила с этим мысль, что наконец я смогу покрасоваться в домашнем халате, который Вулф подарил мне пару лет назад и которому я до сего дня так и не находил применения. В сущности, я надевал его всего один раз.

Я закурил сигарету, допил молоко, надел халат и погляделся в зеркало. Пока я занимался всем этим, за окном послышался звук подъехавшей машины. Встав поближе к открытому окну, я

услышал голос Сола Пензера, а затем Марии Маттеи. Сев на край постели, я докурил сигарету, потом взял ещё одну.

Я просидел таким образом почти полчаса. Я слышал, как Фриц впустил Марию и Анну в дом, слышал их голоса в холле, вскоре переместившиеся в кабинет. А затем наступила тишина. Время тянулось так медленно, что я начал уже опасаться, не случилось ли какой ошибки или не решил ли Вулф разгадать шараду без меня. Но вот послышались шаги в холле, затем на лестнице, и в дверях появился Фриц, сообщивший, что Вулф ждёт меня. Я задержался ещё ровно на столько, сколько требуется человеку, чтобы проснуться, встать, накинуть халат и спуститься со второго этажа на первый. Я не забыл также растрепать волосы.

Вулф, как обычно, сидел за столом, перед ним в кресле сидела Мария, а Анна стояла поодаль, прислонившись к стене. Вид у неё был ужасный — наполовину оторванный рукав, одна нога без чулка, лицо испачкано грязью, волосы в беспорядке.

— Мисс Маттеи! Анна! — воскликнул я в испуге. — На вас спустили свору собак?

Вулф укоризненно погрозил мне пальцем.

— Арчи, прости, что потревожил тебя, но мисс Маттеи и мисс Фиоре стали жертвами преступления. Они выехали за город навестить сестру мисс Маттеи и стали жертвой разбойного нападения. Их машина была остановлена, им угрожали, их, наконец, ограбили. У мисс Маттеи отняли сумочку, а у мисс Фиоре её деньги, доставшиеся ей, как мы знаем, так нелегко.

— Нет! — воскликнул я в благородном гневе. — Анна, неужели они отняли у тебя твои деньги?

Взгляд Анны был обращён на меня. Я мужественно выдержал его и поспешил перевести глаза снова на Вулфа.

— Он отнял их у меня, — тихо промолвила Анна.

Вулф понимающе кивнул.

— Мисс Фиоре считает, что деньги отнял у неё тот, кто их ей прислал. Я посоветовал ей и мисс Маттеи обратиться в полицию, но они отказались. Мисс Маттеи принципиально не верит полиции. Мисс Фиоре, например, считает, что мы, и особенно ты, Арчи, способны помочь ей лучше всякой полиции. Разумеется, в таком виде ты не можешь пуститься на поиски грабителей по горячим следам, тем более что преступление было совершено в тридцати милях от нас. Но

мисс Фиоре просила, чтобы именно ты занялся этим. У тебя есть какие-нибудь соображения на этот счёт?

— Да, — опечаленно вздохнул я. — Всё это ужасно. Надо же, а я спал и ничего не ведал. Жаль, что не я был за рулём, Анна. Думаю, что тогда ничего подобного не произошло бы. Меня мало интересует, кто был тот человек, который отнял у тебя деньги. Не думаю, что это тот, кто тебе их прислал. Тот просто убивает, и, не задумываясь, убил бы и тебя тоже.

Анна переводила встревоженный взгляд то на меня, то на Вулфа. Но в её глазах не было подозрительности. Она просто была подавлена и потрясена невосполнимой утратой.

— Он хотел убить меня, но я его укусила, — сказала она.

— Твоё счастье, что он тебя не убил. Видишь, Анна, к чему приводит доверчивость, когда имеешь дело с негодяем. Если бы ты сожгла эти деньги, как я тебе советовал, и рассказала нам всё, что тебе известно, у тебя остались бы те сто долларов, которые предлагал тебе мистер Вулф. Теперь тебе жечь нечего, денег нет, и вернуть их можно, лишь поймав бандита. Не забывай, что он убил Карло Маттеи. Посмотри, что он с тобой сделал!

Порвал одежду, содрал чулок. Он бил тебя?

Анна покачала головой.

— Нет, не бил. А вы можете его поймать?

— Попытаюсь. Было бы проще, если бы я знал, где его искать.

— И тогда вы всё мне вернёте?

— Ты имеешь в виду твои деньги? Конечно.

Анна посмотрела на свою голую ногу, и её рука коснулась подола юбки и того места, где совсем недавно в чулке были спрятаны деньги. Мария Маттеи что-то собиралась сказать, но Вулф жестом остановил её. Анна, не поднимая глаз, вдруг произнесла:

— Мне надо переодеться.

Я не сразу сообразил, но Вулф мгновенно всё понял.

— Да, конечно. Арчи, зажги свет в гостиной. Мисс Маттеи, будьте добры, проводите туда мисс Фиоре.

Я вышел в гостиную, чтобы зажечь свет и задернуть шторы на окнах. Мисс Маттеи и Анна, последовавшие за мной, ждали, когда я уйду. Дружески улыбнувшись Анне, я направился к двери. Анна была бледной, но я никогда ещё не видел в её глазах такой решимости. Я вышел и закрыл за собой дверь.

Вулф сидел прямо, а не как обычно, откинувшись на спинку кресла. Его лицо не выражало ничего, что могло бы остановить моё внимание, но руки, лежавшие на подлокотниках кресла, особенно указательный палец правой руки, выдавали его. На полированной поверхности подлокотника указательный палец рисовал какие-то кружочки, что свидетельствовало о высшей степени волнения моего шефа.

Я сел. В гостиной слышались приглушённые шорохи движений и тихие голоса. Наши гостьи не торопились.

— Вы мне подарили отличную римскую тогу, шеф, — сказал я, чтобы что-то сказать.

Вулф посмотрел на меня, вздохнул и снова опустил веки.

Когда дверь открылась, я вскочил. Анна вышла первой, сжимая в руке какие-то бумаги. Оторванный рукав был приколот булавкой, волосы кое-как приглажены. Она направилась прямо ко мне и, сунув мне в руки пакет, пробормотала:

— Мистер Арчи…

Я хотел потрепать её по плечу, но по её глазам понял, что, если сделаю это, она разрыдается. Поэтому я только кивнул ей, она отошла, и они с Марией сели. У меня же в руках остался неболь-

шой конверт из плотной бумаги. Я повернулся к Вулфу и хотел было передать конверт ему, но он кивком велел мне вскрыть его. Конверт не был запечатан. Я вынул содержимое и разложил на столе.

Это была интересная коллекция. Мы с Вулфом тщательно ознакомились с ней: сообщение о смерти Барстоу, вырезанное из газеты «Нью-Йорк таймс» от пятого июня, чертежи на небольших листках бумаги, выполненные аккуратно и со знанием дела — две пружины, курок и несколько разных деталей, одна из них напоминала головку клюшки для гольфа. Вырезка из воскресного номера журнала «Ротогравюра» со снимком Мануэля Кимболла, стоящего у самолёта, и текст внизу о популярности авиаспорта среди молодёжи Вестчестера. Под снимком карандашом написано: «Человек, которому я сделал клюшку. См. чертежи. 26-го мая 1933 года. Карло Маттеи». Далее — десятидолларовая юбилейная банкнота, и на ней четыре подписи: Сары Барстоу, Питера Оливера Барстоу, Лоуренса Барстоу и Мануэля Кимболла. Подписи, сделанные мягким коричневым карандашом, заняли половину банкноты.

Я ещё раз с интересом взглянул на них.

— Потрясно, — прошептал я.

— Если я терплю вульгарные словечки твоего дружка Сола Пензера, это вовсе не означает, что я намерен слышать их и от тебя, даже в виде похвалы, — возмутился Вулф. — Бедняга Карло! Так всё предвидеть и всё же решиться на встречу. В выигрыше случайно оказались мы с тобой, Арчи, а он жестоко поплатился за свою смелость. Это была недостойная сделка. Мисс Маттеи, вы потеряли сумочку, но обрели успокоение. Убийца вашего брата известен, возмездие в наших руках. Мисс Фиоре, вы получите свои деньги. Мистер Арчи найдёт их, обещаю вам. И сделает это немедленно. Я знаю, как мало вы верите обещаниям. Вы — человек, живущий настоящим. А пять двадцатидолларовых бумажек — это реальность, не так ли? Ждать осталось недолго, мисс Фиоре. А теперь скажите, когда он передал вам всё это?

Анна рассказала. Не то чтобы она была многословной, но теперь отвечала на все вопросы Вулфа. А его интересовала любая мелочь, и он велел мне всё записывать. Анна видела клюшку. Карло Маттеи в течение нескольких дней не велел ей входить в его комнату, пока он работал над ней, а шкаф держал запертым на ключ. Но однажды, когда его не было дома, ей удалось открыть шкаф, однако то, что она увидела там,

едва ли могло представлять для неё интерес. Работа ещё не была завершена, но Анна сразу поняла, что это клюшка для гольфа. Вернувшись, Маттеи обнаружил, что клюшка лежит не на месте. Это напугало его, и он пригрозил Анне, что, если она проболтается, он вырвет ей язык. Вот и всё, что она знает о клюшке. Этот конверт Маттеи передал ей пятого июня, в тот день, когда исчез. Это было часов в семь вечера, после его разговора по телефону. Он позвал её к себе в комнату и дал этот конверт. Сказал, что она вернёт его ему на следующий день утром, но если он не вернётся вечером и от него не будет никаких известий, она должна отдать конверт его сестре Марии.

Услышав это, Мария Маттеи пришла в сильное волнение и, вскочив со стула, бросилась к девушке. Я хотел перехватить её, но резкий, как звук хлыста, голос Вулфа опередил меня.

— Мисс Маттеи! — Вулф погрозил ей пальцем. — Извольте сесть на место, слышите? Благодарю вас. Ваш брат уже мёртв. Поберегите свой гнев. Оттаскав мисс Фиоре за волосы, вы в лучшем случае добьётесь от неё, почему она не отдала вам конверт сразу же. Но это и без того ясно, я могу сам объяснить, избавив мисс Фиоре от этой неприятной обязанности. Я не знаю, за-

претил ли ваш брат ей заглядывать в конверт, но она это сделала. Там она увидела бумажку в десять долларов. Это были деньги, и они оказались в её распоряжении. Мисс Фиоре, до того, как Карло Маттеи дал вам этот конверт, какие самые крупные банкноты вы держали в руках?

— Не знаю.

— Анна, у тебя были когда-нибудь десять долларов? — спросил я девушку.

— Нет, мистер Арчи.

— А пять долларов?

Она отрицательно покачала головой.

— Миссис Риччи давала мне каждую неделю один доллар.

— Ты сама покупаешь себя одежду, обувь?

— Конечно, сама.

Я воздел руки к небу.

— Мисс Маттеи, — вмешался Вулф, — мы с вами изредка мечтаем, что сделаем, если вдруг разбогатеем. Бывает такое? Бывает. Но разве кто из нас в своих мечтах ограничивался такими мизерными суммами? Я думаю, Анна колебалась, она даже боролась с собой, и наверняка отдала бы вам конверт целёхоньким на следующее утро, если бы в то же утро не получила другой конверт. Это было не просто богатство, а целое состояние. Она

не выдержала, она сдалась. Внутренняя борьба закончилась, хотя кое-какую победу над собой Анна всё же одержала. Поэтому, мисс Маттеи, не совершайте ошибки. Уведите мисс Фиоре и спрячьте её у себя. Шофёр ждёт вас внизу. Объясните вашим хозяевам, что она — племянница из провинции, приехала погостить пару деньков. Придумайте, что хотите, но подержите её, пока я не сообщу, что опасность миновала. Мисс Фиоре, ни при каких условиях не выходите из дому. Вы меня слышите?

— Я сделаю всё, что скажет мистер Арчи, — ответила Анна.

— Вот и хорошо. Арчи, поезжай с ними и по дороге всё объяснишь.

Я кивнул, поднялся к себе, переоделся и снова спустился вниз.

Глава 17

Проводив мисс Маттеи и Анну в дом на Парк-авеню, где Мария служила экономкой, я вернулся на Тридцать пятую улицу. В кабинете Вулфа уже было темно. Он ушёл к себе, а меня ждала записка:

> «Арчи, узнай у мисс Барстоу, что побудило их испортить государственную банкноту США.
>
> ***Н. В.»***

Я и без него знал, что мне придётся это сделать.

Памятуя о дьявольской изобретательности Мануэля Кимболла, я, вместо того чтобы сразу лечь спать, вышел в холл, надеясь увидеть полоску света под дверью спальни Вулфа. Но в холле тоже было темно.

Я на всякий случай вполголоса спросил:

— Вы уже спите?

— Проклятье, не приставай ко мне, — услышал я в ответ.

— Хорошо, сэр. Надеюсь, вы включили сигна-

лизацию?

— Включил.

Лишь после этого я вернулся к себе и лёг спать. Был третий час ночи.

Утро выдалось пасмурное, дождливое, но меня это не огорчало. Я не спеша позавтракал, предупредил Фрица, чтобы держал входную дверь на засове, пока я не вернусь, взял плащ и берет и, насвистывая, отправился в гараж за машиной. Настроение ещё больше поднялось, когда я прочёл в утренней газете, что прокуратура Уайт-Плейнс склонна считать причиной смерти П. О. Барстоу укус змеи. Все прочие трагические детали и обстоятельства — не более чем совпадения и не имеют никакой связи с данным несчастным случаем. Меня так и подмывало позвонить Гарри Фостеру в «Газетт» и сказать, что теперь он может безнаказанно отпускать шпильки в адрес прокурора Андерсона. Что же касается меня, то я, увы, не мог себе этого позволить, ибо не знал дальнейших планов Вулфа в отношении окружного прокурора.

Ещё одной причиной моего хорошего настроения была исчерпывающая полнота информации, содержащейся в конверте, который Анна Фиоре ей одной известным образом умудрилась хра-

нить при себе всё это время. При мысли о том, что конверт был при ней и в мой первый приезд на Салливан-стрит, но мне просто не хватило ума выведать у неё это, я готов был сам себя высечь. А может, это и к лучшему? Если бы конверт был передан Марии Маттеи, кто знает, как бы всё это кончилось!

Из центра города я позвонил в поместье Барстоу, а когда в половине десятого приехал туда, Сара Барстоу уже ждала меня. Прошло четыре дня с тех пор, как я видел её в последний раз. Я был поражён, как она изменилась: щёки её округлились, она распрямила плечи и перестала сутулиться. Я встал со стула, когда она вошла в знакомую мне комнату, на этот раз мрачную и серую, как день за окном, и пожала мне руку. Она сообщила, что миссис Барстоу здорова и доктор Брэдфорд почти уверен, что приступы не повторятся, а затем спросила, не хочу ли я выпить молока.

Я улыбнулся.

— Нет, спасибо. Как я вас предупредил по телефону, мисс Барстоу, на сей раз это деловой визит. Мой прошлый визит был светским, помните? Так вот, сегодня будем говорить о деле. — Я вынул из кармана десятидолларовую бумажку и протянул ей. — Ниро Вулф сформулировал свой вопрос к

вам следующим образом: что побудило вас испортить юбилейную банкноту США?

Она с удивлением разглядывала банкноту, затем улыбнулась. Лёгкая тень на мгновение омрачила её лицо. Она, видимо, вспомнила об отце.

— Каким образом… где вы это взяли?

— О, у одного спекулянта. Откуда и почему здесь эти подписи? Это вы здесь расписались?

Она кивнула.

— Мы все поставили свои подписи. Я, кажется, вам уже говорила. Однажды, прошлым летом, Ларри и Мануэль Кимболл сыграли на пари партию в теннис. Я была судьёй на линии, а отец — рефери матча. Ларри проиграл пари и вручил мистеру Кимболлу проигранные десять долларов. Тот захотел оставить банкноту на память с нашими автографами. Мы сидели тогда на боковой террасе…

— Мистер Кимболл взял эту банкноту себе?

— Конечно, ведь он её выиграл.

— Это именно те десять долларов, вы уверены?

— Да, вот наши автографы. Мистер Гудвин, возможно, это праздное любопытство, но как эта банкнота оказалась у вас?

Я взял банкноту и бережно вложил в конверт

— не в тот, в котором хранил её Карло Маттеи, а в конверт из прочной бумаги с металлической скрепкой, удобный для хранения документов, — эти подписи надо было беречь, чтобы не стерлись, — и положил в карман.

— Сожалею, мисс Барстоу, но поскольку ваше любопытство, как вы сказали, праздное, я думаю, вам придётся подождать. Недолго, я надеюсь. Вы прекрасно выглядите. Когда вы вошли, мне захотелось ущипнуть вас за щёчку.

— Что?! — в изумлении воскликнула она и рассмеялась. — Хорошенький комплимент, мистер Гудвин.

— Я тоже так считаю. Если бы вы знали, как редко я отпускаю такие комплименты. Всего доброго, мисс Барстоу.

Когда мы прощались, она всё ещё смеялась.

По-прежнему моросил дождь. Я продолжил свой путь на юг. Обдумывая всё, я пришёл к заключению, что эта десятидолларовая бумажка, пожалуй, подвела черту. Три других вещественных доказательства тоже были уликами, но принадлежность банкноты Мануэлю Кимболлу была бесспорна. Тогда как она могла попасть к Карло Маттеи? Видимо, размышлял я, Мануэль хранил её в бумажнике как сувенир. Но рассчи-

тываясь с Маттеи за клюшку, он выбрал для этого местечко потемнее, чтобы их никто не видел, и второпях, вместе с другими деньгами отдал и эту десятку. Потом он, наверное, хватился и попросил Маттеи вернуть её, но тот мог сказать, что не видел такой банкноты или уже истратил её. Этот факт мог уже насторожить Маттеи, поэтому он придал такое значение известию о смерти П. О. Барстоу. Ведь его подпись тоже стояла на банкноте. Да, дорого Кимболлу-младшему обошлась эта партия в теннис.

Проезжая через Уайт-Плейнс, я снизил скорость, решив заодно нанести визит окружному прокурору и кое-что ему разъяснить. Это будет разумнее, чем возвращаться под дождём в Нью-Йорк, а потом снова ехать сюда. Я позвонил из телефонной будки Вулфу, рассказал ему о результатах визита к Саре Барстоу и попросил дальнейших указаний, поскольку я уже здесь. Но он велел мне немедленно возвращаться домой. Я сказал, что нахожусь прямо под окнами кабинета Андерсона и могу сразу приступить к выполнению заданий, на что он ответил:

— Возвращайся домой. Задания ждут тебя здесь.

Я снова выехал на Нью-йоркское шоссе.

Когда я приехал на Тридцать пятую улицу, был уже двенадцатый час. Я не смог, как обычно, оставить машину у крыльца, ибо место было занято незнакомым чёрным лимузином. Выключив мотор, я с минуту сидел в машине, разглядывая лимузин и его служебные знаки. Мои губы наконец расплылись в довольной улыбке. Я вышел и поинтересовался у шофёра:

— Мистер Андерсон в доме?

Он долго смотрел на меня, решая сказать или не сказать, и наконец утвердительно кивнул. Я быстро взбежал по ступеням крыльца.

Действительно, в кабинете шефа сидел Андерсон. Я, сделав вид, что не заметил его, подошёл к Вулфу и отдал ему конверт с банкнотой.

— Всё проверено, — сказал я. — Дату теннисной партии я написал на конверте.

Вулф кивнул и велел положить конверт в сейф. Я открыл сейф, какое-то время неторопливо искал, где лежат остальные документы по делу Маттеи, и присоединил конверт к ним.

После этого я повернулся и с искренним удивлением воскликнул:

— Никак это вы, мистер Андерсон? Доброе утро.

Он что-то буркнул в ответ.

— Когда ты возьмёшь свой блокнот, Арчи, мы сможем продолжить нашу беседу, — многозначительно растягивая слова, произнёс Вулф, и я сразу понял, что нашему стражу порядка сегодня не поздоровится. — Нет, Арчи, ты будешь сидеть не за своим столом на этот раз. Присоединяйся к нам, бери стул и садись поближе. Я только что объяснил мистеру Андерсону, что весьма оригинальная версия смерти Барстоу, сторонником которой он является, — это вызов истине и законам правосудия. Поскольку истина мне дорога, а законы я обязан соблюдать, мой долг доказать мистеру Андерсону несостоятельность его версии. Я буду рад, Арчи, если ты мне в этом поможешь. Мистер Андерсон несколько удивлён поспешностью, с которой я вызвал его сюда. Но я уже объяснил ему, как должны мы благодарить судьбу за то, что располагаем такими средствами связи, как телефон. Именно он позволил нам в кратчайший срок собраться на это маленькое, но очень важное совещание. Я думаю, мистер Андерсон, вы согласитесь со мной?

Мне показалось, что шея у прокурора вздулась. Он никогда не был вежлив в общении, и на сей раз, видимо, делал всё, чтобы не взорваться. Лицо и шея у него побагровели от усилий сдержать

себя.

— Скажите вашему помощнику, чтобы убрал свой блокнот! Вы ещё больший осел, Вулф, чем я думал, если считаете, что со мной это пройдёт!

— Запиши, Арчи, эти слова прокурора. — Тон, которым Вулф это произнёс, был полон достоинства и величия. — Хотя это замечание и не относится к делу, однако запиши его. Я вижу, мистер Андерсон, что вы недооцениваете обстановку. Не ожидал, что вы будете так упорствовать. Я предоставил вам свободу выбора, когда говорил с вами по телефону. Вы сами приняли решение приехать ко мне. Здесь, у себя в доме, позвольте мне организовать всё так, как я считаю нужным. Если вам станет невмоготу терпеть это, вы можете в любую минуту уйти. Никто вас не будет удерживать. Но если вы уйдёте, события будут развиваться по тому варианту, о котором я вам уже говорил. Через двадцать четыре часа мистер Гудвин будет у вас, в Уайт-Плейнс. Следом за ним прибудут репортёры. В моей машине рядом с мистером Гудвином будет сидеть человек, убивший Питера Оливера Барстоу и Карла Маттеи. В кармане у мистера Гудвина будут неопровержимые доказательства совершённых преступлений. Я собирался…

Но Андерсон перебил его:

— Карло Маттеи? Откуда ещё этот свалился на мою голову, чёрт побери?

— Увы, его уже нет. Он — итальянец, ремесленник. Был найден мёртвым в понедельник пятого июня, вечером, в вашем округе. Убит ножом в спину. Уверен, в прокуратуре есть это дело.

— Возможно, но какое это имеет отношение к Барстоу?

— Их убил один человек.

Андерсон с удивлением уставился на него.

— Господи, Вулф, вы сошли с ума?

— Боюсь, что нет, — вздохнул Вулф. — Временами мне кажется, я приветствовал бы это состояние как освобождение от неприятных обязанностей повседневной жизни. Как сказал бы мистер Гудвин, взял бы тайм-аут. Но, как видите, не получается. Вернёмся к делу. У вас есть с собой чековая книжка?

— Что? — Андерсон скривил губы в гримасе. — Ну, предположим, есть.

— Просто вам будет удобнее именно сейчас выписать чек на моё имя на десять тысяч долларов.

Андерсон ничего не ответил. Он впился взглядом в Вулфа. Тот был невозмутим, лишь снова вздохнул.

— Согласен, удобнее, но не вижу в этом резона. — Андерсон решил не раздражаться. — Ведь вы не разбойник с большой дороги, не так ли?

— Разумеется. — Щёки у Вулфа пошли складками. — Уверяю вас, я не разбойник. В душе я романтик, хотя, глядя на меня, этого не скажешь. Вы, кажется, не оценили ситуацию. Тогда, позвольте, поясню. Для этого вернёмся в прошлое, на четыре года назад, к той странной забывчивости, которую вы вдруг проявили при рассмотрении в суде дела Голдсмита. Я очень сожалел, что не смог сделать этого ещё тогда, но поклялся, что при случае напомню вам об этом. Такой случай представился сейчас. Две недели назад в моём распоряжении оказалась информация, позволяющая мне помочь вам. Я хотел это сделать, но обстоятельства дела Голдсмита, которые сохранились не только в моей памяти, но и в вашей, как мне казалось, заставили бы вас из щепетильности не принять от меня такую заслугу. Поэтому я попробовал продать вам эту информацию и предложил заключить пари. Свидетельством того, что вы поняли мой ход, является ваше встречное предложение, которое вы сделали Арчи Гудвину. Однако вы предложили ему пари на сумму столь мизерную, что даже неудобно её называть.

— Это была вполне достаточная сумма, — недовольно возразил Андерсон.

— Прошу вас, мистер Андерсон, не низводите наш разговор до абсурда. — Вулф откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. — Нам с мистером Гудвином удалось найти убийцу и все доказательства его вины, не бесспорные, но такие, с которыми посчитается суд присяжных. Итак, возвращаемся к нашему случаю. Убийца — это не моя прерогатива, исключительное право суда над ним принадлежит суверенному штату Нью-Йорк. Далее, информация, которой я располагаю, не принадлежит мне, и если я не передам её штату, меня привлекут к судебной ответственности. Но я сам вправе выбирать способы передачи информации. Итак, первый вариант — вы оформляете на моё имя чек на десять тысяч долларов. Мистер Гудвин сегодня же получит в банке эти деньги, а завтра утром укажет вам убийцу и передаст доказательства его вины. Всё будет тихо, скромно, без фанфар и хвастовства. Второй вариант я уже вам живописал: обвиняемый, пресса, сенсационные доказательства, и, разумеется, никакой скромности с нашей стороны. Решайте, сэр. Но, хотите верьте, хотите нет, мне абсолютно всё равно, что вы выберете.

Хотя, конечно, я предпочёл бы чек, но и шумные аттракционы я тоже люблю.

Вулф умолк. Андерсон выслушал его вежливо, молча, но что-то уже прикидывая в уме. Вулф нажал кнопку звонка и велел вошедшему Фрицу принести пиво. Когда представлялась возможность оторвать глаза от блокнота, я с интересом следил за прокурором. Заметив, что это его раздражает, я особенно старался.

— Какая у меня уверенность, что ваши доказательства чего-то стоят? — наконец проронил он.

— Разве моего слова вам не достаточно, сэр? Можете ему верить, как и моим заключениям.

— Вы не допускаете сомнений?

— Сомнениям всегда есть место, мистер Андерсон. Их не должно быть лишь у присяжных.

— О десяти тысячах не может быть и речи. Пять тысяч.

— Пф, мистер Андерсон. Неужели вы намерены торговаться? Недостойное это дело. Что ж, пусть будет аттракцион.

Вулф взял стакан и жадно выпил пиво.

— Давайте мне доказательства, покажите убийцу, и, когда он будет в моих руках, вы получите чек, — заявил Андерсон.

Вулф не торопясь вытер губы и тяжело вздох-

нул.

— Мистер Андерсон, кто-то из нас должен поверить другому. Не заставляйте меня называть причины, почему я отдаю предпочтение именно первому варианту.

Но Андерсон всё же решил торговаться. Он был напорист и груб. У него не было ни достаточных аргументов, ни уважительных причин, но в многословии ему нельзя было отказать. Когда он наконец умолк и перевёл дух, Вулф лишь неодобрительно покачал головой. Но это не остановило Андерсона, и он повторил все свои доводы в третий раз. Вулф был непреклонен и по-прежнему качал головой. Я старательно всё записывал. Должен сказать, что Андерсон держался до последнего. Наконец ему пришлось полезть в карман за чековой книжкой. Держа её на колене, он выписал чек, заполнив также корешок. Делал он это не торопясь, собственной ручкой, как заправский банковский бухгалтер, неторопливо и аккуратно. Затем оторвал чек и положил его на стол перед Вулфом. Кивком шеф указал мне на чек, я взял его и внимательно изучил. Я с облегчением вздохнул, увидев, что он выписан на один из банков Нью-Йорка. Следовательно, мне не придётся мотаться в Уайт-Плейнс, и я вполне

смогу получить деньги до трёх часов, то есть до закрытия банков.

Андерсон поднялся с кресла.

— Надеюсь, я не пожалею об этом, Вулф, — сказал он. — А теперь говорите — где и когда.

— Я вам позвоню.

— Когда?

— В течение суток, возможно, раньше. Надеюсь, я могу звонить в любое время, либо в прокуратуру, либо домой?

— Да, — коротко ответил окружной прокурор и покинул кабинет.

Я вышел вслед за ним и смотрел ему в спину, пока он шёл к входной двери. Вернувшись в кабинет, я взял чек и поставил его на столе, прислонив к пресс-папье. От избытка чувств я даже незаметно послал ему воздушный поцелуй.

В это время Вулф занимался тем, что беззвучно насвистывал, сложив губы трубочкой. Я любил наблюдать за ним, когда он в таком настроении. Он позволял себе это лишь в нашем с Фрицем присутствии. В такие минуты, как он мне однажды признался, эмоции в нём берут верх над разумом.

Наконец я спрятал блокнот, сунул чек в карман и поставил свой стул на место.

— Арчи, четыре года — срок немалый, как ты считаешь? — после паузы спросил Вулф.

— Да, сэр, немалый. Десять тысяч долларов тоже немалые деньги. Я съезжу в банк и предъявлю его к выплате. До ланча ещё целый час.

— Идёт дождь, Арчи. Представляю, каково ехать в город под таким дождём. Позвони, чтобы прислали посыльного.

— Что вы, не надо! Я ни за что не откажу себе в удовольствии сделать это самому. Даже если вы предложите мне трёхлитровую бутыль молока.

— Упрямец, — пробормотал Вулф, откидываясь на спинку кресла, и закрыл глаза.

Я вернулся, полный намерений разрезать ленточку и дать старт. Я считал, что наш час пробил и пора переходить к действиям. Но, к моему удивлению, Вулф пребывал в том же лениво-расслабленном состоянии. Он не торопился что-либо предпринимать. За ланчем он неторопливо наслаждался едой и выпил две большие чашки кофе. Потом вернулся в кабинет и отдыхал в кресле, явно не помышляя ни о каких трудовых подвигах. Я же места себе не находил.

Наконец, словно пробудившись, Вулф решил дать мне несколько мелких заданий: первое — перепечатать полный текст всех показаний

Анны Фиоре в хронологическом порядке; второе — срочно сделать фотокопии всего, что было в конверте, который передал Анне Карло Маттеи; третье — отправиться на Парк-авеню к Марии Маттеи, отдать ей её сумочку, а Анну попросить подписать две копии её показаний в присутствии свидетелей, и, наконец, четвёртое поручение — вместе с садовником Хорстманом проверить качество луковиц псевдоорхидей, доставленных второго дня пароходом «Кортес».

Не удержавшись, я спросил:

— Может, вы что-то ещё упустили, сэр?

Он легонько, чтобы не нарушать свой покой, покачал головой, и мне пришлось смириться. Любопытно, что будет дальше, думал я, но тревоги уже не испытывал. По лицу шефа я догадывался, что в этой огромной голове что-то зреет, и вскоре я буду это знать.

Всю вторую половину дня я был занят. Прежде всего я отправился в фотостудию и заказал фотокопии документов, недвусмысленно дав понять, что, если хоть что-то пропадёт из моего драгоценного материала, им не поможет даже пожарная лестница, видневшаяся за окном. Потом сел за перепечатку показаний Анны. Времени на это ушло порядочно.

Когда я снова вышел из дома, дождь почти прекратился, но тротуары были ещё мокрые. Я позвонил Марии Маттеи, что еду к ней, так что она уже ждала меня. Я не узнал её. В аккуратном, хорошо сшитом платье, с чем-то вроде чёрной кружевной накидки на голове, она выглядела элегантной, и манеры у неё были совсем другие, как и подобает тому, кто служит на Парк-авеню. Я было подумал, что будет вульгарно тут же сунуть ей в руки её сумочку, но она сама отобрала её у меня, затем проводила меня в комнату, в которой у окна сидела Анна. Я зачитал ей и Марии текст показаний, и она подписала его. Мария поставила свою подпись как свидетель.

Анна почти ничего не говорила, но в глазах её стоял безмолвный вопрос, появившийся в ту секунду, как я вошёл в комнату. Поднявшись со стула, чтобы откланяться, я легонько потрепал её по плечу.

— Скоро, Анна, скоро. Я найду твои деньги. Как только они будут у меня, я сразу же их привезу. Не беспокойся.

— Мистер Арчи… — только и смогла вымолвить она.

Получив фотокопии и вернувшись на Тридцать пятую улицу, я понял, что заданий, судя по всему,

больше не будет. Раз так, машине нечего стоять у крыльца, и я отвёл её в гараж. До ужина я возился с цветочными луковицами и составлял список претензий к поставщикам. Вулф бесцельно бродил по оранжерее, но в шесть вечера ушёл вниз. Наконец я смог спокойно закончить все дела.

Был девятый час, когда мы наконец сели ужинать. Я сидел как на иголках. Семь лет работы с Вулфом приучили меня не грызть ногти от нетерпения, а ждать, но бывали времена, когда я думал, что только ненормальный может позволить, чтобы его так водили за нос. В этот вечер Вулф не выключал приёмник за ужином. Как только ужин кончился и он кивком пригласил Фрица отодвинуть его стул, я встал и сказал:

— Думаю, мне нет смысла сидеть в вашем кабинете и смотреть, как вы зеваете. Пойду-ка я в кино.

— Отлично, — сказал Вулф. — Не следует пренебрегать своими культурными потребностями.

— Что?! — взорвался я. — Значит, вы хотите, чтобы я сидел в кино, а в это время Мануэль Кимболл, собрав вещички, на первом же пароходе сбежал на родину? Тогда вы наверняка пошлёте меня в Аргентину, прикажете купить лошадь и рыскать по пампе в поисках этого типа? Вы

считаете, что для того, чтобы поймать убийцу, вполне достаточно сидеть в кресле и позволить вашей гениальности сделать всё остальное? Гениальность — это здорово, но к ней нужны пара зорких глаз, быстрые ноги, а иногда и парочка пистолетов в придачу. Вы ничего лучшего не придумали, чем отправить меня в кино? А сам тем временем…

Но он не дал мне закончить. Привычным жестом руки ладонью вперёд он остановил поток моих слов. Фриц уже успел отодвинуть кресло, и Вулф поднялся во весь свой немалый рост.

— Арчи, избавь меня от этих сцен. Неистовые страсти и болтливость сороки. При чём тут я? Разве я предлагал тебе пойти в кино? Не ты ли сам это придумал? Даже если бы Мануэль Кимболл дрожал от страха, у него пока нет видимых причин уезжать в Аргентину или ещё куда-нибудь. Об этом он сейчас думает меньше всего. Чтобы успокоить тебя, скажу, что он дома и никуда уезжать не собирается. Два часа назад я разговаривал с ним по телефону. Фриц, звонят, открой, пожалуйста, дверь! Я обещал мистеру Кимболлу-младшему позвонить завтра в восемь утра. Уверяю тебя — он будет ждать моего звонка.

— Надеюсь, — произнёс я, но всё равно не успо-

коился. — На этой стадии любая ошибка может дорого обойтись. Вы свою долю работы, и чертовски трудной работы, которая не под силу никому, кроме вас, выполнили. Теперь осталась её более простая часть, но не менее важная. Я поеду к нему, я не буду спускать с него глаз, пока вы не скажете Андерсону, что он может арестовать его. Почему бы не сделать именно так, как я говорю?

Вулф покачал головой.

— Нет, Арчи. Ты хочешь сказать, что приходит такой момент, когда мастерство должно уступить место грубой силе. Я понимаю это, но категорически не приемлю. Кажется, стали прибывать гости. Ты не заглянешь ко мне, прежде чем отправиться на прогулку?

Он повернулся и проследовал в свой кабинет. Я шёл за ним, гадая, какую ещё шараду он приготовил. Что бы это ни было, радости я не испытывал.

Фриц пошёл открывать дверь. Поскольку я толком не знал, каких гостей ждёт шеф, для меня было полной неожиданностью то, что я увидел, войдя вслед за Вулфом в кабинет. Я с удивлением смотрел на Фреда Даркина, Билла Гора и Орри Кетера. В голове даже мелькнула нелепая мысль, не решил ли Вулф помочь мне в поездке к Мануэлю

Кимболлу и не собрал ли целую команду, чтобы только поймать этого гада ползучего, как я мысленно теперь назвал Мануэля. Но Вулф слишком хорошо меня знал, чтобы решиться на такой шаг. Я кивком поздоровался со всеми и ухмыльнулся, заметив у Орри повязку на левом запястье. Анна Фиоре всё же расквиталась с ним.

Усевшись в кресло, Вулф велел мне взять карандаш и большой лист бумаги и нарисовать примерный план поместья Кимболлов. В присутствии гостей я не стал задавать ему вопросов, а сделал, как он велел. Я предупредил его, что укажу лишь то, что успел заметить в непосредственной близости вокруг дома, но это его вполне устроило. Пока я рисовал план поместья Кимболлов, Вулф инструктировал Орри, который должен был в половине седьмого утра вывести машину Вулфа из гаража, а двум остальным сказал, где и когда они должны встретиться с Орри.

Нарисовав план, я отдал его Вулфу.

— Хорошо, — сказал он, взглянув. — А теперь скажи: если бы тебе пришлось направить трёх человек в это поместье, где бы ты их поставил на случай, если Мануэль Кимболл попытается незаметно улизнуть?

— Он не должен их видеть?

— Нет, можно всё сделать совершенно открыто.

— Как долго будет длиться операция?

— Часа три.

Я подумал с минуту.

— Очень просто. Даркин останется на шоссе напротив въезда в поместье. Машину надо поставить у ворот так, чтобы её можно было легко развернуть в обе стороны. Билл Гор будет стоять в кустах, вот здесь. Отсюда хорошо видны подходы к дому. Орри займёт своё место на вершине холма, чуть более полумили от дома. В его распоряжении должен быть полевой бинокль и мотоцикл, стоящий наготове на просёлочной дороге. Но они все вполне могут сидеть дома и играть в карты, ведь летать-то они не умеют.

Щёки Вулфа покрылись складками.

— Летать умеет Сол Пензер. Небеса тоже будут глядеть в оба. Спасибо, Арчи. Это всё. Мы не будем больше тебя задерживать и мешать тебе развлекаться.

По его тону я понял, что свободен, но это меня не устраивало. Если он сочиняет очередную шараду, я тоже хочу в этом участвовать, чёрт побери!

— Все кинотеатры сегодня закрыты. Рейды Лиги борьбы за нравственность.

— Тогда найди себе девицу на вечер. Когда хочешь собрать яйца, заглядывай в каждое гнездо.

Билл Гор фыркнул.

Взгляд, которым я посмотрел на Вулфа, был красноречивей всяких слов, во всяком случае, мне так казалось. Я вышел в холл и взял шляпу.

Глава 18

Я проснулся, когда не было ещё и семи. Была среда. Вставать не хотелось, и я лежал, любуясь солнечным лучом, косо падавшим в окно, прислушивался к пробуждающемуся городу за окном и гудкам барж и паромов в порту, а также размышлял, каким будет предстоящий день. Если Билл, Фред и Орри, следуя инструкциям, встретились в половине седьмого в гараже, то теперь они должны быть уже где-то у Главного перекрёстка. Своего задания я ещё не знал. Вчера я вернулся поздно, и Вулф уже ушёл к себе, не оставив никакой записки.

Наконец я заставил себя встать, не спеша побрился, оделся и спустился вниз. Фриц в отличном настроении уже хлопотал на кухне. Я вяло съязвил, а потом подумал, что нечестно срывать на нём своё раздражение, и, стараясь загладить свой поступок, съел лишнее яйцо всмятку и прочитал вслух заметку в утренней газете о нападении летучей мыши-вампира на ребёнка в зоопарке. Фриц, родом из Французского каньона Швейцарии, выписывал газету на родном языке

и читал её каждое утро. Но мне всегда казалось, что там ничего интересного не пишут, поэтому я удивлялся, когда встречал там словечко или два из свежих новостей, не сходивших с первой полосы целую неделю, например, о Барстоу.

Я пил уже вторую чашку кофе, когда в кабинете зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос Вулфа, опередившего меня. Звонил Орри, он доложил, что они прибыли и все уже на своих местах. Вот и весь разговор. Я прослушал его до конца, затем вернулся в кухню к своему недопитому кофе.

После третьей чашки я закурил сигарету и нехотя вернулся в кабинет. Что ж, рано или поздно гений должен посвятить меня в свои планы, успокаивал я себя. Наберись терпения, займись уборкой, вытри пыль с письменного стола, заправь ручку хозяина свежими чернилами и вообще сделай так, чтобы учитель тебя заметил и похвалил. Рано или поздно, малыш… о, чёртов осел… дурак! Я уже в буквальном смысле начал дёргаться. Пару раз я хватал трубку телефона и проверял, не звонил ли Вулф кому-нибудь. Он не звонил. Я разобрал почту и положил её на его стол, открыл сейф, вынул конверт Маттеи и ещё раз проверил, всё ли на месте. Конверт с фото-

копиями показался мне тоньше, чем был. Так и есть, один экземпляр фотокопии исчез. Я сделал две копии, в конверте же была лишь одна. Это подсказало мне одну отгадку в шараде Вулфа, но мне не пришлось поразмышлять над ней, потому что, когда я снова вкладывал фотокопию в конверт, вошёл Фриц и сказал, что Вулф зовёт меня.

Я поднялся на второй этаж. Дверь спальни шефа была открыта. Он был уже одет, только без пиджака. Широкие рукава его неизменной канареечно-жёлтой сорочки — он менял сорочки два раза в день — были похожи на два огромных надутых пузыря, когда он, стоя перед зеркалом, щёткой приглаживал волосы. Вдруг я увидел в зеркале, что он подмигнул мне. От удивления у меня отвалилась челюсть.

Положив щётку, Вулф повернулся.

— Доброе утро, Арчи. Ты уже завтракал? Отлично. Приятно видеть снова солнце после вчерашнего бесконечного дождя. Возьми из сейфа документы Маттеи. И не забудь прихватить оружие. Отправляйся в Уайт-Плейнс за мистером Андерсоном, он будет ждать тебя. Отвезёшь его в поместье Кимболлов. Покажешь ему Мануэля, если понадобится, ткнёшь в него пальцем, чтобы запомнил. Когда Андерсон задержит его,

передашь ему документы. После этого тут же возвращайся домой. Фриц готовит сегодня твоё любимое блюдо.

— Хорошо, босс. Но зачем такая таинственность?..

— Комментировать будешь потом, а пока оставь всё при себе. У меня всего десять минут, а я ещё должен выпить шоколад.

— Счастливо поперхнуться, — весело бряк-нул я.

С документами Маттеи во внутреннем кармане пиджака и с заряженным пистолетом в кобуре, я отправился в гараж за машиной. Было солнечное и тёплое утро двадцать первого июня — день летнего солнцестояния. Весьма подходящая погода, чтобы поставить точку в деле Мануэля Кимболла, самом длинном деле за весь этот год. Я залил бензин в бак, сменил масло и воду в радиаторе, выехал на Парк-авеню и свернул на север. Проезжая мимо мраморного фасада Манхэттенского банка, я отсалютовал ему — здесь я вчера предъ-вил к оплате чек Андерсона на десять тысяч.

В этот ранний час северное шоссе было ещё пустынным, но я даже не подумал увеличить скорость — стрелка спидометра устойчиво стояла на цифре сорок, а то и того меньше. Вулф обещал

Андерсону, что не будет ни шума, ни показухи, поэтому встреча с дорожным патрулём не входила в мои планы.

Нервы были напряжены, я с трудом сдерживал нетерпение, как всегда, когда выходил на след того, кого так долго искал. Мне не хватало воздуха, всё, к чему прикасались мои руки, например, рулевое колесо, словно оживало, становилось частью меня. Я не любил это ощущение, но в критические минуты оно неизменно охватывало меня.

Андерсон ждал меня. Секретарша лишь кивнула мне, продолжая разговаривать по телефону. Андерсон вышел сразу же, за ним ещё двое, атлетического сложения, с одинаковыми шляпами в руках. Один из них был уже мне знаком — сыщик Г. Р. Корбетт, другого я видел впервые. Андерсон задержался у стола секретаря и что-то сказал девушке, затем подошёл ко мне.

— Ну? — спросил он.

— Я готов, если вы готовы, — ухмыльнулся я. — Привет, Корбетт. Ты тоже с нами?

— Я беру с собой этих двоих. Ты знаешь, какая предстоит работа. Хватит, как ты считаешь? — поинтересовался Андерсон.

Я кивнул.

— Пригодятся. Подержат в случае чего мою шляпу.

Мы вышли. Андерсон сел в мою машину. Его подчинённые ехали за нами в служебной, но я заметил, что это не был личный лимузин Андерсона. На Главной улице каждый постовой отдавал нам честь, а я с ухмылкой думал про себя: что бы ты, друг, сказал, если бы узнал, во что обошлась окружному прокурору Андерсону эта небольшая прогулка?

Как только мы выехали на шоссе, я дал полный газ и не сбавлял скорости ни на крутых поворотах, ни на спусках, к немалому беспокойству Андерсона. Он не догадывался, что это тоже было частью нашей программы. Иногда я чуть уменьшал скорость и оглядывался назад, чтобы проверить, поспевает ли за мной Корбетт. Дорога от Уайт-Плейнс до поместья Кимболлов заняла двадцать пять минут. На щитке часы показывали десять сорок, когда я, сбавив скорость, свернул к воротам поместья.

Даркин был на посту. Я увидел его сидящим на подножке нашего седана, поставленного так, как мы договорились. Я махнул ему, но не остановился.

— Это человек Вулфа? — спросил Андерсон. Я

кивнул.

Мы проехали футов сто по подъездной аллее, как вдруг Андерсон сказал:

— Стоп!

Я нажал на педаль, переключил скорость и затормозил.

— Это поместье Е. Д. Кимболла, — заявил прокурор. — Ты можешь показать мне материалы прямо здесь.

— Не выйдет, мистер Андерсон, — покачал я головой. — Вы хорошо знаете Ниро Вулфа. Я выполню все его указания. Можно ехать?

Машина с Корбеттом остановилась позади нас. Кусая губы, Андерсон смотрел на меня в нерешительности. Я напряг слух, но не для того, чтобы услышать ответ окружного прокурора, а потому что мне показалось, будто я слышу гул самолёта. Даже если бы я вышел из машины и попытался его увидеть, всё равно ничего бы не получилось — мешали густые кроны деревьев, которыми была обсажена аллея, ведущая к дому. Но сомнений не было — это был самолёт. Я рывком тронул машину с места.

— Чёрт побери, Гудвин! Надеюсь, ты соображаешь, чем рискуешь? Если бы я знал… — рассердился Андерсон, решивший, что это розыгрыш.

— Помолчите, сэр, — огрызнулся я.

Остановив машину у крыльца, я взбежал по ступеням и нажал кнопку звонка. Через минуту дверь открыл толстый дворецкий.

— Мне нужен мистер Мануэль Кимболл, — проговорил я.

— Да, сэр. Он ждёт вас. Он просил сказать, чтобы вы шли прямо к ангару.

— Как, он не в доме?

Дворецкий ответил не сразу, он явно был обеспокоен.

— Он, кажется, решил подняться в воздух на своём самолёте, сэр.

Я вернулся к машине. Корбетт, подошедший к Андерсону, в чём-то убеждал его.

Когда я сел за руль, Андерсон, повернувшись ко мне, недовольно начал:

— Послушай, Гудвин…

— Я просил вас помолчать. Мне сейчас не до вас. Поберегись, Корбетт!

Я круто свернул на аллею, огибавшую дом и ведущую к ангару. На взлётном поле гул самолёта был отчётливо слышен. Я свернул так резко, что из-под колёс брызнул гравий. В широких дверях ангара стоял механик Скиннер. Я бросился к нему.

— Где мистер Мануэль?

Скиннер пальцем указал в небо. Я поднял голову. Да, это был самолёт Мануэля Кимболла. Он был хорошо виден, солнце играло на его красно-синем фюзеляже. Гул мотора показался мне чрезвычайно громким, и в ту же секунду я увидел другой самолёт, летевший выше самолёта Мануэля и с гораздо большей скоростью. Оба кружили в воздухе и против солнца казались чёрными диковинными птицами.

— Сегодня кто-то решил составить им компанию, — тихо промолвил Скиннер.

— Да, вижу. Кто же это?

— Не знаю. Он появился здесь сразу после восьми утра и с тех пор кружит. Это двухмоторный «Бартон», неплохо делает «нырок».

Я вспомнил слова Вулфа, что небеса будут глядеть в оба. Теперь в этом сомнений не было.

— А когда мистер Кимболл поднялся в воздух?

— После десяти. Они с отцом пришли на поле в половине десятого, но заднее сиденье было плохо прилажено. Пришлось повозиться с ремнями.

Я сразу всё понял и всё же спросил:

— Значит, он не один в самолёте?

— Да, с ним отец. Старый джентльмен тоже решил полетать. Он поднимается в воздух всего в

третий раз. Поначалу упирался, не хотел лететь, когда узнал, что сиденье не в порядке, но потом мы его уговорили.

Я снова посмотрел на небо. Мануэль Кимболл и его отец в небе, где солнце, ветер и шум мотора. Никаких разговоров, просто лёгкая прогулка.

Я решил вернуться к машине и поговорить с Андерсоном. Корбетт, увидев меня, сделал несколько шагов навстречу. Я замедлил шаг, думая остановиться, но он вдруг ехидно спросил:

— Вот мы и прибыли на праздник. А где же главный герой?

Я, не останавливаясь, прошёл мимо.

— Придётся подождать, мистер Андерсон, — сказал я прокурору, понизив голос. — Убийца решил совершить прогулку в небесах. Сожалею, что не удастся взять его сию же минуту. Но он ваш.

— Садись в машину, — резко сказал Андерсон. — Хватит водить меня за нос. Раскрывай ваши карты.

Я покачал головой — не из упрямства, просто время ещё не пришло. Я хотел сделать всё, как задумал Вулф, но тут неожиданно вмешался Корбетт. Подойдя к машине с другой стороны, он сунул голову в окно и нагло заявил:

— Если при нём что есть, шеф, я мигом из него вытряхну…

Я открыл было рот, чтобы достойно ответить, как вдруг кто-то окликнул меня. Обернувшись, я увидел механика Скиннера. Он шёл от ангара — в руках у него была клюшка для гольфа и конверт. Вопросительно глядя на него, я двинулся навстречу.

— Я забыл, сэр. Вы будете мистер Гудвин, не так ли? Это вам от мистера Кимболла.

Я буквально выхватил у него из рук клюшку. Так вот какая она! Самая обычная, ничуть не отличающаяся от всех других, что я видел. Но та, что принесла смерть. Я сунул её под мышку и взглянул на конверт. Он был адресован Ниро Вулфу, но не был запечатан. Я вынул из него фотокопию документов, ту, которой недосчитался, когда смотрел бумаги в сейфе. К ней была приколота записка:

«Благодарю, мистер Вулф. Примите и вы мой подарок в знак признательности.

Мануэль Кимболл».

Я поднял голову и посмотрел на сине-красный самолётик в небе. Вот и ключик к разгадке шарады Вулфа. Самолёт всё ещё делал какие-то

фигуры, забираясь всё выше, а над ним неотступно висел двухмоторный «Бартон». Я вложил фотокопию в конверт.

— Давай подержу, — вдруг услышал я голос появившегося рядом Корбетта.

— Спасибо, справлюсь сам, — ответил я.

И тут он прыгнул на меня, как кошка. Я этого совсем не ожидал. Он был ловок, ничего не скажешь. Выхватив у меня клюшку и конверт, он бросился бежать к моей машине, где сидел Андерсон. В два прыжка я опередил его. Увидев моё лицо, он остановился, поняв, что шутки плохи.

— Получай, что заслужил! — рявкнул я и нанёс ему удар в правую скулу. Он зашатался и выронил добычу. Не дав ему опомниться, я двинул его в левую, и тут он уже не устоял на ногах. Его напарник и Скиннер с разных сторон бежали к нам. Я повернулся, чтобы достойно встретить дружка Корбетта, но вдруг раздался резкий, как щелчок хлыста, окрик Андерсона:

— Кэрри!

Сыщик остановился, почти добежав до меня. Я отступил на несколько шагов назад. Корбетт уже поднимался с земли. Взгляд его не предвещал мне ничего хорошего.

— Корбетт, отставить! — снова послышался

грозный голос прокурора.

— Если дело во мне, мистер Андерсон, то не беспокойтесь, — произнёс я. — Раз ребятам захотелось поиграть в «хватай и беги», я готов выйти один против двоих. Жаль, что ваши подчинённые не научились уважать чужую собственность. — С этими словами я поднял с асфальта конверт и клюшку.

И в это мгновение раздался испуганный возглас Скиннера:

— О, господи! Он потерял…

Я было подумал, что он говорит обо мне, но увидел, что Скиннер, запрокинув голову, смотрит на небо. Самолёт Кимболла действительно странно себя вёл. Судорожными рывками он то взмывал, то падал, будто потерял управление. Я не понял сразу, что он падает и находится уже совсем низко над нами. Когда падение стало стремительным, сомнений не осталось. Я стоял, окаменев, не веря своим глазам.

— Берегитесь! — отчаянно крикнул Скиннер, и мы все бросились к ангару. Андерсон, выскочивший из машины, тоже бежал к нам. Мы едва успели проскочить в широкие двери ангара, как самолёт рухнул. В воздухе словно сверкнула чёрная молния, раздался взрыв — не рокочущий

и громоподобный, как залп из тяжёлых орудий, а короткий, резкий и больно ударивший по барабанным перепонкам. Полетели обломки, и что-то упало прямо к нашим ногам. Самолёт упал на край асфальтированной площадки в десяти футах от полицейской машины. Мы бросились к нему, не обращая внимания на предупреждающие крики Скиннера, что могут быть и другие взрывы.

Зрелище было ужасное. Я с трудом узнал Кимболла-старшего в том, что было привязано ремнями к заднему сиденью, которое смастерил для него Скиннер. Видимо, вся сила удара при падении пришлась на хвостовую часть самолёта. Мануэля Кимболла, по крайней мере, можно было узнать. Лицо его почти не пострадало.

Мы со Скиннером расстегнули на нём ремни, пока остальные занимались старым джентльменом. Мы перенесли их в ангар и положили на брезент на полу.

— Лучше отведите свои машины подальше, — посоветовал Скиннер. — Не ровен час, ещё что-нибудь взорвётся.

— Ну, свою я если трону с места, то уже не остановлюсь, — сказал я. — Что ж, мистер Андерсон, пришло время закругляться. Помните, что сказал

Ниро Вулф? Он предупредил, что я буду действовать чётко и решительно. В этом конверте доказательства, а убийца вон там, на брезенте.

Взяв клюшку и конверт с запиской для Вулфа, я покинул ангар и направился к своей машине. Мне понадобилась лишь пара секунд, чтобы завести её и дать полный газ.

У ворот, перед тем как свернуть на шоссе, я остановился и крикнул Даркину:

— Собирай ребят, едем домой!

Через двадцать две минуты мы уже были в Уайт-Плейнс. Никогда ещё мой родстер не шёл так хорошо. Я позвонил Вулфу из той же аптеки, из которой звонил две недели назад, когда сообщил, что Андерсон прохлаждается в Адирондакских горах, а пари можно заключить разве что с Дервином.

Вулф сразу же поднял трубку и выслушал мой краткий, но исчерпывающий ответ.

— Хорошо, — сказал он. — Надеюсь, ты на меня зла не держишь? Просто я не хотел загружать тебя мелочами. Фриц тут готовит нечто особенное, специально для тебя. Кстати, Уайт-Плейнс далеко от Скарсдейла? Мне позвонил Глекнер, похвастался, что получил редкий гибрид дендробиума мельпомены с финдлаянумом и хочет дать мне

сеянец. Не заедешь ли по дороге, а?

Глава 19

Чек с виду был невзрачным кусочком блекло-голубой бумаги, который можно свободно вложить в обыкновенный почтовый конверт, даже не складывая вдвое. Он казался мне ещё меньше оттого, что был заполнен размашистым и неразборчивым почерком. Я решил, что это рука Сары Барстоу, но внизу увидел мелкими буквами: «Эллен Барстоу». Была суббота, чек пришёл с первой утренней почтой. Как только я увидел конверт среди прочей корреспонденции, я сразу же позвонил Вулфу, но он велел мне самому вскрыть его и оформить в банке депозит. Взглянув на него в последний раз, я протянул его в окошечко банковскому кассиру.

В одиннадцать утра Вулф вошёл в кабинет, сел за стол и, тут же позвонив Фрицу, велел принести пива. Я положил счёт расходов по делу Барстоу ему на стол вместе с утренней почтой. Бегло просмотрев почту, он занялся счётом. Он изучал его не спеша, пункт за пунктом, с карандашом в руке. Я ждал. Я сразу заметил, что его заинтересовал третий пункт, и нервно сглотнул.

— Арчи, нам надо купить новую пишущую машинку, — сказал Вулф, подняв на меня глаза.

Я прочистил горло, готовясь ответить, но он ещё не всё сказал.

— Эта машинка излишне импульсивна. Возможно, ты этого не замечаешь. Она напечатала лишний ноль рядом с фамилией Анны Фиоре, и ты повторил эту ошибку при подведении итогов.

Я попробовал улыбнуться.

— О, нет, сэр, это не ошибка. Я просто забыл вас предупредить. Сто долларов Анны дали проценты — теперь это тысяча долларов. Сегодня я верну их ей.

Вулф вздохнул. Фриц принёс пиво, он открыл бутылку и залпом осушил стакан. Сунув счёт вместе с остальной почтой под пресс-папье, он принял свою любимую позу в кресле и закрыл глаза.

— С завтрашнего дня пью не более пяти кварт в день, — неожиданно заявил он.

Теперь я уже не мог не улыбнуться.

— Не меняйте тему разговора, шеф. Даже если бы вы удвоили эту сумму, я не счёл бы это благотворительностью. Это ваша самая удачная сделка, поскольку почти ничего вам не стоила. Знаете, как потратит эти деньги Анна? Она най-

дёт себе мужа. Подумайте только, какое доброе дело вы сделаете.

— Проклятье! Ничего не давай ей! Скажи, что ты не нашёл этих денег.

— Нет, сэр. Я дам ей деньги, и пусть она сама роет себе могилу. Я не так жесток, как вы, и не считаю себя вправе решать чью-то судьбу.

Вулф открыл глаза. Он последние три дня был вял и сонлив, и я подумал, что настало время встряхнуть его как следует.

— Ты, кажется, собирался что-то мне сказать, Арчи?

— Да, сэр. Я хотел спросить, как вам в голову пришла мысль убить Е. Д. Кимболла?

— Ты хочешь сказать, как эта мысль пришла в голову его сыну?

— Нет, именно вам, сэр. Не уходите от ответа. Ведь это вы убили его.

Вулф покачал головой.

— Это я ухожу от ответа? Ошибаешься, Арчи. Е. Д. Кимболла убил его малолетний сын, которого он оставил на полу в спальне матери играть игрушками, забрызганными её кровью. Если хочешь знать, старый Кимболл был убит не утром в прошлую среду, а в то злополучное воскресенье, четвёртого июня. В результате роковой случай-

ности, слепого случая, беспощадно вторгшегося в естественный ход человеческой жизни, вместо Кимболла-старшего был убит другой человек. Это верно, я помог исправить эту несправедливость. Через Даркина я послал Мануэлю Кимболлу фотокопию всех улик против него, я позвонил ему по телефону и сказал, что он окружён как на земле, так и в воздухе. А затем предоставил событиям развиваться своим ходом. Правда, я сделал так, чтобы Кимболл-старший не уехал в это утро на работу и остался дома.

— Вы мне как-то сказали, что, живя в стеклянном доме, правду не скроешь. Тогда зачем вы пытаетесь это сделать? Вы убили его.

Вулф сморщился. Он снова налил себе пива и, откинувшись, смотрел, как в стакане оседает пена. Когда на поверхности осталась лишь тонкая белая полоска, он поднял на меня глаза и вздохнул.

— Беда в том, — пробормотал он, — что ты, как всегда, видишь голый факт и не видишь, что за ним. Ты впиваешься в факт, как пиявка в коровье вымя. Вспомни ситуацию. Мануэль пытался убить отца. Случайно, не по его воле, был убит Барстоу. В моих руках оказались доказательства, что он убийца. Как я мог воспользоваться ими?

Мог ли я позволить себе роскошь философских рассуждений! Нет, у меня не было такой возможности. Здесь требовалась работа профессионала. Взял ли я на себя роль провидения? Что ж, мы постоянно это делаем. Избежать этого можно лишь абсолютным бездействием. Я вынужден был действовать. Если бы я разрешил тебе взять Мануэля Кимболла без предупреждения, просто схватить его и передать в руки жаждущих отмщения жителей штата Нью-Йорк, его бы неизбежно ждал электрический стул. Он пошёл бы на казнь ожесточённым и побеждённым человеком, у которого отняли единственную возможность отмщения. Его отец, не менее несчастный и испытавший глубокое разочарование, какое-то время влачил бы жалкое существование, не заключив более ни одной из своих удачных торговых сделок. Если бы всё закончилось так, я никогда бы не снял с себя вины, и, поверь, такое состояние не из приятных. Мне надо было действовать, и я решился. Я взял на себя ответственность гораздо менее неприятную. Ты, обобщив весь сложнейший комплекс явлений, со свойственной тебе прямолинейной простотой тут же пришёл к выводу, что я убил Е. Д. Кимболла. Простота, граничащая с глупостью. Что ж, Арчи, я взял на

себя ответственность за всё, что произошло, но избавь меня от лишнего груза — твоей простоты. Уж как-нибудь неси этот груз сам.

Я улыбнулся.

— Может быть. Я не о грузе, а о том, что вы только что сказали. Пусть я глуп, пусть простак, но в голову мне и вправду пришла одна чертовски простая мысль.

— Неужели? — Вулф опорожнил стакан с пивом.

— Да, сэр. Мне пришло в голову, что если бы Мануэля Кимболла арестовали и состоялся суд, кое-кому пришлось бы сдвинуться с места: покинуть своё кресло, надеть шляпу, натянуть перчатки, выйти из дома, сесть в машину и ехать не куда-нибудь, а в Уайт-Плейнс, а там в здании суда бог знает сколько ждать, когда его вызовут в зал для дачи свидетельских показаний. Куда лучше дать событиям развиваться так, как они развиваются, и, полагаясь на чутьё и умение правильно оценивать явления, преспокойно сидеть дома, теша себя мыслью, что твоя ответственность полностью в твоих руках.

— Пожалуй, — согласился Вулф.